

УРАЛЬСКИЙ

Седоньин

8

АБСУСТ
1959

УРАЛЬСКИЙ Опыт

8 АВГУСТ 1959

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ.

В НОМЕРЕ:

РОЖДЕНИЕ МОРЯ

Л. Большаков. Очерк

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ УЗЕЛ

Фотоочерк В. Дианова

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА

П. Бляхин. Приключенческая повесть.

КОМИССАР ТОЛМАЧЕВ

А. Старостин. Воспоминания участника гражданской войны.

ФИЛЬМ СНИМАЕМ САМИ

С. Семенова. Заметки о любительских киностудиях.

ГАЗОВАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ И ПОТЕРЯННОЕ ПИСЬМО

Г. Бушманова, Е. Константинова. Репортаж.

ПЕРВЫЙ ШОВ

М. Дедиков. Рассказ

СТРАЖИ НА ПЕЛЫМЕ

И. Тропп. Рассказ

ПИСЬМО ИЗ ФРАНЦИИ

На второй странице обложки линогравюра Б. Прокопьева «Трубы завода».

Свердловское Книжное Издательство

1959

*Потрудясь до усталости хорошей
На полях, на огородных грядках,
Вышел август
С драгоценной ношей
Золотых увесистых початков.*

*Подожел к девчужке загорелой
И сказал ей ласково:
— Хозяйка!
Вот что на твоих полях созрело!
За труды награду принимай-ка.*

*Ты на зорьке убежала в поле,
Петушиных не ждала побудок.
Не боялась понабить мозоли —
И взрастила этакое чудо...*

*И уральским благодатным краем
Зашагал он дальше, август-мастер.
А она стояла, улыбаясь
Своему заслуженному счастью.*

Н. Мерзников

РОЖДЕНИЕ МОРЯ

Очерк

Л. БОЛЬШАКОВ

Сколько воды пьет завод?

У каждого производства свое исходное сырье. В металлургии это руда, в нефтепереработке — нефть, в машиностроении — металл... Но руда еще не готовый никель, а нефть не сразу становится бензином. Для их превращения нужно многое.

Например, вода.

Да, самая обыкновенная вода, формула которой — H_2O — известна каждому школьнику после первых же уроков химии.

Задумывались ли вы, сколько воды потребляет предприятие?

— Сколько воды пьют цехи? — переспросил главный инженер комбината «Южуралникель» Б. Шерман. — Приблизительно тридцать тысяч литров.

— В день? В час?

— Что вы! В минуту!

— Наше производство без воды немислимо, — сказал директор нефтеперерабатывающего завода имени Чкалова И. Назаров. — Двадцать пять тысяч литров выпивает оно одним залпом.

— В минуту?

— В секунду.

На Орско-Халиловском металлургическом комбинате назвали еще более внушительную цифру.

Мысленно произведя несложные подсчеты, трудно было удержаться от восклицания:

— Да ведь это же целое море!

— Море, — согласились со мной. И как о самом обычном, заурядном, спросили: — А вы еще нашего моря не видали?

Ирикля — это простор...

Дорсга бежит по неяркому степному ковру, на какое-то мгновение взбегает на косогор, и вот уже снова она на равнинном безбрежье — бесконечном, величаво-спокойном. Смотришь вперед, вокруг, и невольно вспоминаются ничем, кажет-

ся, не примечательные слова, услышанные от знакомого казаха: «Ирикля по-нашему — простор».

Простор... Человек в сравнении с ним кажется маленькой былинкой. Но это только со стороны. Заглянешь в самого себя и видишь: стал выше, сильнее. Ноги тверже шагают по земле, руки — в энергичном взмахе, глаза видят далеко-далеко. Двухметровой стеной стоят хлеба — вот она людская сила. Пасутся в густом травянике отары, гурты, стада — их вырастил человек. Он хозяин всех богатств, и этого простора прежде всего.

Снова подъем — круче прежних. И вдруг совсем иная картина.

Вода! Сколько видят глаза — вода!

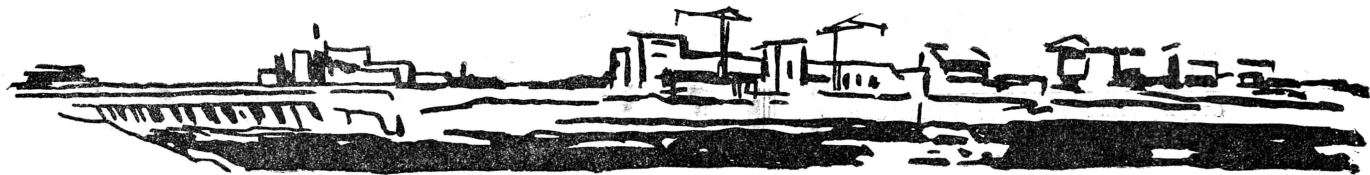
— Ириклинское водохранилище, — поясняет инженер В. Куликов и не без гордости добавляет: — Степное море...

Немного истории

Вместе с первыми пятилетками в наш обиход прочно вошли такие понятия, как «рождение завода» и «рождение города». Позднее стало привычным еще одно словосочетание: «рождение моря». Сколько таких морей появилось на советских просторах: Куйбышевское, Рыбинское, Каховское, Цимлянское. Мы уже не удивляемся, когда слышим по радио или читаем в газетах, что в Цимлянском море бушует шторм, или что там проследовали настоящие морские суда. Не удивляемся, хотя создание этого моря произошло на наших глазах совсем недавно.

Идея Ириклинского водохранилища возникла тогда же, когда было задумано развитие Орско-Халиловского промышленного комбината, включающего в себя и металлургию, и нефтепереработку, и машиностроение.

И выплавка металла, и производство нефтепродуктов, и выработка электрической энергии немислимы без большого количества воды. А Урал — река капризная: то разольется на многие километры, то становится узкой и мелкой.

И в степях появились изыскатели-гидрологи. Полный проект водохранилища был подготовлен перед Великой Отечественной войной.

Война задержала строительство. А после войны планы пришлось пересмотреть. Если раньше предполагалось соорудить лишь сравнительно небольшую ряжевую плотину, то теперь разговор шел о море.

Но вернемся к морю...

Вернемся к увиденному вдаль степному морю. Оно стало ближе, зримее.

— Вот это «сердце» водохранилища,— наш спутник указывал на плотину.

Взгляд не сразу охватывает все сооружение — так оно велико. Представьте себе полукилометровый квартал двенадцатиэтажных домов. Плотина по своим размерам примерно такой величины — сорок три метра в высоту.

Сколько работ нужно выполнить, чтобы возвести такую громаду!

— Сколько работ? — улыбается Куликов. — Могу сказать совершенно точно. — И он называет цифру за цифрой. Мы вместе переводим эти цифры в машины, обыкновенные трехтонные машины, и оказывается, что для вывозки всего мягкого грунта, вынутаго здесь, потребовалось бы по меньшей мере сто тысяч трехтонок, а для скального грунта — миллион; что три четверти миллиона машин понадобилось бы для доставки камня, уложенного в тело плотины, и добрых сто двадцать пять тысяч — для вывозки всего бетона, который пошел на ее сооружение.

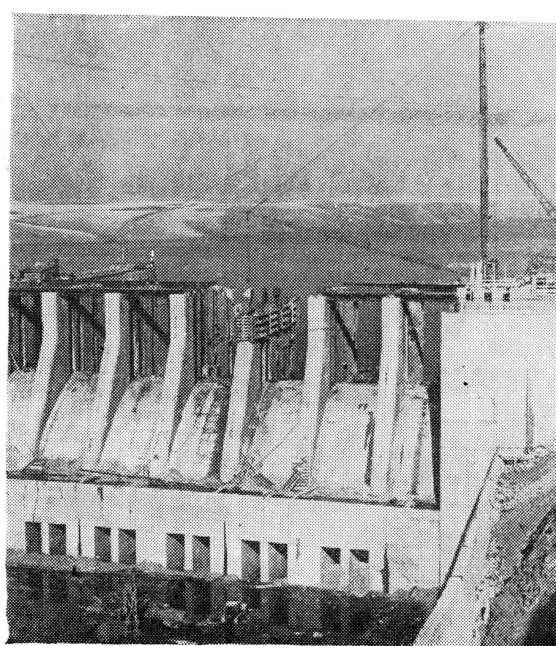
— Весь этот транспорт, выстроенный в один ряд, составит автомобильную «колонну», которая протянется чуть ли не через всю нашу страну, от ее западных до восточных границ.

...Мы идем плотиной, созданной человеческим трудом. Она задерживает воду, накапливая нужные запасы. Умные механизмы, установленные в теле плотины, планомерно сбрасывают воду вниз по течению, чтобы в самые жаркие дни река не пересыхала, чтобы заводы и города не испытывали «жажды».

С высоты плотины видно далеко. Но конца степного моря отсюда все равно не увидеть. Его можно представить себе, лишь глядя на карту Оренбуржья. Хранилище тянется на 75—80 километров вверх по реке, ширина его в некоторых местах достигает нескольких километров, а самая большая глубина водохранилища тридцать метров. Такая глубина удовлетворит любое морское судно. Чтобы обойти вокруг водного зеркала, нужно преодолеть добрых семьсот километров.

Три с лишним миллиарда кубометров воды способно вместить Ириклинское хранилище. Это в полтора раза больше, чем в известном Московском море. С таким водохранилищем промышленности восточных районов Оренбуржья не угрожает водный голод.

Но только ли в этом значение нового моря?

В этой плотине будут смонтированы агрегаты ГЭС.

Новоселы голубой целины

— Мы стоим на крыше электростанции,— сказали нам.

Электростанция? Где она? Оказывается, машинный зал ее с гидротурбинами располагается в самом теле плотины. Дешевая электрическая энергия идет в Орск, в ближайшие сельские районы. А недавно появилась еще одна линия электропередачи — в Гай, где строится один из крупнейших горнообогатительных комбинатов. Гайский комбинат позволит значительно увеличить выпуск меди в нашей стране.

Ириклинская ГЭС создана совсем недавно. Скоро повысится ее мощность, а управлять станцией будут автоматически, из Орска, который находится за десятки километров от плотины.

Вода для промышленности, электрическая энергия... И это еще не все.

Представьте себе такой разговор:

— Самолет прибыл?

— Точно по графику.

— Рейс прошел успешно?

— Лучше быть не может.

— Как чувствуют себя пассажиры?

— Большинство живы-здоровы. Только пятеро задохнулось, да еще несколько в обмороке...

— Пустяки! Ну, с благополучным прилетом!

Вы удивились? Но ведь пассажирами, о которых шла речь, были... рыбы.

Сазаны и карпы, серебристые караси и осетры — представители многих рыбных пород хорошо перенесли трудности необычного для них путешествия в бидонах на самолетах ПО-2. Они летели от берегов Каспийского моря к новому месту жительства — морю Оренбургскому.

Голубая целина, которую приехали осваивать

В рейс по новому морю.

эти новоселы, встретила их гостеприимно. Они почувствовали себя здесь полновластными хозяевами. Рядом с водохранилищем созданы рыбные пруды, зеркала которых достигает ста гектаров. В них специально выращивают миллионы рыб для нового моря.

Скоро оно начнет давать богатый урожай!

Сильные и умные руки

— Все может сделать человек,— сказал инженер Куликов, знакомивший нас с плотником, электростанцией, рыбным хозяйством.— Все!— И тут же добавил:— А ведь строят не былинные богатери, а простые смертные гидростроители.

Сам он—ветеран гидростроительства. Ему посчастливилось участвовать в создании Свирьской ГЭС—одной из первых больших строек молодой Советской республики. С тех памятных дней вся жизнь отдана любимому делу.

Часами будешь слушать рассказы Василия Матвеевича Иванова, работающего на Ирикле буквально «с первого камня». Он был плотником и арматурщиком, каменщиком и бетонщиком, бригадиром и мастером, а теперь занимается снабжением стройки материалами. О нем не зря говорят, что ради строительства тысячу верст пешком пройдет, а нужное добудет.

Человек, видавший настоящие подвиги, немногословен. А память его запечатлела многое. В весеннюю пору Урал не раз пытался отомстить тем, кто решил его укротить. Разбушевавшаяся стихия грозила начисто смести дело рук сотен людей. Иногда строители вступали в бой, настоящий бой. Они не уходили со своих трудовых постов по целым суткам, пока стройка не оказывалась вне опасности. Так было не раз и не два за эти годы. Тем дорожке сделанное каждому, кто тут потрудился.

Иванов гордится тем, что в его трудовой книжке рядом стоят Свирь и Ирикла...

Иван Корнюшкин—совсем молодой человек. И биография у него простая: семилетка—школа ФЗО—стройка. У арматурщиков на строительстве плотины дел оказалось не меньше, чем у экскаваторщиков, шоферов или, скажем, бетон-

щиков. Труд Корнюшкина здесь всюду, на каждом метре. В самую горячую пору его поставили во главе бригады из двадцати человек. Дел и забот прибавилось. Но Иван меньше всего думал о своих удобствах. Чтобы каждый арматурщик имел возможность работать в полную силу, он разделил бригаду на звенья. Одно звено сменяло другое, круглые сутки трудились «корнюшкинцы» на боевом участке.

Надежные помощники

Разговаривая с Корнюшкиным, трудно было удержаться, чтобы еще раз не высказать свое восхищение работой тех, кто создавал море в степи. Бригадир улыбулся и в ответ произнес одно слово:

— Техника!

Руки у него в жестких мозолях, загрубелые от постоянной работы с металлом. Он знает, что значит потрудиться до седьмого пота, и что такое пройти еще один участок. Но он снова повторил:

— Техника!

Экскаваторы, автомашины, тракторы... Без этих надежных помощников нельзя было и думать о создании такого гидроузла.

— На Свири мы об этом только мечтали,— негромко произнес инженер Куликов, следя за работой трехкубового «Уральца».

Стальные челюсти ковша цепко захватывали породу и разжимались над семитонным МАЗом. Работа экскаваторщика была точной, рассчитанной.

— На экскаваторе Маршинский?— Куликов вопросительно посмотрел на Корнюшкина.— Или Червонов?

— Они во второй смене...

— Не угадаешь теперь,— сказал старый инженер.— Много машин у нас стало, и много мастеров выросло.

Механизировано все. Но успех здесь, как и везде, решают люди. Они—творцы всего, что перед нами. Честь им и хвала!

Город у моря

На высоком морском берегу раскинулся город...

Впрочем, лучше оговориться сразу: города здесь еще нет. Но кто может сомневаться в том, что он будет? Ведь вырос же недавно на просторах Оренбуржья Ново-Троицк. Появится на карте и город у нового моря.

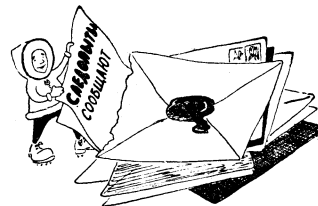
Рабочий поселок гидростроителей, эксплуатационников водохранилища, электростанции, рыбного хозяйства быстро растет. Количество двухэтажных домов в нем давно перешагнуло за сто. Тысячи людей поселились в индивидуальных домах, облюбовав эти привольные места на всю жизнь. В поселке есть средняя школа и школа музыкальная, есть больничный городок и клуб, достаточно магазинов и столовых. С любовью каждый из жителей, начиная от самых юных, участвует в благоустройстве своего поселка—строительстве дорог, посадке сквера, садов, аллей.

Крепко верится: городу быть!

БЫЛЬ О ЖИВОЙ ВОДЕ

«За девять девятин, в десятом царстве есть сад с молоденькими яблоками, а в нем колодец с живой водой...»

Из русской народной сказки.

Когда-то давно, в глухом лесу возле Талицы, бил из-под земли ключик. Великой силой обладал он, возвращая людям здоровье. По двум желобкам текла из него в деревянное корыто живительная вода. По одному — чуть красноватая, по другому — зеленоватого цвета. Издалека приходили сюда люди, окунались в корыто, и вода снимала недуги.

Так говорят старожилы.

Сказка это или быль?

Быль!

Кто-то давным-давно назвал небольшую речку, впадающую в Пышму недалеко от Талицы, странным словом.—Сугат. Старые люди утверждают: — наше это слово, а перевести — выйдет «лечебная вода».

В окрестностях Талицы, на Маяне бурили скважины. Искали черное золото — нефть. И вдруг

брызнула в одном месте вода. Искрясь на солнце, пузырясь газами, она забила фонтаном. Было это в 1948 году.

Не простой оказалась вода — химики нашли в ней и бром, и йод, и сероводород, и родон, и окись стронция, и магний, и кальций, и бор, и марганец — тридцать шесть элементов — все то, что делает воду «живой», целебной. Людская хворь — всякие желудочно-кишечные заболевания, болезни печени, суставов, нервов, желез внутренней секреции — бесильны перед этой водой!

...В боях с фашистами ранили молодого парня Николая Качаева. Пуля перебила нервы. Плетью повисла рука. «Кончено дело», — решил Николай. Но вода Маяна оживила его руку.

...На носилках привезли на Маян больную А. Н. Кирпичникову.

Пять лет не ходила она, думала, что придется отнять обе ноги. А ушла она с Маяна без костылей...

В совхозе «Пионер», недалеко от Сугатки, вырыт глубокий колодец. В нем вода не похожа на обычную. Между Талицей и Камышловом — несколько фонтанчиков, бьющих из глубин земли. Вода в них тоже не простая, минеральная. Но лучше всех Маянская. Она не уступает водам Эссентуков, Мацесты.

Недавно здесь стояло несколько домиков, прижатых к сосновому леску, теперь — целый городок.

Таких лечебных мест, наверное, на Урале немало. Пусть юные следопыты ищут их.

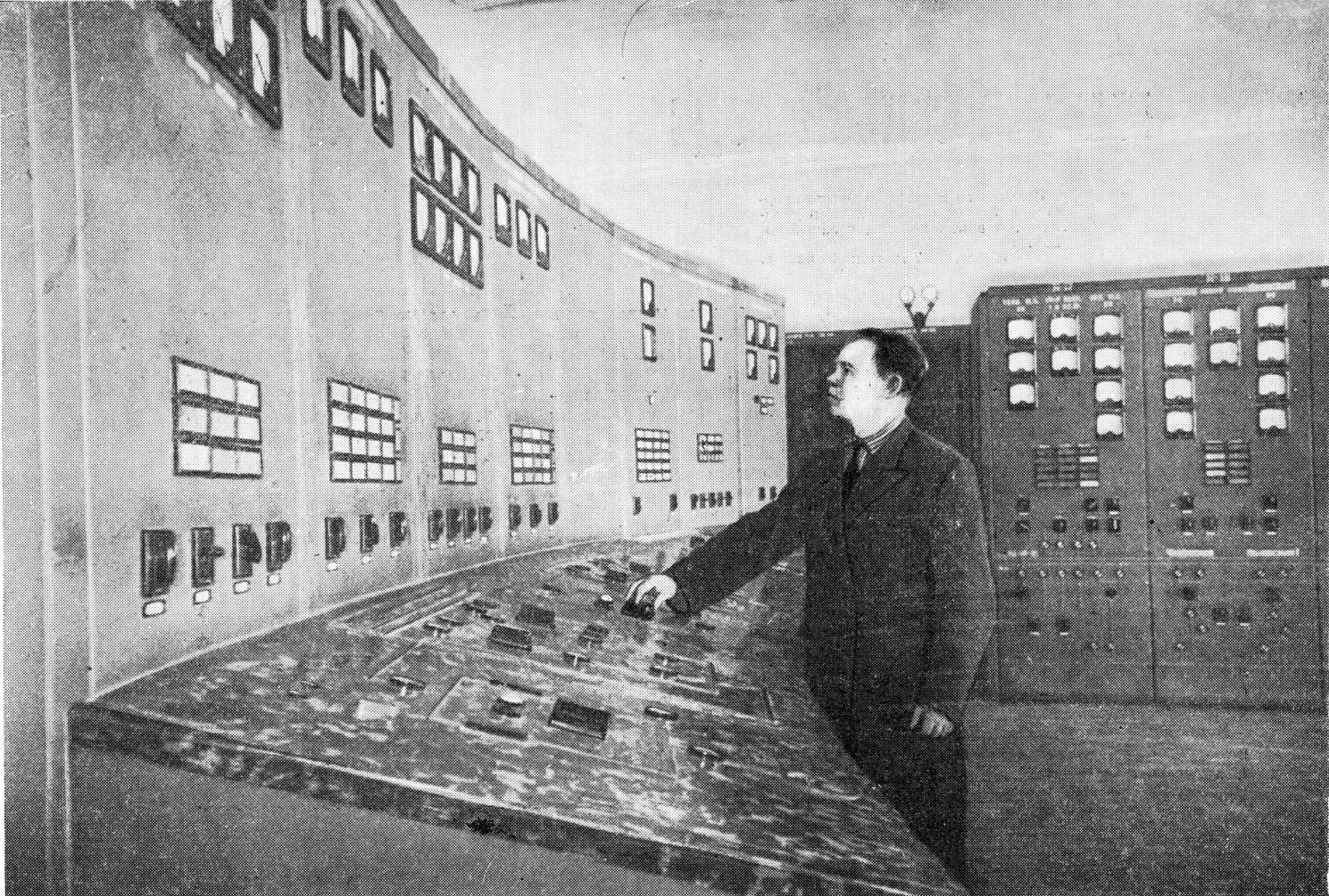
Н. ЧЕРДАНЦЕВ,
Талицкий район.

А. АФАНАСЬЕВ

Зависть

В нас она с мальчишества осталась —
Страстная тоска по поездам,
По вагонной маятной усталости,
По гудящим в поле проводам.
Стоя на затоптанном перроне,
Мы ласкали взглядами состав.
Уплывали яркие вагоны
В необыкновенные места...
Я сейчас рабочую усталость
За любые блага не отдам...
Но в душе с мальчишества осталась
Страстная тоска по поездам.
Над вокзалом —
Первых листьев завязь.
Майский ветер пляшет в проводах.
Я не в силах скрыть большую зависть
К тем,
Кто едет в поездах...

Сегодня на главном щите управления подстанций дежурит инженер Сергей Георгиевич Пыжьанов,

Семилетка выполняется!

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ УЗЕЛ

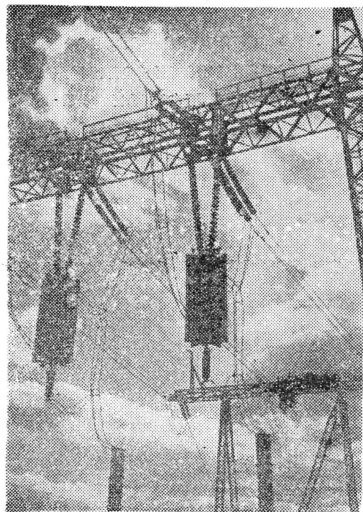
За последние годы потребность Урала в электроэнергии все время увеличивается, в уральское энергетическое кольцо приходит ток новых электростанций. Ток принимается подстанциями. Одна из них — «Южная», недалеко от Свердловска, — растет особенно заметно.

Сначала к этой подстанции подошла линия электропередачи Пермь — Свердловск. Энергия крупнейшей уральской гидроэлектростанции — Камской — стала питать промышленные предприятия наших экономических районов, и на подстанции «Южная» появились новые группы трансформаторов, масляные выключатели, а на щите управления новые контрольно-измерительные приборы с надписями: «КамГЭС», «КамГЭС», «КамГЭС»...

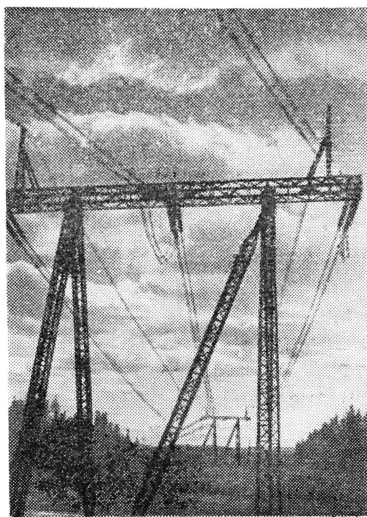
Теперь рядом с камской группой агрегатов на «Южной» установлено новое оборудование. Появились самые мощные в мире выключатели — на полмиллиона вольт, с разрывной мощностью в три с половиной миллиона

киловольт-ампер. Девяносто тонн масла заливается в один такой выключатель, чтобы гасилась искра, возникающая при включении или выключении тока. Эти выключатели изготовил завод «Уралэлектроаппарат». А на трансформаторной площадке смонтированы автотрансформаторы неслыханной мощности — 405 000 киловольт-ампер, они установлены на колесах, на рельсах, словно паровозы.

«Южная» принимает волжский ток.

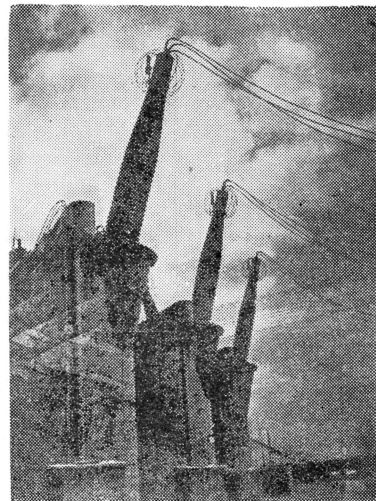

Линия электропередачи Куйбышев—Свердловск.

Все эти агрегаты приняли электрический ток с Волги. По семилетнему плану в начале этого года намечалось дать Уралу электроэнергию Волжской ГЭС имени В. И. Ленина. От Куйбышева до Свердловска — больше тысячи километров. На трассе установили около двух тысяч гигантских опор, подвесили не одну тысячу километров проводов, устроили приспособления, защищающие их от гроз и молний.

Урал принял электрический ток Волги. Первое задание семилетки выполнено.

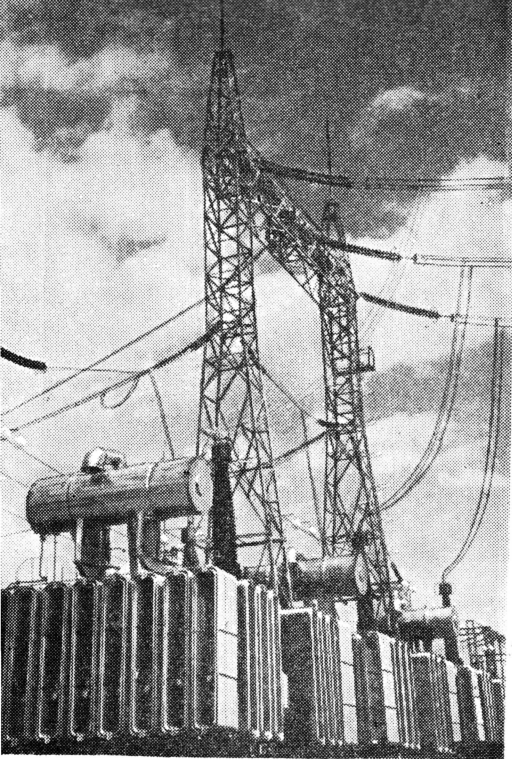
Масляные выключатели на 500 000 вольт — знаменитая марка «УЭА» — завод «Уралэлектроаппарат».

Если посмотреть на «Южную» с птичьего полета, она напоминает огромнейшую густую паутину. К сердцу подстанции, к ее основной площадке, с юга и севера, с востока и запада сходятся в единый узел десяток высоковольтных линий электропередач. Это от уральских энергосистем подается на «Южную» ток высокого напряжения.

Подстанция, получая ток высокого напряжения, преобразует его в более низкое, такое, какое потребляют наши заводы, рудники, города.

Территория подстанции безлюдна. Все, что установлено на ней, управляется автоматически. А мозг подстанции — главный щит управления — находится в ведении дежурного инженера. Он с одним помощником контролирует работу всех агрегатов и линий электропередач.

Множество контрольно-измерительных приборов позволяет дежурному инженеру знать все, что делается на линиях, и четко управлять электрическим узлом энергосистем.

Новая трансформаторная группа.

Вот на вахте инженер Сергей Георгиевич Пыжьянов. Время от времени он подходит то к одному щиту, то к другому, делает записи, считает, проверяет, все ли в порядке.

— С пуском новой линии, — рассказывает он, — работы изрядно прибавилось: увеличилась нагрузка на нашей подстанции. Только с Волги мы получаем несколько миллионов киловатт-часов электроэнергии за одни сутки. Представляете, сколько мы получаем за неделю?

Раздается телефонный звонок. Инженер Пыжьянов берет трубку.

«Южная» связана со всеми электростанциями специальной высокочастотной аппаратурой, телефонные раз-

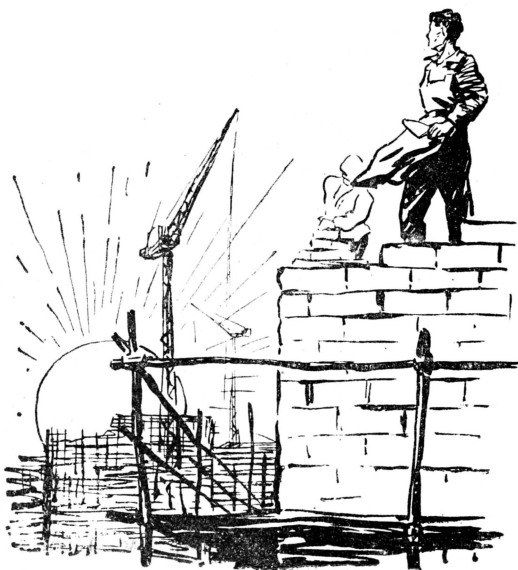
говоры происходят по тем же проводам, по которым идет ток. Это и удобно и надежно.

Электрический узел — «Южная» — замечательное сооружение нашей семилетки.

До конца семилетки подстанция расширится еще больше. Идет подготовка к приему тока от строящейся Воткинской ГЭС, намечаются трассы новых линий электропередач в Зауралье, в Сибирь. Ведь в дальних планах нашей страны — создать единую энергосистему всего Советского Союза, соединить все электростанции в единое целое.

Фотоочерк В. Дианова.

Е. КОНСТАНТИНОВ

Солнце с нами!

Я — строитель!

И встречаю часто

На высоких зданиях рассвет.
Первым говорю я солнцу: «Здравствуй!
Что ж ты не встаешь за нами вслед?
Неженкою прятешься за ели!
Слышишь говор наших топоров?» —
Поднимаю солнышко с постели —
С облачных седых пуховиков.
И оно, конфузливо краснея,
Видя, что проспало пол-утра,
Мчится к нам на стройку поскорее,
Чтоб блистать во взмахе топора,
Радугой разлиться в звонких пилах,
Мимоходом разогреть мотор
И войти крепящей, жаркой силой
Каменщикам в розовый раствор.

Повесть

П. БЛЯХИН
Рисунки В. Васильева

РАЗГРОМ

Под вечер конный отряд красных партизан Цибули в полном вооружении, с двумя батареями полевых пушек, вышел из города и быстрым маршем направился к местечку вблизи продовольственной базы.

Разведчики давно уже были на месте предстоящего сражения и нетерпеливо ждали прибытия полка партизан. Обычно спокойный и сдержанный, Следопыт на этот раз нервничал. Сегодня он надеялся встретиться с Голубой Лисицей лицом к лицу и рассчитаться с ней за отца и брата, за сожженную деревню, за грабежи и убийства. Он то и дело осматривал своего боевого коня, проверял маузер и небольшую, но острую, как бритва, шашку. Рядом с ним в полной боевой готовности сидел в седле невозмутимый Ю-ю. Он держал наготове свой «карабай». Овода Мишка отослал в санитарный отряд полка.

Наконец долгожданный час настал.

В сумерки партизаны прибыли на место и расположились вдоль опушки леса, укрываясь в тени деревьев.

В эту ночь Махно решил неожиданным наскоком ударить на N-скую базу, разгромить ее и взорвать ближайший мост через реку. Это нарушило бы связь тыла с действующими против Врангеля частями Красной Армии. Он хорошо знал, что крупных воинских соединений поблизости не было и, следовательно, подмоги база вовремя не получит. Хитрый бандит действовал на верняка, заранее торжествуя победу.

Предупредив базу о грозящей опасности, командир партизан Цибуля решил укрыть свой отряд в ближайшем перелеске и в конном строю ударить в тыл махновцам.

После полуночи взволнованный Следопыт донес Цибуле, что банда Махно, численностью примерно в восемьсот сабель, выступила из дубовой рощи. Она шла налегке, без пулеметов и пушек, не ожидая большого сопротивления.

Цибуля задумался:

— Так, та-а-ак... У них восемьсот, у нас триста, да пулеметы, да пушечки, да удар в затылок... Как думаешь, Иван, побьем врага?

— Побьем так, что пух и перья полетят! — отозвался могучий всадник, выдвигаясь вперед.

Следопыт оглянулся на знакомый голос и обмер на месте:

Окончание. Начало см. в №№ 6 и 7.

— Батька!

Иван рванулся к Следопыту, едва не опрокинув командира:

— Мишка! Сынок!..

И помощник командира, не сходя с седла, обнял знаменитого разведчика — Следопыта. Но радоваться свиданию было некогда.

— По ко-о-ня-а-ам! — разнеслась команда.

Через минуту весь отряд стоял в напряженном ожидании, по первому сигналу готовый двинуться на врага.

Мимо опушки промчалась батарея, потом все стихло, словно вокруг было мертвое поле.

Отец и сын встали рядом.

— Ты, сынок, держись за мной с левой руки и не отставай, — предупредил Иван, в глубине души боявшийся за жизнь Мишки. Он понимал, что бой предстоит нештучный.

Мишка заодно тряхнул головой:

— Не бойсь, батька, мы тоже не лыком шиты!..

Тяжелый гул сотен лошадиных копыт и звериный рев бандитов разорвал тишину. Выскочив из леса, шайка ураганом неслась по широкому полю прямо на базу. Махновцы были уверены, что захваченная врасплох охрана базы будет смята одним

ударом, а там — разгром и богатая пожива...

Но вскоре сгоравшие от нетерпения партизаны услышали дружный залп из винтовок, треск пулеметов и беглый огонь орудий, бивших навстречу банде прямой наводкой.

Огневым удар оказался таким сокрушительным, что первые ряды нападающих — и кони и всадники — пали, как сраженные молнией, загородив путь задним. Грозный вой махновцев перешел в неистовые вопли.

Нетерпение Мишки и всех партизан, притаившихся в засаде, достигло высшего напряжения.

Вдруг над лесом с треском разорвалась красная ракета. Канонада сразу замолкла, будто кто-то незримый одним махом заткнул огненные глотки пушек, пулеметов и ружей.

— Карьером, марш, ма-а-арш! — скомандовал Цибуля, подняв шапку над головой...

И во фланг отступающей орде махновцев, уже расстроенной метким огнем, ринулись партизаны. Их удар был так внезапен и страшен, что шайка Махно мгновенно оказалась смятой и, завывая от ужаса, бросилась врассыпную, теряя оружие и головы.

В ЛАПАХ МАХНО

В предрассветном сумраке, словно зарницы, сверкали сотни сабель, сыпались удары, падали сраженные люди, дико ржали, вздымаясь на дыбы, озверевшие кони, трещали выстрелы.

Впереди всех, рассыпая удары направо и налево, мчались двое — отец с сыном. Они искали Махно.

— Где он, сатана?! — кричал Иван.

Рядом с ним, не отставая ни на шаг, летел Мишка:

— Где проклятая Лисица?!

В горячке боя Ю-ю в первые же минуты оторвался от своего «капитана» и дрался в одиночку, действуя своим «карабаем», как палицей.

— Вот он! — Иван, прищпорив коня, помчался наперерез большой группе, скакавшей к лесу.

Мишка взвизгнул, врезался в самую гущу бандитов, сшибая их грудью своего скакуна. Кольцо дрогнуло, на мгновение расступилось и пропустило Ивана и Мишку.

— Берегись, собака! — крикнул Иван, взмахнув шашкой над головой скакавшего Махно. Но в то же мгновение сбоку налетел всадник, и рука Ивана вместе с шашкой покатилась на землю. Махно в страхе пригнулся и еще сильнее прищпорил коня.

Выстрелом Следопыт снял с седла бандита, изуродовавшего отца, и снова помчался за махновцами.

Но подходящий момент был уже упущен: бандиты окружили Махно и плотной толпой неслись к лесу.

Увлеченный погоней, Мишка не заметил, что он один скачет за добрым десятком махновцев, размахивая своей маленькой шашкой.

Это вскоре заметили бандиты. Внезапно повернув коней, они окружили Следопыта, и прежде чем Мишка успел сообразить, что случилось, его шашка со звоном отлетела прочь.

— Взять живьем! И баста! — крикнул чей-то голос.

Стиснутый с обеих сторон конями и обезоруженный, Мишка помимо воли мчался вперед.

— Вот так штука! — воскликнул он про себя. — Хотел поймать Лисицу, и сам попал ей в зубы. Что-то скажут мой батка и Овод?..

Увлекая за собой Мишку, банда скрылась в глубине леса.

В селе Яблонном было необычайно шумно и весело. Десятки пьяных с бутылками самогона в руках шатались по улицам, горланя песни. В кулацких хатах шел пир горой, тут и там закипали ругань и драки. Что за диво? Никакого праздника, даже самого маленького, в этот день не было, а кутили так, словно праздновали Николу Зимнего. Странно было и то, что ворота бедняцких хат были закрыты, а их хозяева робко прятались по закоулкам, стараясь не попадаться на глаза гулякам.

Но самый богатый пир был у первого кулака на селе Митро Забубенко, куда собралась вся местная знать: бывший урядник Нечипорук, церковный староста, трое самых богатых кулаков, старый мельник и поп Павсикакий. А вперемежку с ними на широких скамьях и креслах сидели пестро одетые гости. Хозяева усердно накачивали их самогоном.

В центре всеобщего внимания был щуплый мужичонка с хмурым, отекившим от пьянки лицом и острым взглядом маленьких черных глаз.

Развалившись в переднем углу, он задрал ноги на край дубового стола и пил водку стакан за стаканом, как воду. Хмель, видимо, не брал. Через головы собутыльников он смотрел в потолок и зло ворчал:

— Будь я проклят, если когда-нибудь попадался так глупо в ловушку!.. Это опять его проделка!.. Семь шкур спущу! И баста!..

Он хлестнул плеткой по столу, разрезав пополам жирную кулебяку и опрокинув графин с самогоном.

Рядом с переодетым и загримированным под мужичка Махно (а вы уже, конечно, догадались, что это был он) на скамейке сидел старый мельник. Он с хитрой поглядывал на соседа и шептал ему на ухо:

— Да что вы сердитесь, атаман. Вы еще не раз порубаете красных... А теперь бы отдохнуть малость, к нам на мельницу заглянуть.

Махно встрепенулся:

— А что? Катюха ждет?

— Да боже мой! Ночи не спит.

— А ты не брешешь, старый пес? Коли правда — озолочу! Если соврал — попробуешь, чем это пахнет, — Махно сунул плетку в нос мельнику. Тот в испуге отшатнулся.

Махно развеселился и завершал на всю хату:

— Гей, Голопуз, где тот щенок, что скакал за нами, как бешеный?

— Вин туточки, батько! — живо отозвался Голопуз, с трудом поднимаясь из-за стола.— В чулане лежит до твоего приказы...

— Тащи его сюда, каналью!

— Слухаю, батько!

В глазах Махно забегали злые огоньки:

— Посмотрим, что он запоет здесь...

Гости расступились. Связанного Следопыта вывели на середину хаты и поставили перед атаманом.

Прекратив пирушку, все с интересом оглядывали его с головы до пят, как заросшую диковинку. Мишка был в потрепанном красноармейском обмундировании.

— Эй ты, сопляк,— начал атаман, не меняя позы,— кой черт тебя гнал за нами? На виселицу захотел?..

— Если я сопляк, то ты свинья, которую посадили за стол,— спокойно отрезал Мишка, с любопытством оглядывая странное сборище.

— Цыть, кутенок! Я — Махно! — гаркнул бандит.

Мишка, только теперь узнавший Махно, побелел от гнева:

— Благодарю бога, что мои руки связаны, а то бы я показал тебе, как села жечь, бандитская харя!

Зная бешеный нрав Махно, гости ждали расправы.

Но пьяный бандит неожиданно расхохотался:

— Вот так гусь! А ну-ка, развяжите ему руки...

Удивленного Мишку мигом освободили от веревок. Он, не торопясь, стал растирать затекшие руки и только теперь заметил, что окружавшие его «мужики» были вооружены револьверами, шашками, кинжалами. «Переодетая банда», — сообразил Следопыт.

— Ну, что ж ты не казнишь Махно,— усмехаясь, спросил бандит, кладя руку на эфес шашки.— Трусишь, каналья?

Мишка вспыхнул:

— Ты сам трус и разбойник, по которому давно виселица плачет!

Махно выхватил пистолет и, выстрелив выше головы Мишки, зло усмехнулся:

— Вот это я понимаю, сам стоит под виселицей и нам же угрожает. Что с ним делать, хлопцы?..

— Повесить на первом суку,— отозвался чей-то голос.

— Зачем вешать,— возразил другой,— парубок дюжий, не робкого десятка. Не-хай переходит к нам.

— Эй, малец!— крикнул третий бандит.— Иди на службу к батьке Махно. Удалым ребятам у нас хорошо живется.

Мишка гордо выпрямился и ударил себя кулаком в грудь:

— Я буденовец и грабить с вами народ не желаю. А Махно я выпорю при первом удобном случае...

От такой дерзости даже видавший виды Махно на минуту опешил. А потом заорал:

— А ну, Битюк, всыпь ему полсотни горячих и повесь за ногу на ворота!.. И баста! Пусть знает, как разговаривать с атаманом.

Мишка побелел от ярости и, очертя голову, бросился на Махно, пытаясь схватить его за горло.

Битюк схватил Мишку за ворот и потащил к порогу.

— Вот змеиное отродье,— сердито проворчал Махно,— увеличить ему порцию вдвое!

— Слухаю, батько!

— Ну, берегись, мохнатый черт! — уже стоя на пороге, кричал Мишка.— Я тебя еще найду!

Битюк толкнул его в спину:

— Катись, шибеник!

Но Мишка дал ему такую «сдачу» кулаком в бок, что казак охнул, согнувшись пополам...

— А лихо дерется, петушок! Он, пожалуй, побьет твоего дурня, Битюк?..

Махно опять расхохотался:

— Ни, не побьет,— ответил казак, с трудом разгибаясь и снова хватая Мишку.— Я ему сейчас шкуру сдеру.

— Стой! Шкуру потом,— приказал пьяный Махно, — зови сюда свое отродье!..

Битюк сердито толкнул Мишку обратно к столу, а сам выскочил из хаты.

Предвкушая какую-то веселую забаву, бандиты освободили место посередине хаты и взяли Мишку в кольцо.

— Поглядим, каков ты есть в кулаке!..

— Где ему, Битюк в бараний рог его скрутит.

— А може, и нет...

Мишка настороженно озирался. У ближайшего бандита за поясом он заметил пистолет и решил воспользоваться им для

обороны. Нет, теперь уж он живым в руки не дастся! Лучше смерть, чем позор!

— А ну, дай дорогу! — раздался окрик с порога.

Бандиты расступились, и перед Мишкой очутился здоровенный верзила лет восемнадцати. Он стоял, неуклюже переминаясь с ноги на ногу.

Атаман, видимо, решил повеселиться и потешить свою побитую банду:

— Ша, хлопцы! — он еще раз хлестнул по столу плетью.

Все притихли.

Махно обратился к верзиле:

— Видишь этого чижика, Битюк?

— Бачу, — ответил парень, поворачиваясь лицом к Мишке.

— А побить его можешь?

— Кого?.. Цего?..

— Ну да, на кулаки взять!

— А наше? — удивился верзила. — Вин же воробушек.

Банда разразилась хохотом.

Мишка вспыхнул от обиды:

— Но-но, ворона, не очень задирай! В другом месте я б тебе показал «воробушка»...

— Так бей его, Битюк! — взвизнул Махно. — Это ж буденовец!

Бандиты дружно заулюлюкали:

— Ну, што ж, могу, — согласился мо-

лодой Битюк, не торопясь засучивая рукава рубахи.

Мишка заложил руки за спину:

— А я не желаю! Что я вам — цирк?..

Махно вскочил:

— Дерись, звереныш! — Если ты побьешь Битюка, катись на все четыре стороны!.. И баста!

— А ты не брешешь? — усомнился Мишка.

— Что-о?! — взбеленился Махно. — Слово атамана свято, как у господ бога. Начинай, Битюк!..

— Ладно, коли так, — отозвался Мишка, вставая в боевую позицию. — Только как будем драться — по правилам бокса или куда попало?..

— Бокса? — верзила вытаращил глаза. — Яка бокса? Та я ж тебя и без боксы пришибу, як червя!

— А ну, давай, верблюд! — подзадоривал Мишка, спокойно стоя на месте. — Попробуй пришибить буденовца!

— Бей его, Битюк! — завывли бандиты, плотной стеной окружая бойцов. — Цель в ухо!..

Битюк сжал свой огромный кулачище и размахнулся изо всей силы. Мишка мгновенно пригнулся. Кулак просвистел в воздухе, верзила пошатнулся и, получив крепкий удар в челюсть, повалился.

— Получай задаток, кабан! — крикнул Мишка.

Бандиты ахнули:

— Вот так звезданул, петушок!

— Давай, давай, Битюк!

— Катай его!

Разъяренный Битюк в бешенстве бросился на Мишку, нанося беспорядочные удары, куда попало. Ловко отражая нападение, Мишка с поразительной быстротой бил противника по рукам, заставляя его плясать вокруг себя, как медведя на цепочке.

Махно и бандиты хохотали от удовольствия, свистом и криками подбадривая Битюка.

Но тот, уже избитый в кровь, вторично отскочил от Мишки, задыхаясь от бессильной ярости.

— Ну, я ж тебя убью, собака! — прохрипел Битюк и, наклонив мохнатую голову, быком ринулся на Мишку, направляя удар в живот.

Но Мишка, как кошка, отпрыгнул в сторону и с такой силой трахнул Битюка кулаком по затылку, что тот всей своей огромной тушей прохнулся на пол и забороzdил носом.

Не дав противнику опомниться, Мишка вскочил ему на спину и придавил коленом шею:

— Ну, что, верблюд, сдаешься, или еще поддать?..

— Та вже ж, щоб твои очи повилазили! — прохрипел Битюк.

— То-то же, вперед буденовцев не трогай.

И, толкнув Битюга ногой в зад, Мишка направился к выходу:

— До скорого свидания, разбойники! Но Битюк-отец загородил ему дорогу.

— Куда прешь?..

— Как, куда? Ваш батька обещал мне свободу, если я побью твоего дурня.

На лице Махно появилась злорадная усмешка:

— Верно, Битюк, дай ему сотню хороших плетей, и пусть уходит, если сможет... И баста!

Смертельно оскорбленный Мишка бросился на казака с пистолетом и попытался выхватить у него оружие. Но Битюк-отец успел перехватить Следопыта и поволок его во двор.

Здесь Мишка увидел картину, достойную времен Тараса Бульбы.

Посредине двора красовалась поставленная «на попа» бочка с выбитым дном. Вдребезги пьяные бандиты, кто чем мог, черпали из нее самогон и, запрокинув головы, пили, пока не валились с ног. Трое уже спали, развалившись посредине двора. Один отчаянно отплясывал гопака под губную гармошку, другие во всю силу легких горланили песни.

В конце двора стоял большой сарай, около которого весело фыркали две верховые лошади гнедой масти и одна черная, как вороново крыло. Прислонившись спиной к запертой двери сарая, тяжело дремал сторож, вероятно, тоже пьяный. Сюда-то и привел Битюк Следопыта.

— Эй, Петро, отчини дверь,— потребовал Битюк, толкнув ногой сторожа.

Сторож недовольно пробурчал что-то себе под нос, с трудом нашел карман и, вынув ключ, начал возиться у замка.

— Вот проклята дирка! — ругался сторож, тыкая ключом мимо замка.— Засорилась, чи шо?

Пока пьяный сторож возился с замком, Мишка огляделся и заметил, что в десятке шагов от сарая в высоком заборе не хватает одной доски.

Сторож продолжал канителиться с замком, ругая на чем свет стоит неуловимую «дирку».

Битюк, крепко державший за руку Мишку, разозлился:

— Да ну, пьяная морда, дай сюда ключ!

Оттолкнув плечом сторожа, Битюк схватил правой рукой ключ, тем самым освободив одну руку Мишки. А через мгновение он уже опрокинулся на спину, получив страшный удар в челюсть.

Одним прыжком Мишка очутился около вороной лошади, которую давно уже держал на примете. Вскочить в седло и дать шпоры коню для него было делом одной секунды. И прежде чем Битюк очухался и поднял крик, он уже мчался к забору, боясь только, как бы конь не задел ногами за доску. Но лошадь, словно птица, распласталась в воздухе и, чуть коснувшись земли по ту сторону забора, понеслась дальше.

Повернувшись на лету, Мишка крикнул бандитам:

— Гей, вороны, вспоминайте Следопыта!

Вслед беглецу раздалась беспорядочные выстрелы и отчаянные вопли Битюка. Но пули свистали мимо.

Когда Махно узнал, что в его руках был знаменитый Следопыт, удравший на его собственном скакуне, бандит пришел в неопишемую ярость. Он тут же, на глазах пьяной толпы, пристрелил сторожа, приказал запороть насмерть злосчастного Битюка, а в заключение так стукнул по шее попавшего под руку попа, что Павси-какий отлетел, чуть не высадив забор.

О погоне не могло быть и речи: все знали, что коней, равных по силе бега махновскому, не найти по всей Украине.

ГДЕ СЛЕДОПЫТ?

Ю-ю и Овод не знали, чем объяснить исчезновение Следопыта. Вместе с сестрами и санитарями они обошли поле брани, осмотрели всех убитых и раненых, но Следопыта не нашли.

Куда он мог деваться?

Продолжая поиски, наши герои отошли далеко от центра боя и почти у самого леса увидели кучу человеческих тел и двух мертвых коней. Какой богатырь бился здесь, окруженный врагами?! Еле уловимый стон донесся до их слуха. Они бросились на голос: не Мишка ли?

В центре кучи, придавленный мертвым конем, лежал партизан могучего сложения,

с красной лентой на шапке. Он был весь залит кровью, только смертельно бледное бородатое лицо его казалось чистым, словно умытым. В левой руке он держал длинную, почерневшую от крови шапку, а правая была отрублена по самое плечо. Вокруг партизана валялись трупы бандитов, рассеченные богатырской рукой.

Овод кинулся к партизану и встал на колени.

Партизан медленно открыл голубые глаза. Секунду они смотрели друг на друга, не узнавая...

— Дуняша?! — прошептал вдруг партизан дрогнувшим голосом. Дуняша вскрикнула:

— Отец! Что они с тобой сделали, злодеи!.. — Припала к лицу и заплакала.

Иван тяжело вздохнул:

— Ничего, дочка, я тоже порубал их довольно. Прощай, моя голубушка... Умираю... за власть нашу...

— Нет, нет, папаня, ты не умрешь! — вскрикнула Дуняша, выхватывая из сумки бинты. — Я перевяжу тебя...

— Поздно, — еле слышно прошептал Иван, закрывая глаза. — Обними за меня

мать и Мишку... Бейтесь и вы за лучшую долю... за Советы...

Дуняша осиротела...

С воинскими почестями похоронили Ивана в большой братской могиле, на зеленом холме, у самой кромки дубового леса.

А Следопыта все не было...

Получив отпуск из отряда и запасшись провизией, Ю-ю и Овод отправились на поиски своего вожака.

Но где его искать?

По словам Ю-ю, Мишка умчался вслед за Махно к опушке леса, а что было дальше, он не видел. Овод решил направиться в лес, хотя надежда на встречу была очень слабой. Он знал, что лес этот тянется далеко на восток, что именно в его темных делях бродили когда-то махновцы, и что на его северной окраине раскинулось родное село Яблонное.

Взяв направление на север, ребята углубились в лес. Сначала они шли по следам банды, бежавшей с поля боя. След был хорошо виден: взбитая копытами коней земля, поломанные сучья и ветки деревьев, клочья разорванной одежды. Но вскоре следы разделились и пошли в разные стороны.

Куда же направиться?..

Был уже поздний вечер, когда ребята вышли на широкую поляну. Здесь Овод решил устроить привал до утра: утро вечера мудренее...

Расположившись под кустом, разведчики вытащили из сумок еду, но есть не могли. Потерявшая отца Дуняша была убита горем, а Ю-ю тревожился за пропавшего «капитана» и глубоко сочувствовал горю Овода. Все же он не терял бдительности и, зорко озираясь по сторонам, держал карабин наготове.

Вдруг из глубины леса с противоположного края поляны вылетел растрепанный всадник, без фуражки, в порванной куртке, с окровавленным лицом. Он мчался прямо на ребят.

Ю-ю мгновенно вскинул к плечу карабин:

— Стой, стреляй будет!..

— Стой! — повторил и Овод, поднимая маузер.

Всадник с такой силой осадил над кустом вороного коня, что тот взвился на дыбы. А через секунду незнакомец уже был на земле и с криком «Здорово, орлы!» кинулся в объятия Ю-ю и Овода. Это был Мишка.

— Ты весь в крови, брат Следопыт,— встревожился Овод,— что случилось?

— Чепуха! Лицо поцарапал, когда скакал лесом. Эх, и конь лихой! Как ветер несется!

Печальная весть о гибели отца поразила Мишку в самое сердце. Но он не заплакал, нет. Он крепко обнял своих друзей и, точно клятву, произнес:

— Жив не буду, а бандита поймаю!

ОХОТА ЗА ГОЛУБОЙ ЛИСИЦЕЙ

День был ясный. Солнце ласково припекало, но в воздухе веяло прохладой. В селе Яблонном было тихо и спокойно; от вчерашней гульбы не осталось и следа. Крестьяне были заняты своим делом. Только два плохо одетых мужичка бесцельно бродили по улицам, мимоходом заглядывали во дворы, болтали с прохожими. Если бы кто-нибудь следил за ними, он бы заметил, что странные мужички с особой осторожностью и любопытством обошли вокруг дома, где прошлой ночью кутил Махно, потом осмотрели двор попа Павсикакия и, видимо, чем-то раздосадованные, медленно пошли в конец села. Здесь они наткнулись на сожженную хату, от которой остались только развалины печи да черная труба.

Мужички остановились, сняв шапки:

— Вот наша хата,— печально сказал один, тяжело вздохнув.

— Ничего,— ответил другой,— когда прикончим белых, построим новую. А подлую Лисицу мы все-таки найдем, не будь я Следопыт...

Да, это были наши герои. Оставив Ю-ю с вороным конем в гуще леса, они переоделись и побывали в своем селе. Следопыт надеялся застать банду на месте и проследить Махно, но его и след простыл.

Из разговоров с крестьянами ничего определенного выяснить тоже не удалось. Одни говорили, что «батько» ушел вербовать свое «войско» на Гуляй-поле, другие уверяли, что он махнул «под Херсон», третьи полагали, что Махно заболел и скрывается где-нибудь «у своих», а большинство сердито отнекивалось:

— А на черта вин мини здвася!

Словом, след Махно затерялся.

— Настоящая лисица!..— ворчал Мишка.— А все-таки мы его найдем.

До вечера они обошли еще одну соседнюю деревню, но и там не нашли конца ниточки, по которой можно было бы добраться до Махно.

Волей-неволей к ночи им пришлось вернуться в лес, к Ю-ю. Мишка был раздосадован неудачей, но поиски решил продолжать.

— А не сходить ли нам к Черной балке, где банда стояла лагерем?— предложил он.— Ведь Махно ушел не один...

— Нет, нет!— запротестовал Овод, содрогнувшись от ужаса.— Подальше от этих проклятых мест!

— Тиха, капитана...— прошептал вдруг Ю-ю, поднимая руку.— Там буль-буль есть... Зачем такое?

Он указал в глубину леса. Все замолкло, напряженно прислушиваясь.

— Верно,— сказал Следопыт,— там что-то курлыкает, вроде, как тетерев бурчит...

Овод усомнился:

— Нет, не похоже... Может, ветер шумит?

— Какой там ветер,— отмахнулся Мишка,— сейчас такая тишь, не один лист не шелохнется. Во всяком случае, проверим. У меня здесь что-то наклеывается,— он покрутил пальцем вокруг лба.— За мной, ребята!

Мишка смело пошел вперед, за ним направился Овод, а Ю-ю, как всегда, замыкал шествие, ведя коня под уздцы.

Местность постепенно понижалась, лес становился гуще, дохнуло холодком и сыростью. Вскоре Мишка остановился и, подождав своих соратников, сердито фыркнул:

— Ерунда! Зря мы сюда свернули — это речонка урчит по оврагу.

— Речонка?..

Овод прислушался и вдруг схватил за руку Следопыта:

— Ой, ребята, да ведь это же мельница шумит!

— Водяная мельница?— живо отозвался Следопыт.— Уж не та ли, в которой тебя мучили?

Овод побледнел:

— Может, и та...

Следопыт хлопнул себя по лбу:

— Ну и дурак я!

— Почему?— удивился встревоженный Овод.

— Ведь эту девушку Махно называл милой красавицей?

— Называл. Ну так что?..

— И он по ее просьбе не отрубил тебе голову?

— Не отрубил...

— И сам поднял девушку с колен?

— Сам... Так что ж ты предлагаешь?

— Я-то?— Мишка в затруднении почесал затылок.— Пошли дальше! Только тихо, как мыши. А ты, Ю-ю, немножко отстань и веди коня... Да накрой ему морду курткой, чтобы не фыркал!..

— Есть, капитана!— охотно отозвался Ю-ю.

— Ты куда это?— шепотом спросил Овод.

— На мельницу...

— Зачем?

— Авось что-нибудь выйдет... Ты говоришь, девушка назвалась твоим другом?

— Да. Она так меня называла.

— Замечательно... Пошли, пока не стемнело.

Следопыт пригнулся, раздвинул ветки кустарника и бесшумно нырнул в чащу. Овод и Ю-ю последовали за ним.

Прислушиваясь к шуму воды, они шли довольно долго вдоль какой-то низины, заросшей ивняком и дубовым кустарником. Потом спустились в извилистый овражек, по дну которого бежал ручей. Вначале им казалось, что мельница должна быть где-то совсем близко, но рокот воды то резко усиливался, то неожиданно затихал и нарастал снова.

Мишка начинал сердиться. С каждой минутой ускоряя шаг, Овод едва поспевал за ним, но даже и не подумал просить передышку. Он ни в чем не хотел отставать от брата. Что же касается Ю-ю, то о нем можно было не беспокоиться. Его стойкость и выносливость в походе не поддавались учету. Он мог с одинаковой скоростью шагать хоть целые сутки без передышки и никогда не терял своего неизменного спокойствия и выдержки.

— Тсс! Кажется, здесь где-то,— прошептал Следопыт.

Гул водяной мельницы доносился совершенно отчетливо.

— Ждите меня здесь, а я пойду посмотрю, что там делается,— сказал Следопыт и исчез во тьме.

Мишка шел по узкой тропе, она вскоре вывела его из леса. Перед ним лежала обширная поляна, на склоне которой прилеплась маленькая деревушка.

Взяв маузер на изготовку, Следопыт направился в деревню. Но его предосто-

рожность оказалась напрасной: деревня точно вымерла. Нигде ни единой души, ни одного огонька в хатах, ни одной собаки во дворах— ничего живого. Только ветерок печально посвистывал в разбитых окнах. Настороженно прислушиваясь и заглядывая во все дворы, Мишка беспрепятственно прошел деревню.

За околицей он остановился и осмотрелся по сторонам. Вдали из мрака ночи блеснул огонек.

— Ага, кто-то есть...

Следопыт смело направился на огонек, который манил его в темную низину, где урчала речонка. Идти пришлось недолго. Внизу, у самой кромки берега, поросшего густым кустарником, показалось какое-то неуклюжее, черное здание. — Мельница!— обрадовался Следопыт.

Подойдя ближе, он заметил небольшое оконце, закрытое толстой ставней. Из щели струилась желтая полоска света. Следопыт ползком направился к окну. Миновав небольшую открытую площадку, он тихо поднялся на ноги и заглянул в щель.

Странное зрелище поразило Мишку: на широкой скамье понуро сидела молодая девушка. Бледное худое лицо ее слабо освещал огонек лампочки, подчеркивая бездонную глубину карих глаз и густые соболиные брови. Длинная коса черной змеей сползала с плеч.

— Она! — прошептал Мишка, дрогнув от радости.

Девушка сидела недвижно в глубокой задумчивости.

Мишка невольно залюбовался ею и позабыл, зачем он сюда явился. На длинных ресницах девушки блеснула слезинка и медленно скатилась на руку.

О чем она плакала? Тоска ли одиночества грызла сердце, погиб ли где-нибудь ее милый, или кулак-отец измывается над нею?..

Мишка хотел было отойти от окна, но тут скрипнула дверь, и в комнату вошел старик, запорошенный мучной пылью.

Девушка вздрогнула и подняла голову.

— Все хныкаешь, — сказал старик, останавливаясь перед нею. — Или не нравятся добрый молодец?

— Оставь меня, отец! — резко ответила девушка. — Ты хочешь погубить меня. Мельник захихикал.

— Кого же тебе еще нужно? Может, принца ждешь или графа? Сюда и воронто редко залетает...

— Никого мне не нужно... Но идти на поругание этому зверю не хочу! — Девушка закрыла лицо руками и заплакала.

Мишка сжал кулаки, готовый броситься на старикашку, но сдержался: он хотел знать, что будет дальше.

Маленькие выцветшие глаза мельника блеснули из-под нависших мохнатых бровей:

— Эй, не дури, Катюха! Не нам с тобой рассуждать об этом. Он теперь сила и богат. — Старик пошарил за пазухой, вынул кожаный кошель, высыпал на стол с десяток золотых монет.

— Вот они! Самые настоящие, царские! А ты ревешь, дурища. В шелках ходить будешь...

— Не нужно мне его проклятого золота, оно в крови, — девушка в гневе отшвырнула монеты и выскочила из комнаты.

Старик трясущимися руками собрал золотые, шамкая беззубым ртом, опять сыпал их в кошель и сунул за пазуху.

Мишка отскочил от окна и двинулся в обратный путь. Он понял, что мельник против воли дочери хочет выдать ее замуж за какого-то богача. Хорошо бы помочь ей выпутаться из беды. Но как? Надо поговорить с Оводом. В таких мудреных делах он лучше разберется. Как-никак, а он тоже — девушка...

Размышляя таким образом, Следопыт возвратился в лес. Он не видел, как, бешено нахлестывая коня, в деревню влетел на полном карьере всадник.

ЛИСИЦА В МЕШКЕ!

Всадник рванул поводья и, едва не свалив покрытого пеной коня, спрыгнул на землю около мельницы. Подбежав к тяжелой двери, он постучал в нее три раза ружейкой пистолета.

В ответ раздался старческий кашель, и дверь тотчас отворилась. Униженно кланяясь гостю, мельник повел его в ту комнату, где недавно сидела девушка, так поразившая Следопыта своей красотой и странным поведением.

— Минуточку, обождите одну минуточку, — залебезил старик, усаживая незнакомца, — она сейчас явится.

Гость хлопнул мельника по плечу:

— Ну, как, она уже согласилась? Иль все еще упирается? Боится меня?..

— Зачем же бояться? Хе-хе, такого красавца и вдруг бояться! Ждет не дожидется, даже во сне видела... Браги не хотит ли с дороги? Или винца хорошего?

— Можно, можно, — благосклонно согласился гость.

Старик живо принес бутылку вина и кувшин с брагой. Потом подошел к внутренней стене комнаты и тихонько стукнул корявым пальцем.

Гость насторожился...

После долгой паузы дверь снова скрипнула, и на пороге появилась дочь мельника. При виде гостя она в страхе отшатнулась и растерянно остановилась на месте.

— Что ж ты не здороваешься, Катюшенка? Или язык отнялся от радости? — ласково засюсюкал старик и, незаметно уцепив дочь за руку, зло прошипел ей на ухо: — Смотри, дурища, изведу!..

Девушка вздрогнула и чуть слышно поздоровалась с гостем:

— Добрый вечер!

— Здравствуй, здравствуй, красавица!— Незнакомец взял девушку за руку и усадил рядом с собой на скамью.

— Я насчет закуски побегу, а вы здесь поворкуйте!— Семена ногами и продолжая хихикать, старик скрылся за дверью.

Гость и хозяйка с минуту молчали. Явная холодность красавицы смущала незнакомца: он не знал, с чего начать разговор, а она не поднимала головы.

Однако, грубая натура взяла свое: он вдруг схватил девушку за плечи, с силой рванул к себе и поцеловал.

Задрожав от страха и отвращения, девушка отскочила в сторону:

— Не трогайте меня! Ради бога, пощадите!..

Гость на минуту смутился. Потом сердито спросил:

— Зачем же старик брал деньги? Разве я плохо награбил его? Вот получи и ты, красотка!— небрежным движением он бросил на стол кожаный кошелек, который тяжело звякнул.

— Нет, нет!— в ужасе воскликнула девушка.— Возьмите ваше нечистое золото, только сжальтесь надо мной и уходите!

Гость хитро прищурил маленькие ключие глазки и вынул из кармана бархатную коробочку:

— А как тебе эта штука нравится?— в руках гостя сверкнуло богатое ожерелье.

Девушка отступила еще дальше.

— Не возьму ни за что на свете!

— Так что ж тебе нужно, черт возьми?— вспыхнул гость.— Или забыла, с кем разговариваешь? Да знаешь ли ты, что любая красавица Украины с радостью станет женой батьки Махно?

— Я все хорошо знаю,— предчувствуя беду и бледнея, возразила девушка,— но я не могу отдать свою руку... бандиту.

Махно позеленел от ярости:

— Молчать, подлая тварь! Да я тебя раздавлю, как змею! И баста!— он схватил ее за косу...

Девушка вскрикнула и без чувств повалилась наземь.

— Ладно!— зло прошипел он.— Не хотела добровольно, возьмем силой...

С полумертвой девушкой на руках Махно вышел наружу и скорым шагом направился к лошади.

Чья-то легкая тень беззвучно отскочила от окна, притаившись в кустах.

Махно благополучно дошел до коня. Уложил девушку поперек седла и стал развязывать уздечку.

За спиной бандита внезапно появились две фигуры. В то же мгновение на его голову упал широкий мешок и сразу опустился до пят. Прежде чем Махно успел сообразить, что случилось, и выхватить пашку, он уже лежал на земле, крепко скрученный веревками, задыхаясь в мучном мешке.

— Вот это лихо!— воскликнул знакомый атаману голос.

— Теперь уж ты не уйдешь, бандитская харя! Возьми его, Ю-ю!

— Есть, капитана!

Махно почувствовал, как чьи-то сильные руки схватили его за ноги и потащили вниз по мокрой траве.

Овод и Следопыт осторожно сняли девушку с седла и, опустив на землю, стали приводить в чувство.

Между тем Ю-ю дотянул мешок до вороного коня, стоявшего внизу у речонки, и швырнул под куст.

Махно слышал, как рядом с ним стукнул о землю приклад карабина, и все смолкло. Хитрый бандит решил попробовать подкупить своего стража:

— Эй, парень!— глухо сквозь мешок заговорил он.— Развяжи веревки и заработаешь пять золотых.

— Моя нет!— коротко отозвался Ю-ю.

— Бери десять!

— Моя нет.

— Пятьдесят!

— Пошла на черт!— отрезал страж.

— Хочешь тысячу, мошенник?— поторопился набавить Махно, полагая, что против такой суммы никто не устоит,

Ю-ю смачно плюнул:

— Тьфу на твой тыща!

— О, черты твоему батьку!— выругался Махно.— Чего ж ты хочешь, дурак?

— Дурак мешок сел!

Махно разъярился:

— Берегись, собака! Если ты меня не выпустишь, мои молодцы снимут с тебя семь шкур. И баста! Я сам Махно!

Ю-ю засмеялся:

— Мой знал, кого мешок ташил. А твой молчать, шайтан!— и Ю-ю так сунул бандита прикладом, что тот охнул и сразу смолк.

Вскоре пришли и остальные: Мишка, Овод и дочь мельника Катюша.

— Я повезу Катюшу, а ты возьмешь в седло мешок с бандюгой, — опять услышал странно знакомый голос Махно. — Ю-ю придется пешком пробежаться...

— Есть, капитана! — весело отозвался Ю-ю. — Мой не отстанет.

— Умоляю вас, бежим скорее! — в страхе просила дочь мельника.

— Нужно торопиться, друзья, — поддерживал Овод, — скоро утро.

Жуткий холодок пробежал по спине бандита: ему почудилось, что он слышит голос той самой девушки, которая была повешена в Черной балке по его приказанию. Нет, этого быть не может — мертвые не воскресают!

Разговор продолжался:

— Ты, Овод, поезжай пока шагом, а мы с Ю-ю останемся на минутку здесь, — приказал Мишка.

— А в чем дело? — спросил Овод, подсаживая на седло дочку мельника.

— Ничего особенного, надо старый должок отдать...

Овод с девушкой уехал вперед.

Следопыт взял плеть и, подойдя к мешку, слегка ткнул его носком сапога:

— Ну-ка, Ю-ю, поверни его тыквой кверху.

— Есть, капитана! — с удовольствием отозвался Ю-ю, выполняя приказание.

— А теперь считай до пятидесяти, да смотри не сбейся...

Вряд ли надо рассказывать, с каким удовольствием принимал надменный атаман порцию горячих. Мишка старался изо всех сил:

— Не грабь народ! Не трожь Красных дьяволят! Не лезь к буденовцам!..

Бандит закрипел зубами и разразился такой забористой бранью, что Ю-ю впервые расхохотался от всей души. А Мишка продолжал всыпать.

На тридцатом шлепке Мишка услышал крик Овода:

— Скорей по коням!..

С большим сожалением Мишка прекратил экзекуцию:

— Ладно. Двадцать штук досыплю на месте.

ПОДАРОК РЕСПУБЛИКЕ

В городе Е. было необыкновенно оживленно и шумно. К главной площади по всем улицам и переулкам двигались потоки людей. На площади стоял уже знакомый нам отряд красных партизан в полном боевом снаряжении. Сегодня он уходил на фронт бить Врангеля. Рабочие организации и граждане города провожали партизан со знаменами, с песнями и музыкой.

Залитая потоками яркого солнца и красным заревом многочисленных знамен площадь горела и бурлила, людское море колыхалось вокруг высокой, наскоро сбитой трибуны.

Митинг был в разгаре.

Говорил рабочий рельсопрокатного завода:

— Советская власть, товарищи, в опасности! Черный барон — Врангель все еще сидит в Крыму. Если мы не сбросим его в море, он опять полезет на Украину, а за ним, глядишь, и буржуй вернется, и помещик и прочие белые гады. Не бывать тому, товарищи!

— Бей Врангеля! — кричала в ответ толпа.

— Вот и я тоже говорю! — продолжал оратор. — Партия зовет нас под ружье! Сам Ленин зовет. Все за оружие, товарищи! Смерть буржуям! Урра-аа!..

— Урра-аа! — загремело над пло-

шадью, и могучее эхо разнеслось по всему городу.

Вслед за рабочим, перепоясанный патронными лентами, на трибуну поднялся командир партизанского отряда Цибуля.

Цибуля дал клятву, что его полк не вернется назад до тех пор, пока ни одного беляка не останется на родной земле. Он упомянул также и о полном разгроме маховских банд и выразил сожаление, что сам Махно все еще не пойман...

Но вдруг Цибуля прервал свою речь на полуслове.

В облаках пыли к площади во весь опор мчался вороной конь с двумя всадниками. С развевающейся по ветру косой впереди сидела девушка, которую поддерживал сзади рыжий парень в изодранной одежде. Далеко позади скакал еще один всадник с большим мешком поперек седла, а на диво всем, придерживаясь одной рукой за стремя, рядом с конем стремительно бежал буденовец.

Партизаны на всякий случай приготовились к бою. Толпа затихла. А когда приблизился вороной конь, люди поспешно раздвинулись, очищая дорогу.

Рыжий всадник осадил коня у самой трибуны и крикнул с седла:

— Здравствуйте, товарищи!

Цибуля и партизаны увидели отчаянного Следопыта живым и невредимым! За ним подоспел и Овод с таинственным мешком поперек седла, с неутомимым Ю-ю у стремени.

Знаменитых разведчиков встретили криками «ура». Все трое оказались в могучих объятиях друзей и товарищей. Сам командир сбегал с трибуны и помог неизвестной девушке сойти на землю. Мишка вытянулся в струнку и громко отрапортовал:

— Дозвольте доложить — поиск проведен успешно, мы привезли подарок Советской Республике!

Цибуля улыбнулся:

— Уж не эту ли красу-царевну вы считаете подарком?

— Никак нет! Наш подарок почище будет! — Следопыт подмигнул своим друзьям.

— Где ж он? — удивился Цибуля. — Я не вижу.

— В мешке сидит!

— В мешке?!

Все окружающие прыснули от смеха. Предвкушая что-то необыкновенное, народ тесным кольцом окружил разведчиков.

Командир приказал:

— В таком случае тащите ваш подарок на трибуну.

— Есть тащить на трибуну! — отозвался Следопыт. — А ну-ка, Ю-ю, отвяжи мешок!

Ю-ю мигом исполнил приказание, ловко взвалил странный мешок на плечи и понес вверх на трибуну. За ним поднялись разведчики и командир Цибуля.

Следопыт скомандовал:

— Бросай подарок на середину!

— Есть, капитана! — Ю-ю весело улыбнулся и швырнул мешок на пол.

Мешок громко крикнул, потом зашевелился и вдруг сам собою стал подниматься.

От удивления все разинули рты. Старушка, стоявшая рядом с трибуной, шагнула в сторону:

— Мать причиста, мешок встает!..

Глухо ворча, мешок действительно встал завязанным концом вверх.

Командир вспыхнул:

— Это еще что за шутки, медвежонка, что ли, приволокли?

— Зачем медвежонка, тут целый медведь, — невозмутимо ответил Следопыт, развязывая узел.

Любопытство толпы достигло высшего напряжения. Передние ряды вплотную придвинулись к трибуне, а задние полезли на плечи соседей.

Наконец таинственный мешок раскрылся и медленно пополз вниз.

Следопыт отрапортовал Цибуле:

— Вот он, подарок! Получайте, товарищ командир!

И перед изумленными взорами народа, весь покрытый мучной пылью, растрепанный и жалкий, предстал какой-то немудрящий человечик с поднятыми дыбом волосами.

— Это еще что за птица? — спросил командир, не узнавая злого врага Украинны.

— Это изменник Родины, бандит и грабитель — батяка Махно!

Толпа ахнула:

— Махно! Махно!— как ветер, понеслось по рядам.— Смерть бандиту!..

Махно узнал не только Следопыта, но и Овода, недавно повешенного им в Черной балке..

— Что за наваждение такое? — прохрипел он, птясь назад.— Опять эта проклятая девчонка!

— Да, да, это я! — ответил Овод, подходя ближе.— Иногда и мертвые воскресают, чтобы отомстить живым..

Бандит побелел под слоем муки и в ужасе озирался по сторонам. Ему казалось, что он сошел с ума и теперь бредит дикими, нелепыми образами: воскресший Овод, партизаны, толпы народа, сотни знамен, шум и крики — настоящий кошмар!..

Командир первый пришел в себя и, крепко пожав руки всем разведчикам, обратился к народу:

— Товарищи! Наши славные разведчики и в самом деле привезли ценный подарок Советской России: они захватили в плен одного из самых гнусных бандитов — атамана кулацкой банды Махно. Хвала и честь юным героям!..

— Урра-аа!— загремело над площадью.

Махно готов был провалиться сквозь землю или растерзать всех на мелкие кусочки, но мог только скрежетать зубами в бессильной ярости и злобе. А тут еще стояла дочь мельника и смотрела на его жалкую фигуру, насмешливо улыбаясь..

На трибуну вошел буденовец и передал Цибуле какие-то коробки.

— Все три здесь?— тихо спросил тот.

— Так точно, товарищ командир!

Цибуля поднял руку, призывая к порядку.

Сотни глаз впелись в командира.

— Товарищи!— торжественным тоном начал он.— Я счастлив всенародно заявить здесь, что Коммунистическая партия и Советская власть высоко оценили боевые заслуги и самоотверженность наших отважных разведчиков. Разрешите от имени Республики вручить этим славным героям заслуженные награды..— Цибуля медленно вынул из коробки три блестящих ордена и поднял их над головой.

Долго сдерживаемое напряжение толпы прорвалось. Ураган рукоплесканий и криков «ура» рванулся к небу. Над головами замелькали платки, полетели вверх картузы и шапки, а ребяташки, словно стаи грачей, взлетели на все деревья, столбы и заборы.

Каждый старался протолкнуться вперед, к трибуне, и хоть одним глазком посмотреть на отчаянных буденовцев, сумевших посадить в мешок «самого батьку Махно».

Но, кажется, больше всех радовалась и трепетала от счастья дочка мельника, которая давно уже стояла на трибуне, не сводя глаз со своего спасителя — Следопыта.

А когда командир собственноручно приколол к его широкой груди пылающий под солнцем орден Боевого Красного Знамени, Катюша не выдержала и на глазах толпы расцеловала смущенного Мишку.

Коллекция

ТОЛМАЧЕВ

С членом Уралсовета Николаем Гурьевичем Толмачевым я впервые столкнулся декабрьским вечером 1917 года в одной из комнат Центрального штаба екатеринбургской Красной гвардии. До этой встречи мне часто приходилось слышать его фамилию и в деловых разговорах, и в спорах, и в беседах с товарищами. Причем все, кто упоминал Толмачева, ссылались на него как на непреклонный авторитет.

Толмачев мне рисовался в воображении пожилым человеком, убеленным сединой, солидной комплекции. Поэтому я никак не ожидал, что начальник Красной гвардии матрос Павел Хохряков, представив меня молодому человеку моих лет в светлой офицерской шинели, скажет:

— А это Толмачев!

Признаюсь, я был даже разочарован.

— Ты расскажи Николаю Гурьевичу, — продолжал Хохряков, — как идет на вокзале разоружение казачьих эшелонов...

Мы с Толмачевым прошли в соседнюю комнату, где находилось несколько человек из моего матросского отряда, прибывшего из Петрограда на помощь Красному

Уралу. Огромный матрос Фома Гуля налил нам по кружке кипятку и отрезал по ломтю ржаного хлеба.

Я начал рассказывать... Обычно о движении казачьих эшелонов с распавшихся фронтов империалистической войны мы узнавали заранее и готовились к встрече. Цепь наших красногвардейцев с пулеметами занимала исходные позиции на екатеринбургском вокзале, назначались парламентеры. Пропускать вооруженных казаков в южноуральские степи, где поднял мятеж атаман Дутов, было опасно.

Иногда переговоры о сдаче оружия происходили сравнительно спокойно. Правда, это бывало редко. Большею частью они кончались угрозами со стороны казаков и даже столкновениями.

Нам приходилось действовать решительно и смело. Самая малейшая ошибка могла привести к кровавым последствиям. На летучих митингах, возникавших около вагонов, наши ораторы разъясняли казакам, что такое Советская власть, почему нужно сдать оружие, призывали трудовое казачество к укреплению Советской власти на Южном Урале, к борьбе с Дуто-

вым. Не все, однако, проходило гладко. Особенно портили нам нервы офицеры...

Мой рассказ прервал матрос Семен Каторгин, принесший донесение от Хохрякова: приближался новый казачий эшелон.

— Когда эшелон будет в Екатеринбург? — спросил Толмачев.

— Утром, — ответил Каторгин.

— Да... времени немного, — задумчиво произнес Толмачев и, быстро повернувшись в мою сторону, спросил: — Разоружать будете?

Я ответил утвердительно. Толмачев еще раз прочитал донесение, а потом снова обратился ко мне:

— Выделите двух-трех человек... Я иду к Хохрякову за документами. С первым поездом выедем навстречу эшелону, постараемся облегчить вам разоружение.

Я стал возражать против такой опасной поездки: реакционное офицерство могло натравить рядовых казаков на Толмачева и его помощников.

— Борьба с контрреволюцией для нас, большевиков, была и будет сопряжена с опасностью, — говорил Толмачев, щуря близорукие глаза и накидывая на плечи шинель. — Это первое! Во-вторых, не верю, чтобы все казачество шло против нас. Большинство из них наши союзники. Вот с ними-то мы и побеседуем в пути, выясним, кто им друг и кто враг...

Из Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии по линии железной дороги было послано распоряжение о замедленном движении казачьего эшелона. Этой же ночью навстречу ему без всяких остановок мчался паровоз с одной теплушкой. На нарах, в теплушке, лежал Толмачев с тремя матросами: Каторгиным, Матрениным и Балмашовым.

Утром на маленькой станции паровоз остановился. Начальник станции, старик, узнав, что от него требуется, побледнел:

— Я не могу задержать эшелон... Казаки отправят меня на тот свет...

— А ты, борода, раньше смерти не помирай! Отвечай, что рельсы на путях

ремонтируют, или соседняя станция не принимает... и точка! — посоветовал ему Каторгин.

От такого предложения начальник станции совершенно растерялся, а казачий эшелон, замедляя ход, проходил в это время мимо станционного здания. Толмачев и матросы вышли на перрон.

— Семен Васильевич! — обратился Толмачев к Каторгину. — А чиновник в самом деле струсит, если казаки на него нажмут... Иди к машинисту, с ним договориться вернее.

Каторгин отправился исполнять приказание. С машинистом он быстро нашел общий язык, угостился махоркой и поспешил к своим товарищам.

Около одной теплушки толпились казаки. Из открытых дверей доносился голос Толмачева. Обгоняя Каторгина, к теплушке бежал худой офицер в черной мохнатой папахе. Расталкивая казаков, офицер закричал:

— Посторонние, оставить эшелон!.. Митинги и собрания запрещены!

В дверях теплушки показался Толмачев:

— Здесь вашего разрешения не требуется... Вы проезжаете по территории Урала, а мы — представители Уралсовета и уполномочены побеседовать с казаками.

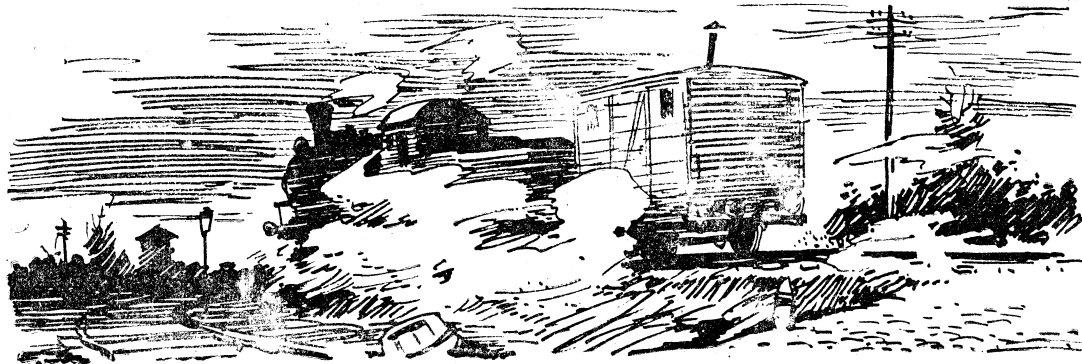
Поднялся шум. Одни казаки требовали отправки эшелона, другие — проведения митинга. Кое-где раздавались злобные выкрики. Толпа все прибывала.

Толмачев, посоветовавшись со стоявшими рядом казаками, помахал рукой и громко произнес:

— Товарищи казаки! Митинг проведем на следующей станции, а пока идите по вагонам...

Было решено: Толмачев и матросы залезут в различные теплушки и займутся агитацией казаков. Каторгин побежал известить машиниста об отправке эшелона...

Теплушка, в которой находился Толмачев, была переполнена казаками

Обе стороны задавали друг другу различные вопросы. Толмачев скоро понял, что в эшелоне абсолютное большинство согласно добровольно сдать оружие. С несогласными предстояла борьба на митинге.

«Ничего, поборемся!» — подумал он.

Словно угадывая его мысли, сидевший рядом красноносый казак заговорил:

— Братцы-станишники, зачем нам винтовки? Ей-богу, до боли надоела война и смертоубийство... Скорей хочется до семьи добраться! Те, которые не хотят отдавать, пускай покинут эшелон... Ведь с винтовкой нас, братцы, не пропустят...

— Правильно, Юрков! — сказал другой. — Сдадим оружие и попросим фуража для коней. Отощали кони, а они нам в хозяйстве нужны...

Подобные разговоры шли и в других теплушках. Правда, офицеры агитировали, чтобы с боем прорваться через Екатеринбург, а некоторые из казаков предлагали направить делегатов и просить разрешения ехать дальше с оружием. Большинство же склонялось на предложение представителей Уралсовета.

Когда на следующей станции Толмачев и матросы вышли из теплушек, трубач уже играл сбор на митинг. Недалеко от станционного здания из ящиков соорудили небольшой помост. Офицеры держались обособленной группой. Среди них выделялся худощавый есаул с монгольскими чертами лица.

Толмачев не спеша начал говорить о муках, перенесенных казаками на фронтах во имя чужих интересов. Понемногу речь его начинала крепнуть и овладевала умами подавляющей части слушателей.

— Товарищи казаки! — говорил он. — Вашими же руками атаманы и офицеры хотят уничтожить вашу же власть там, у вас на родине. Этим самым они хотят лишить трудовое казачество тех прав, какие им дала Октябрьская социалистическая революция...

Когда Толмачев кончил, казаки стояли так же тихо, как и во время всей его речи. Вдруг раздалась ругань. Это есаул с монгольским лицом взобрался на ящики и стал орать на тех, «кто собирается слушать изменников-большевиков». Но ему не дали закончить. Дюжие руки схватили офицера и стащили с самодельной трибуны. С перекошенным от гнева лицом есаул выхватил револьвер.

— Сволочи! Родину продали! — кричал он.

Кто-то ударил его по руке, кто-то сбил папаху, кто-то стукнул по лицу.

На ящике уже стоял казак Юрков.

— Станишники! — говорил он. — Господин есаула, который обозвал всех нас, надо арестовать и передать местному Совету...

Гул одобрения прошел по толпе... В тот же день на екатеринбургском вокзале мы встречали эшелон. Сдача оружия прошла без всяких затруднений.

— Эти казаки, — говорил нам Николай Гурьевич, — теперь уже красные казаки. Они у себя дома будут агитировать за Советы и защищать их... Это небольшой, но крепкий бронированный кулак для сокрушения внутренней контрреволюции...

Разбитый под Оренбургом в январе 1918 года, атаман Дутов отступил к городу Верхне-Уральску. Здесь вокруг Дутова стали группироваться местные контрреволюционные силы, состоящие из зажиточных слоев. Правда, казаки-бедняки не верили уже офицерским лозунгам. Они активно выступали на защиту Советской власти, организовывали партизанские отряды. В ходе боев с Дутовым из среды красного казачества выделились талантливые командиры: братья Каширины, Николай Томин и другие.

На помощь трудящимся Южного Урала из Екатеринбурга было отправлено несколько рабочих дружин. Руководил ими объединенный штаб, комиссаром которого Уралсовет назначил Толмачева. По нашему обоюдному желанию весь отряд балтийских матросов влился в состав одной из дружин.

В конце февраля мы прибыли в степной городок Троицк. Вокруг него на сотни верст раскинулись казачьи станицы, в которых дутовские офицеры развернули бешеную агитацию. Часто ночью дружинникам и матросам приходилось подниматься по тревоге: к городским заставам пробирались вражеские авангарды.

Помню, как на одном из совещаний в объединенном штабе Николай Гурьевич Толмачев говорил:

— Мы должны немедленно нанести контрудар противнику: составить воззвание к тому трудовому казачеству, которое все еще колеблется. Надо рассказать, кто такой Дутов, доставить в станицы наши лозунги, статьи, брошюры. Это же первостепенное оружие Советской власти...

На другой день я зашел в Троицкий Совет. В одной из комнат Толмачев прощался за руку с какими-то людьми в полуказахьей одежде.

— Это ходоки из станиц,— сказал он мне, когда мы остались одни,— хотят узнать от нас правду... Беседа с ними да еще по душам — своего рода политический барометр... Здесь и узнаешь, что требуется делать. А делать надо еще много... Вот еду сегодня в Солянку, проводить собрание у казаков...

Меня озадачило последнее заявление. Выезжать в ту пору в степь, где шныряли конные разъезды дутовцев, было опасно. Я предложил Толмачеву в помощь наш матросский отряд.

— Вот этого делать совершенно не нужно,— сказал Николай Гурьевич.— Со мной будут два человека... Этого достаточно. Главное наше оружие — большевистская правда. Она оборонит от всех врагов...

Когда о поездке Толмачева узнал командир одной из дружин Петр Захарович

Ермаков, немедленно поступило распоряжение: выделить усиленную охрану для сопровождения комиссара. Но приказ опоздал. Толмачева в городе уже не было. Отряд под командованием Семена Каторгина с двумя пулеметами тут же выехал в Солянку...

В Троицк Каторгин возвратился поздно вечером. От него я и узнал подробности всей экспедиции. Когда в Солянке, около церкви, Толмачев организовал митинг, неожиданно появился разъезд дутовцев. Никто из них и не подозревал, что оратор может быть комиссар. Дутовцев заинтересовало выступление, и кое-кто из них стал задавать Толмачеву вопросы. Это не понравилось старшему разъезда, рыжеусому хорунжему. Он приказал арестовать оратора. Среди жителей Солянки поднялся шум. Начали протестовать и некоторые дутовцы. Хорунжий решил поско-

рей увести свой разъезд из станицы, чтобы после, под покровом ночи, захватить Толмачева. В это время с другого конца к церкви подъезжал отряд Каторгина. Увидя красных, казаки перепугались, но Толмачев успокоил их:

— Не бойтесь, товарищи! Вас никто не тронет. Разъезжайтесь по своим хуторам и расскажите все, что от меня слышали...

А через месяц в той же Солянке озверевшие офицеры-дутовцы зарубили шашками одного из членов Троицкого Совета, положили труп в сани, хорошенько настегали лошадь и погнали ее в город. Но никакими зверствами нельзя было вернуть старое. Слова большевистской правды доходили до казаков. Силы Дутова быстро начинали таять. К нам ежедневно приходили добровольцы, иногда даже на собственных конях. Среди них был юноша-казак, напоминавший своим нежным цветом лица девушку. Начхоз нашего отряда выдал ему ржавый смит-ветсон. Казак робко попросил заменить на новый наган.

— Рылом не вышел! — обрезал начхоз.

Юноша рассказал про свою обиду товарищам, а те передали все Толмачеву.

Николай Гурьевич вызвал к себе начхоза и спросил:

— Если к вам придет человек помогать рубить дрова, то какой вы ему дадите топор, новый, острый, или тупой, старый?..

Начхоз покраснел.

— Идите сейчас же к добровольцу, — продолжал Толмачев, — извинитесь перед ним и выдайте наган...

Скоро пришлось проститься с нашим комиссаром. Толмачева отозвали в Екатеринбург. Больше я не встречался с этим замечательным человеком.

Через год до нашего отряда дошла печальная весть: в бою с белогвардейцами под Петроградом на Южном участке фронта героически погиб член Коммунистической партии с 1914 года, бывший студент политехнического института, двадцатичетырехлетний комиссар Толмачев.

«Мне дорог Петроград, давший мне первые уроки массовой революционной тактики, — писал он незадолго до смерти, — но я уралец, я сроднился с Уралом, и мне жаль покидать родной залитый кровью близких друзей и товарищей Урал».

А. СТАРОСТИН,
бывший начальник
красногвардейских отрядов

ФИЛЬМ СНИМАЕМ САМИ

Необыкновенная встреча

В этот вечер на здании свердловского кинотеатра не сверкала огнями реклама. Никто не слышал и знакомого вопроса: «Нет ли лишнего билета?» Это был необычный вечер. Зал переполнили режиссеры, операторы, сценаристы и актеры. Но напрасно вы искали бы среди них людей, знакомых по известным всем кинокартинам. Режиссер работал инженером-конструктором Уралмашзавода, сценарист — сталеваром Серовского металлургического комбината, кинооператор был простым школьником, а киноактер — студентом Уральского политехнического института.

Здесь проходил слет кинолюбителей.

Совсем недавно, три года тому назад, группа студентов Уральского политехнического института впервые на Урале занялась съемкой любительских фильмов. А сейчас кинолюбителей в одной только Свердловской области столько, что их не вмещает зрительный зал большого городского кинотеатра.

В зале сидели кинолюбители Уралмашзавода, «Уралэлектрораппарата», ВИЗа, студенты-медики, лесотехники, будущие педагоги. Приехали энтузиасты нового самостоятельного искусства из Нижнего Тагила, с Серовского металлургического комбината, Первоуральского Новотрубного завода. Может быть, мысленно, но среди участников Первого областного фестиваля кинолюбителей обязательно были и ученики кольцовской школы № 92, и свердловской школы № 17, и Тюменского Дворца пионеров, и многие, многие другие.

«Кинолюбительству все возрасты покорны», — шутили делегаты фестиваля. Можно бы еще добавить: «возрасты и профессии». Снимают артисты, ученые, композиторы, писатели, инженеры.

Любительская кинокамера — верный и серьезный помощник ученых. По признанию профессора Ф. Р. Богданова, в руках медика она такое же орудие исследования, как микроскоп. Для другого нашего земляка, старшего инженера

«Уралэнерго» А. А. Демидова, заядлого туриста, снявшего интересные фильмы о Париже и Марселе, кинокамера с большим успехом заменила дневник путешественника.

Много интересных встреч и разговоров было на фестивале кинолюбителей, много просмотрено занимательных фильмов. И уж, конечно, самый большой успех выпал на долю пионеров кинолюбительства на Урале — студии «Бокс-фильм» Уральского политехнического института. Их картины получили три диплома: I, II и III степени.

Они были первыми

Название студии «Бокс-фильм» не имеет ничего общего с кулачным боем. Бокс — это сокращенно — Боевой Орган Комсомольской Сатиры.

Все началось неожиданно просто. Долго угоривали товарищи одного нерадивого студента стать прилежным и дисциплинированным, но безуспешно. На помощь пришла китайская мудрость. Она гласит: «Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать».

И вот в новогодний вечер 1956 года в неподвижных сатирических картинках «Елки-палки», которые демонстрировались на экране, лентяй увидел собственное изображение. Эффект превзошел все ожидания: студента как подменили. Лю-

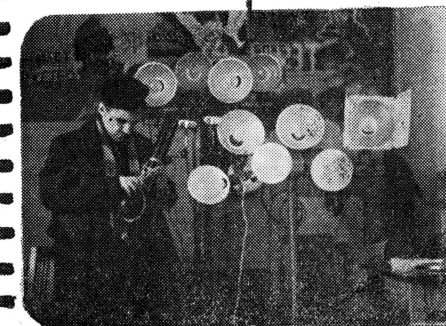
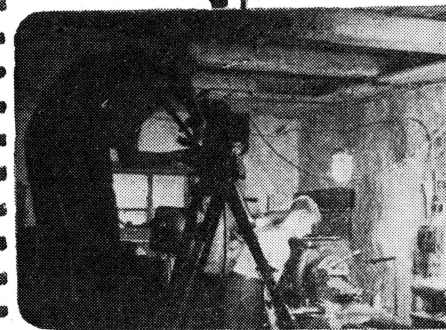
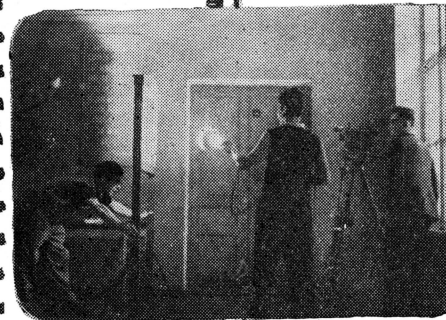
бительский экран оказался не просто забавой, а грозным оружием.

Вскоре появились на свет два новых сатирических фильма — «Гадкий утенок» и «Иван-да-марья».

Но настоящий огонек творчества зажгла поездка на целину. Снимали уже серьезный документальный фильм, но без сценария, — все, что попало на глаза. А возвратившись домой, принялись резать и клеить. И вот однажды в институте появилась скромная афиша: «Смотрите наш фильм: «Студенты УПИ на полях Алтая и Урала». Чего скрывать, сравнения с профессиональными картинами этот фильм явно не выдерживал, технически был несовершенным. Герои, правда, двинулись, но говорил за всех диктор.

Но это все же был успех, и он воодушевил на новые дела. А если попробовать снять художественный фильм? Фильм о родной стране «Упинии», о ее никогда не стареющем, вечно юном народе...

На этот раз начали, как полагается, со сценария. Его написали преподаватель кафедры высшей математики А. Федоров, студенты Ю. Краузе и Б. Урицкий. Затем принялись за подбор актеров — весьма щепетильное дело. Руководствовались самобытным правилом: «Каждый актер на сцене должен играть себя в жизни». Поэтому роль героя фильма Влади Агапова исполнял дипломант строительного факультета Ю. Ершов; его подруги, отличной гимнастки, — чемпион института по

художественной гимнастике студентка М. Усталова; профессора играл любимец студентов доцент Н. Н. Мазуров, библиотекаря — старейший работник библиотеки института М. Ф. Уржумцева.

Не отступили от правила и при подборе актера на роль милиционера: обратились за помощью в отделение милиции. А когда его любезный начальник выстроил весь личный состав отделения, растерявшиеся режиссеры сильно пожалели, что по сценарию им требуется только один милиционер.

Фильм «Владя Агапов» готовили в подарок Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Времени оставалось немного: около двух месяцев.

А тут еще самые неожиданные преграды возникли на пути молодых кинолюбителей. В ударе актеры, на небе ни облачка — работать бы да работать, но... кончилась драгоценная пленка. Наконец, достали и пленку, но, увы, не согласовали вопрос с капризной погодой. Или — попробуй освободи для съемки студии спортзал, когда в нем почти круглосуточно тренируются неугомонные спортсмены! Приходилось ночевать в институте, а наутро, чуть забрезжит ранний летний рассвет, начинать работу.

Впрочем, это даже пошло на пользу. Ранние косые лучи, падавшие в зал, маститые профессионалы кино восторженно оценили как режиссерскую «находку»: вот же что значит свежее восприятие и зоркий глаз! Ради такой похвалы можно было не спать и ночь!

А сколько воспоминаний связано со сценой у Дворца пионеров! Общими усилиями выбрали «натуру», перенесли скамейку, настроил

*На снимках сверху вниз:
Кадр из фильма «Праздник юности» киностудии УПИ.*

Герои фильма «Владя Агапов едет на фестиваль» Ю. Ершов и М. Усталова гримируются перед съемкой.

Рабочий момент съемки в студии УПИ. Режиссер Г. Жаворонков — физик, операторы: Ю. Загайнов — металлург, Р. Зуев — энергетик.

Съемка на целине. В ремонтной мастерской.

В перерыве между съемками. Герой проголодался.

Перед съемкой надо еще раз проверить осветительную аппаратуру.

камеру оператор, приготовились актеры, подана команда: «Внимание! Начали!». Но в этот ответственный момент, как снег на голову, свалился незадачливый дворник и потребовал поставить на место скамейку. Неизвестно, чем бы закончился этот спор, если бы «нарушителей общественного порядка» не взял под свою защиту настоящий милиционер, снимавшийся в картине.

Наконец, съемки закончены. Последний этап работы — озвучивание.

Поезд уже был на перроне, когда к вокзалу подошел автобус с табличкой «Свердловская киностудия». Бережно, как ребенка, приняли «боксеры» коробки с готовой картиной. Все-таки успели — «Владя Агапов» действительно едет на фестиваль!

Кино укрепляет дружбу

Кинолюбители пяти континентов земного шара встретились в Москве для того, чтобы просмотреть и оценить работу друг друга. Разноязыкая речь, улыбки, характерный треск киноаппаратов. День и ночь в просмотровых залах мелькают кадры: первомайская демонстрация в Австралии, живописные уголки Германии и, наконец, родной Свердловск. На экране ожил Уральский политехнический...

Кажется, не было в жизни восьми молодых людей ничего счастливее, чем сорок минут демонстрации их картины. Ведь это замечательно, что зрители — китайцы, японцы, англичане, негры, — дружно смеются там, где надо, и единодушно одобряют мастерство уральцев! Не скупые аплодисменты вежливости, а восторженные овации прерывали демонстрацию этой картины.

Свердловчане чувствовали себя именинниками. Артистов — Ю. Ершова и В. Кочегарова — легко узнавали по экрану и атаковали вопросами: давно ли организовалась студия, чем она оборудована, что сейчас снимает. Один англичанин даже заинтересовался вопросом, дорого ли будет стоить фильм и можно ли его купить для показа в Англии.

На фестивале уральцы познакомились со многими кинолюбителями Советского Союза, с известным индийским режиссером и актером Раджем Капуром, популярным кинодеятелем ГДР А. Дорном, руководителем болгар-

ского клуба кинолюбителей И. Касимовым и другими.

Закончилась встреча призывом к кинолюбителям мира: «Человек, сделавший киноаппарат постоянным спутником своей жизни, другом в науке, искусстве, спорте, больше всего любит мир. Он всегда будет бороться за то, чтобы дым пожара не заволакивал объектив, чтобы не заливала кровью война. Кинолюбители — большая сила, она будет расти. Мир и дружба!».

Самые юные

Среди участников Областного фестиваля кинолюбителей, с которого мы начали рассказ, выделялись два совсем юных лица: одно — лицо «заводилы», с озорными мальчишескими глазами, другое, напротив, — очень серьезное и спокойное.

В торжественной обстановке ребята чувствовали себя неуверенно и, видимо, потому старались держаться солидно. Но когда докладчик упомянул самую юную любительскую киностудию в Свердловской области — при Детской технической станции Первоуральского Новотрубного завода, — ребята не выдержали и заулыбались, забыв про солидность.

Случилось так, что Юру Галутдинова и Геру Кириллова, двух друзей, которые с детства жили одними мыслями и мечтами, захватило горячее желание снимать кинокартины. Принялись за конструирование кинокамеры — дело оказалось нелегким. Тогда друзья обратились за помощью. На Детской технической станции их поддержали и сделали счастливейшими людьми: им вручили по настоящей киносъемочной камере. С этого момента начала работу кинолюбительская студия в Первоуральске.

Много радостей и неудач пережили ее организаторы. Первым праздником на студии был день, когда на пленке наконец-то появилось изображение. Различить заснятое не смог никто, но победу праздновали и даже кричали «ура».

Ради полюбившегося дела готовы были идти на все лишения. Однажды оператор студии более часа просидел на крыше дома в ожидании машины. В другой раз для озвучивания картины пришлось занимать в ремесленном училище недостающий проектор. Ребята заканчивали работу, а за

дверью торопили недовольные хозяева: «Не видать вам больше проектора, как своих ушей». Пришлось в срочном порядке своими руками оснащать студию оборудованием. Так, например, смастерили монтажный столик оригинальной конструкции. Это гордость студии. Другого такого нет во всем Советском Союзе.

Свою первую и пока единственную картину юные патриоты посвятили родному городу. «Город, в котором мы живем», — это поэтический рассказ о новом социалистическом городе Первоуральске. Первая картина о родном городе стала большим событием в его жизни. Очень она понравилась землякам. Особенно много говорили о юных создателях фильма, все от самого начала до конца сделавших своими руками, без помощи профессионалов. Этим гордятся и сами ребята. И хотя их картина по качеству ниже, чем картины «Бокс-фильма», при случае первоуральцы горячо поспорят о том, кто же все-таки настоящий кинолюбитель.

Большие планы у двух студий, о которых мы рассказали. Фильм о новом движении современности — бригадах коммунистического труда — снимают совместно со студией Уралмашзавода «боксеры». «О людях хороших», о своих славных земляках, задумали фильм юные патриоты Первоуральска. Сейчас те и другие упорно учатся, и это залог того, что у нас будет много любительских фильмов, хороших и разных.

С. СЕМЕНОВА

На снимках сверху вниз:
Рабочий момент съемок на целине.

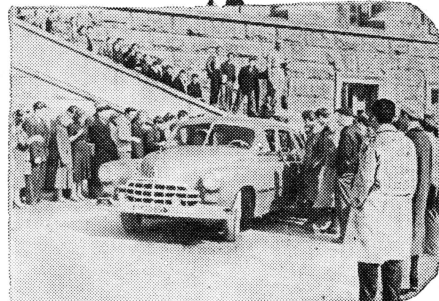
За монтажным столом в студии. Операторы В. Васильев — механик, Р. Зуев — энергетик.

Сержант 8-го отделения милиции — герой фильма «Владя Агапов едет на фестиваль».

Съемки фильма в парке. У камеры — оператор В. Холостных, химик. Рядом челябинские кинолюбители.

Приезд в институт американской делегации редакторов студенческих газет. Кадр из кинохроники.

Из фильма о целине. Студенты энергетики на комбайне.

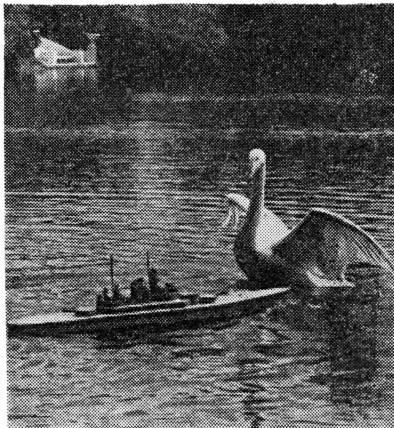
ЛЕБЕДИ НА УРАЛЕ

Соревнования юных судомоделистов должны были начаться в 10 часов утра на пруду парка Свердловского Дворца пионеров. Юные мастера волновались. Сколько труда было вложено в каждую модель!

Но волновались и юные зоологи. На островах пруда гнездились утки и гуси. Плавали лебеди и пеликаны. Не нарушат ли соревнования установившийся порядок жизни пернатых хозяев пруда?

Возня ребят на пристани не привлекала внимание птиц. Только утки лениво отплывали от «шумных» берегов.

Соревнования начались. Спущена на воду первая модель, и лебедю явно это не понравилось. Быстро отделившись от самочки, он устремился к центру пруда, куда «торопился» маленький корабль. Лебедь—настоящий хозяин своего водного участка. Все живое беспощадно преследуется и изгоняется им из гнездового района.

Удар сильного крыла топит плывущую собаку, ломает тонкое весло рыбака. Неужели кораблик, изготовленный старательно, с любовью, маленьким конструктором, окажется жертвой властной птицы?

Настала напряженная тишина. Как коршун, лебедь налетел на корабль. Модель споткнулась о белую, сильную его грудь... и, удачно повернувшись, поплыла обратно к пристани.

Заглушая победным криком возгласы ребят, лебедь направился к своей подруге. Ему, очевидно, казалось — он победил.

Такой неожиданный исход поразил всех. Ребята стали спрашивать меня, приходилось ли мне встречаться с лебедями в природе, как они ведут себя у гнезда? Есть ли лебеди сейчас в свердловской фауне?

Лебеди у нас в Свердловской области гнездились на озерах Шивакиш, Таватуй, Аятском и на некоторых других. Частое присутствие на озерах людей, охотников, рыбаков, постоянный шум беспокоили птиц, и лебеди покинули родные места. Последний раз я видел лебедей на Аятском озере в тридцатых годах. Они благополучно вывели птенцов, но сюда не возвратились.

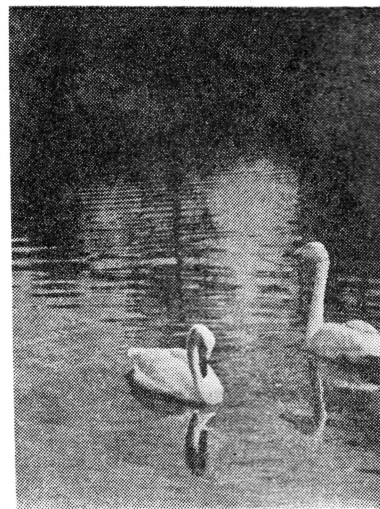
Однажды знакомый рыбак сообщил мне, что он знает на Аятском озере гнездо лебедя. Долго я просил его показать гнездо, наконец, он согласился.

Гнездо лебедя найти нелегко. Птицы сгребают кучу из старой осоки, тростника, надстраивают ее сухой травой, в углубление откладывают яйца. Когда лебеди сходят с гнезда, закрывают травой яйца. Вот и попробуйте найти гнездо среди куч старой травы и всякого растительного хлама.

К берегу нужно было плыть шесть километров. Рыбак сидел на веслах, я рулил. Ветер нам не мешал, слабо дул в спину.

Вдруг рыбак остановил лодку и показал на куст, растущий в воде, и на белую точку вправо от него.

— Видишь? — спросил рыбак. — Это и есть лебедь. Сейчас он сидит на гнез-

де. Рыбак предупредил, что, если мы потеряем из виду место, гнездо не найдем. Я осторожно направлял лодку на маленькую белую точку, виднеющуюся вдали.

Вдруг она исчезла. Лебедь незаметно сошел с гнезда и скрылся в тростниках. Мы подъехали к замеченному кусту, но, кроме большой кучи старой осоки, я ничего не увидел. «А еще натуралистом называешься, — заметил укоризненно рыбак. — Под носом ведь гнездо». И он тихонько раздвинул траву. В углублении лежали крупные овально-продолговатые яйца, белые, со слегка голубоватым оттенком. Вот оно, гнездо лебедя!

Рыбак прервал мои восторги: «Видишь, лебеди волнуются. Пора ехать обратно». Действительно, метрах в двадцати от нас плавали две огромные белые птицы. Почему-то они не решились напасть на нас, но настойчивым движением головы как бы просили: отплывите скорей, яйца могут остыть.

Мы повернули к дому. Когда я оглянулся через некоторое время, то на том же месте снова увидел белую точку.

Б. ИЕВЛЕВ,
старший зоолог Свердловского
Дворца пионеров.

Охраняй природу!

Многим, наверное, приходилось во время прогулок и походов по уральским лесам встречать орхидеи. Это красивые душистые цветы: красные, крапчатые, пестрые. За красоту и изящество их называют еще Венерин башмачок.

С давних времен существует большой спрос на эти цветы не только в России, но и за рубежом. Так, в 1900 году уральский ботаник В. П. Сюзев отмечал, что местными садоводами орхидеи «истребляются с корнями в огромном количестве, находя выгод-

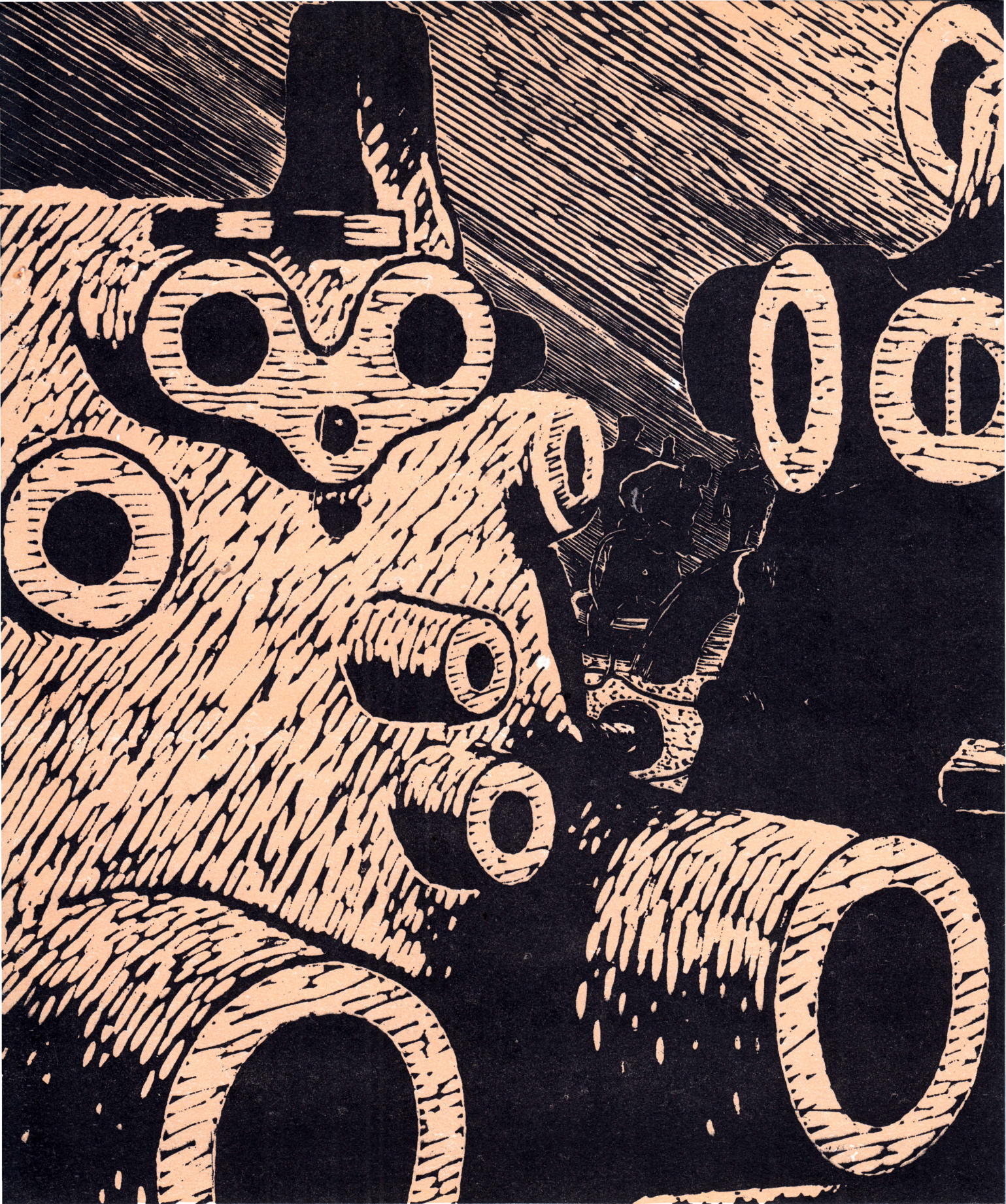
ный сбыт за границей». Известно, что в том же 1900 году пять тысяч штук красных орхидей отплатили с Урала в Цюрих и Петербург.

К сожалению, и сейчас чудесное растение хищнически истребляется: вытаптывается или вырывается с корнем. Орхидей в уральских лесах становится все меньше и меньше, поэтому важно разъяснить всем, что необходимо охранять этот редкий красивый цветок.

Л. ХАНДРОСС

Детали будущих турбин.

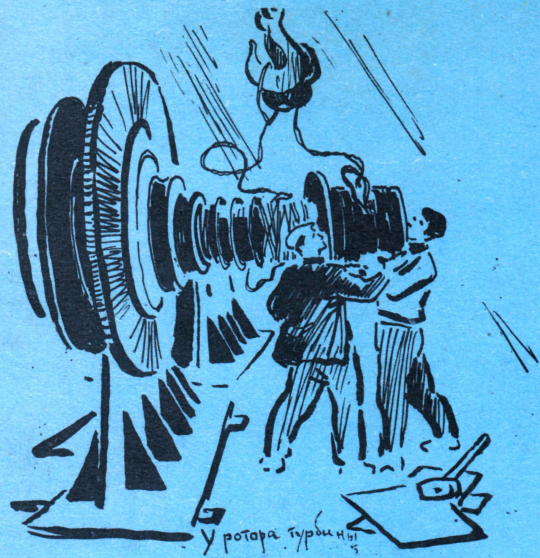
Литогравиюра Г. ПЕРЕБАТОВА.

НА ТУРБОМОТОРНОМ ЗАВОДЕ

*Рисунки Германа Перебатова и репортажу
Г. Бушмановой и Е. Константиновой
„Газовая комсомольская и потерянное
письмо“.*

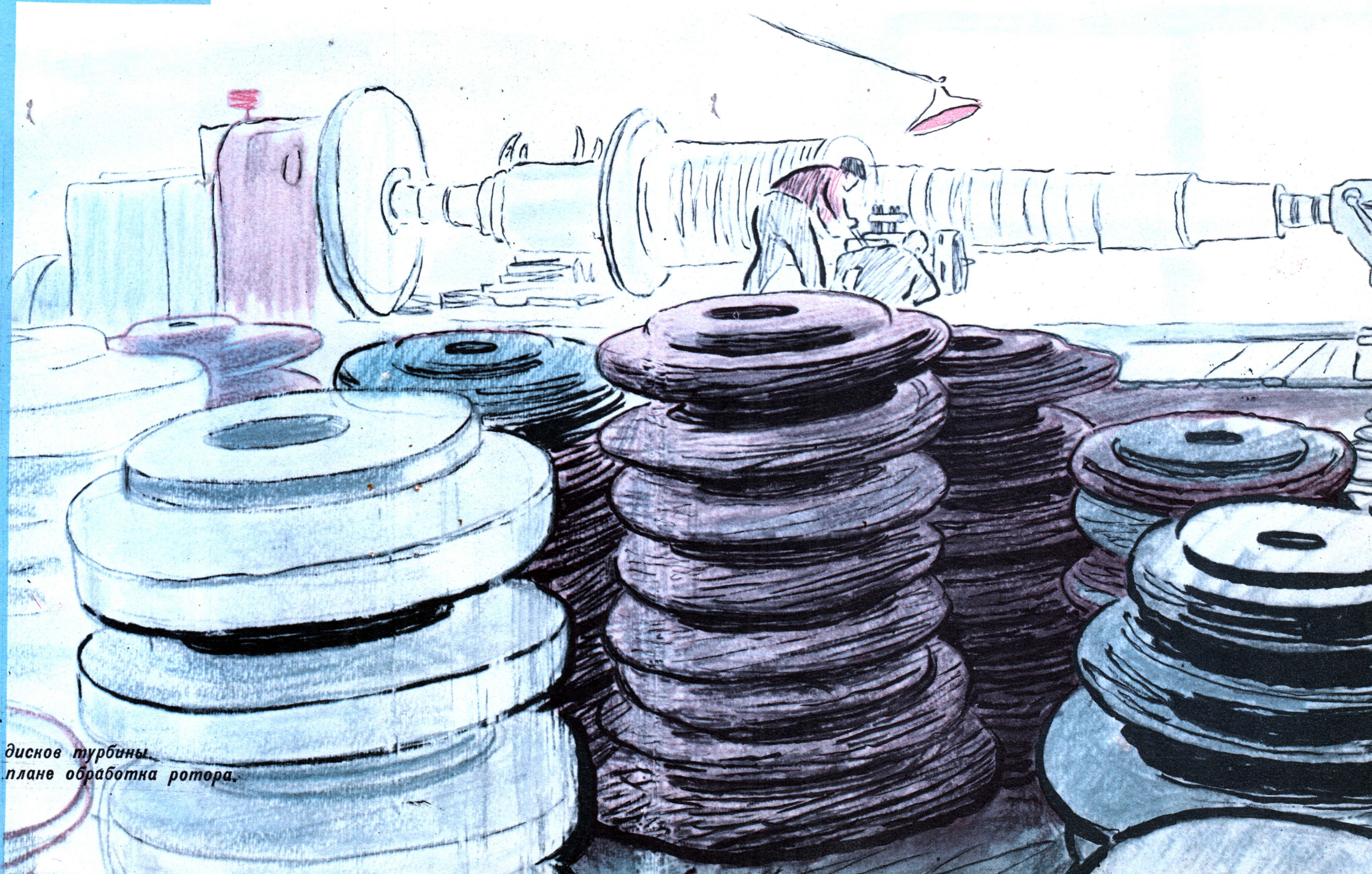

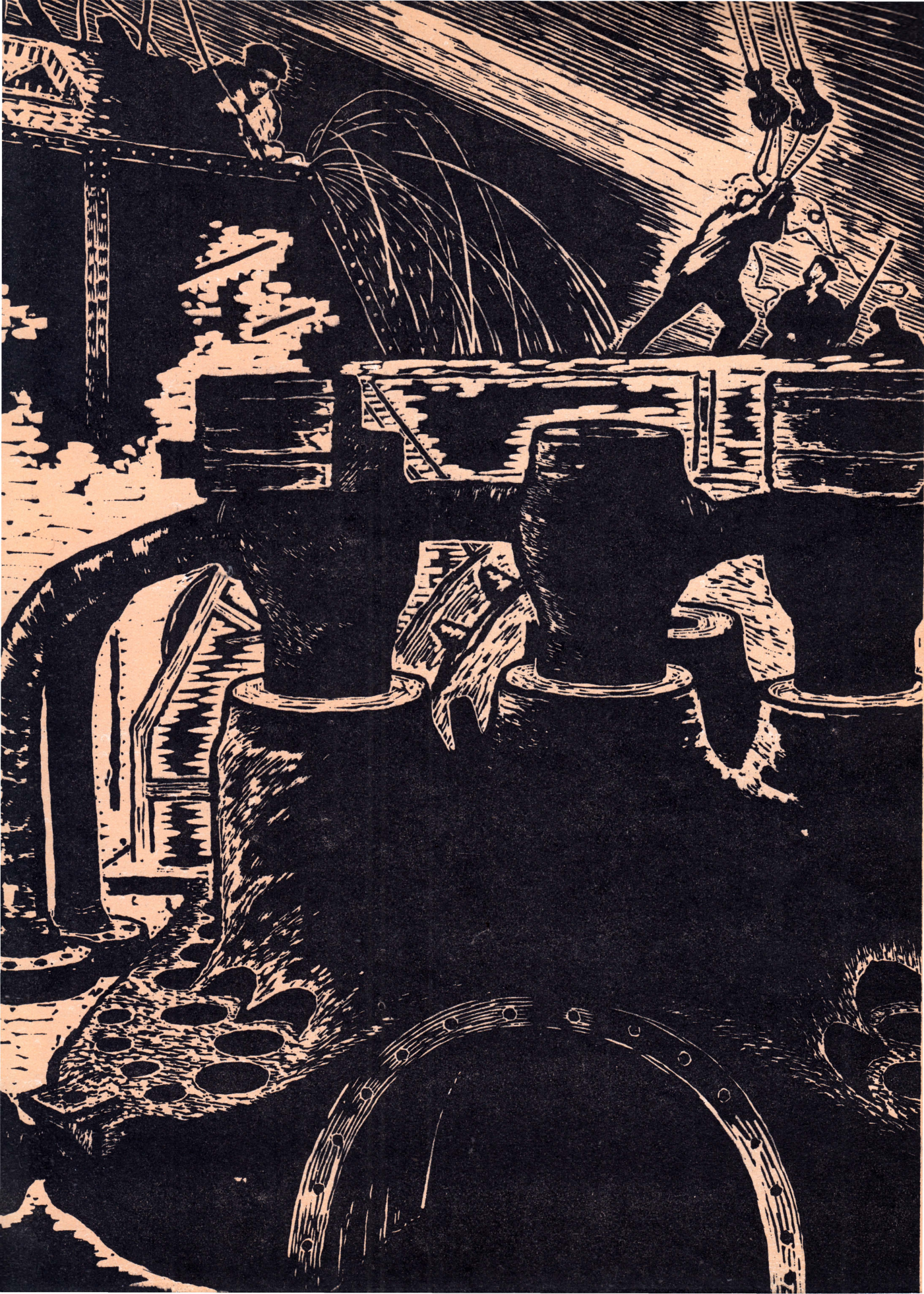
У ротора турбины.

Газорезчик.

*Заготовки дисков турбины.
На заднем плане обработка ротора.*

Г. БУШМАНОВА,
Е. КОНСТАНТИНОВА
Рисунки Г. Перебатова

Репортаж

ГАЗОВАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ и ПОТЕРЯННОЕ ПИСЬМО

Очередь подвигалась медленно. Девушка в окне, наконец, устала выписывать квитанции. С утра до вечера в эти предпраздничные дни на почте толпился народ. Мы стояли уже полчаса и нервничали. Стрелка часов все ближе подвигалась к семерке. Сейчас почту закроют. Так и есть.

— Граждане! Не стойте. Отпущу трех человек. Передайте остальным.

Мы сосчитали. До нас пять человек. Но все-таки решили подождать еще: обидно столько выстоять и уйти ни с чем. Люди стали постепенно расходиться. Пришли две уборщицы и начали мести пол.

Когда много народу, не видно, что пол грязный. А тут на свет вылезли и газетные обрывки, и испорченные бланки, и даже трамвайные билеты. Все это вместе с пылью летело нам под ноги. Мы отошли, встали с другой стороны окошечка. И тут увидели конверт. Он валялся на полу, на нем отпечатался чей-то каблук. Подняли его. Конверт заклеен. В нем, очевидно, письмо, а адреса нет.

Лена подошла к окошку:

— Возьмите, пожалуйста, кто-то письмо потерял. Может быть, придет, спросит.

— Я вам не бюро находок,— раздраженно ответила девушка.— Передайте дежурному в пятое окно.

Лена пошла искать пятое окно.

Через минуту безжалостный голос произнес:

— Граждане, прием телеграмм окончен.

Человек строит турбину.

Линогравюра Г. Перебатова.

Взывать к милосердию было явно бесполезно.

Вернулась Лена.

— Там тоже закрыто... Что же делать? Куда девать письмо?

— Знаешь, давай распечатаем. Может, мы узнаем, кому оно написано и, в конце концов, отвезем адресату, если он, конечно, в Свердловске.

С минуту поколебавшись, мы разорвали конверт. Письмо. Написано синими чернилами. Зашли в ближайший скверик, сели на скамейку и стали читать под светом уличного фонаря.

«Сереженька! Давно хочу сказать тебе важное, да вот стыдно как-то. Сегодня решила: напишу по почте.

Люблю я тебя, Сережка! Чего ж ты, глупый, не видишь разве? А может, видишь, да сердце не лежит ко мне? А я извелась. Вчера вечером была у директора, так она меня прямо изругала. «Дура, говорит, самая ты настоящая дура, видеть тебя не могу. Неужели не чувствуешь: любит же он тебя! На работе так вы львы, а тут — зайцы трусливые. Объясниться не можете».

Я вот тебе пишу и мучаюсь: нехорошо девушке первой о любви говорить. А ты не любишь, раз молчишь. Не могу я больше тебя видеть. Уеду. Брошу все и уеду. Брат давно зовет. «Хватит, говорит, тебе в общезжитии маяться, приезжай, в семье будешь жить». Я бы давно уехала, да к заводу привыкла, к Свердловску. Газовая прямо родной стала. А техникум? Как же с техникумом-то?

Вчера прохожу мимо Юры. Слышу, песни поет. Станок работает, а он песни поет. Оглянулся на меня, голову запрокинул и говорит: «Смотри, ласточки-то как летают. Птицы с нами живут, чувствуешь?» Я ведь понимаю его, а говорю другое: «Сам ты птица! Распелся!» — «А чего ты такая злая?» — спрашивает. Ну, я ж не буду ему объяснять. На экзамены свела. Скоро экзамены, а я, мол, ничего не знаю.

Помнишь, в «Знамени» писали, как ты придумал что-то для ротора. А потом уж Лида познакомила меня с тобой. На свадьбу она зовет. Знаешь, ходит с ней такой курносый, худенький.

Ну, вот все, Сережа. Я все-таки очень хочу, чтобы ты прочитал это письмо.

Прощай, Сереженька! М.»

Что ж теперь делать? Кто кому писал — ничего неизвестно. Может, выбросить? А как же девушка? Видно, так и не осмелилась отправить это письмо, мало того, потеряла его в толкучке. Помочь ей надо. А может, не надо вмешиваться? Ведь дело-то деликатное. Мы долго сидели и думали, но потом решили все же попытаться найти адресата. Пусть живет эта таинственная М. на своем заводе и никуда не уезжает.

На следующий день утром стали думать, с чего начать поиски неизвестного Сережи. Прежде всего — о каком заводе идет речь? Ага, ротор. Их делают, наверное, на Уралмашзаводе и турбомоторном. А на каком из них многотиражка называется «Знамя»? Позвонили по телефону, узнали, что на турбомоторном.

Отпросившись в редакции съездить на завод, вышли на улицу. В дверях столкнулись с Германом Перебатовым — нашим художником-следопытом.

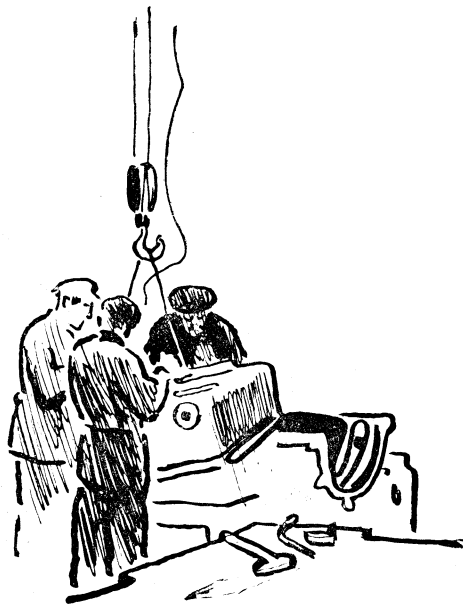
— Вы куда?

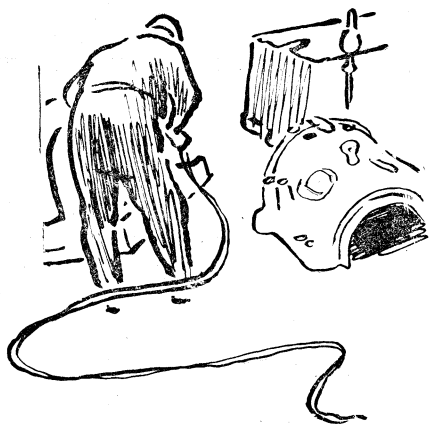
— На турбомоторный. Поехали с нами, по дороге все расскажем.

— А что, пожалуй, поеду. Даже очень хорошо. Я там никогда не был.

В трамвае Герман над нами посмеивался:

— Ну-ну, посмотрю, как вы будете искать. Изобретатель! Что ж, по-вашему,

на турбомоторном есть только один смелый парень? А какие люди его знают? Юра, который поет у станка? Лида, которая выходит замуж? Смех! И это директор? По-моему, там мужчина директор. И вообще сомнительно, чтоб девушка пошла к директору говорить о своей любви. Следопыты! На сей раз вас ждет позорнейший провал.

У входа на завод мы позвонили в комитет комсомола, попросили выписать пропуска: идем писать очерк. Ведь не скажешь, что нам надо отыскать или автора письма или адресата.

Вначале решили зайти в редакцию многотиражной газеты «Знамя». О парне написан очерк, знаем, что его зовут Сережа, что он сделал приспособление к ротору.

Сотрудница редакции, симпатичная, приветливая девушка, дала нам толстую подшивку. Мы начали листать. Ого! Чтобы прочитать все заметки и очерки об изобретателях на этом заводе, не хватит и целого дня. Такие материалы печатаются почти в каждом номере. 17 марта фрезеровщик механосборочного цеха Анатолий Тимофеев рассказал в газете, как он вместе с технологом усовершенствовал приспособление для фрезеровки ротора турбины. В другом номере описывается, как группа токаря инструментального цеха Виктора Горшкова выполнила впервые очень трудную работу — сделала поворотный столб. А тот же Анатолий Тимофеев вместе со своими товарищами сделал механическое приспособление для поворота ротора, и работать стало легче и быстрее.

Просматривая газету, мы все чаще наткнулись на рубрику «Как с газовой?» Эти слова, набранные крупным шрифтом,

звучали тревожно, настойчиво. Мы поневоле стали читать все, написанное под этим заголовком.

31 марта. «Как с газовой?»

Для узлов регулирования, которые изготавливаются в цехе турбинных узлов, нет шестерен. Их должен нарезать механосборочный цех, но нет фрез.

Инструментальщики, вы обещали завтра-послезавтра изготовить эти фрезы. Сдержите свое слово!

3 апреля. «Как с газовой?»

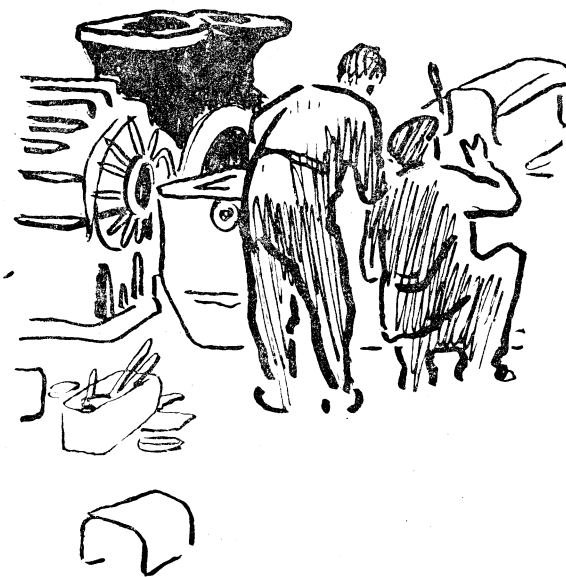
Для изготовления приспособлений инструментальный отдел не имеет чертежей из отдела главного технолога.

Цеху необходимо иметь их немедленно!

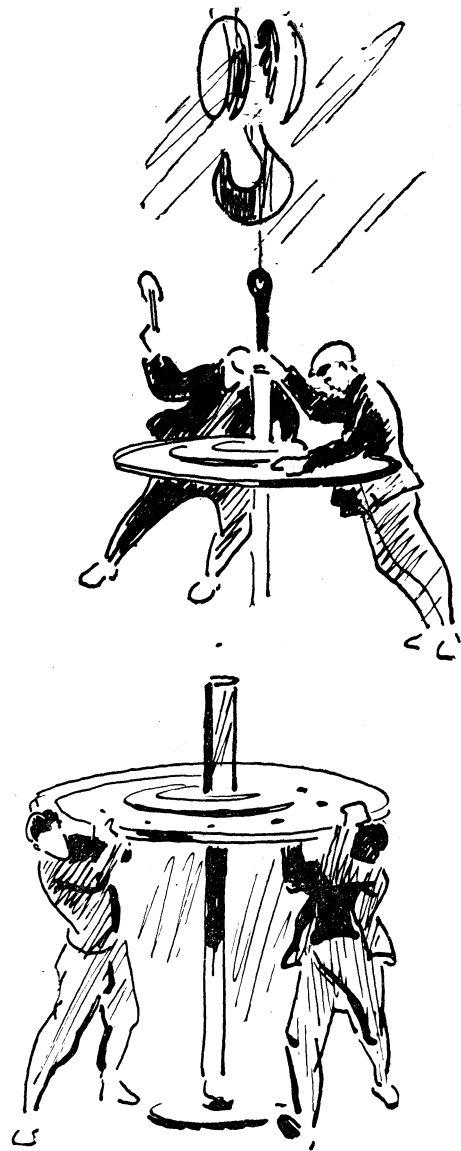
В выпускаемых отделом главного технолога чертежах, особенно в ваших, конструктор тов. Венкербец, много ошибок. Этим вы задаете лишнюю работу инструментальщикам. Будьте внимательны!

7 апреля. «Как с газовой?»

Сегодня главное направление — механосборочный цех, он сорвал все сроки выдачи цилиндров высокого давления на сборку. Срок изготовления компрессора — 10 апреля. Но обработка ведется так медленно, что в этот день деталь готова не будет. Тов. Нейман, за это ответственны вы!»

Что же это за «газовая»? Почему за ее судьбу так волнуются люди? Сотрудница редакции была занята и, видимо надолго, с каким-то посетителем. Мы отдали ей подшивку, поблагодарили и вышли на широкий просторный, утопающий в зелени заводской двор. Кругом все так необычно. Решительные голоса людей, щебет птиц, вырывающийся из распахнутых ворот неровный гул станков и фонтан. Сильный, красивый фонтан. Такой мы, пожалуй, впервые встречаем в Свердловске. Стройный паренек, сдвинув на затылок кепку, показал нам, где находится комитет комсомола и, сверкнув улыбкой, спросил: «Что, корреспонденты?» Мы кивнули головой.

Через несколько минут открыли дверь, на которой прибита дощечка: «Комитет ВЛКСМ». В первой маленькой комнате за столом сидела девушка. Из соседней комнаты через открытую дверь раздавались громкие голоса. Девушка пригласила сесть и подождать: секретарь занят, штаб сейчас заседают.

Что за штаб, и чего они так ругаются? Прямо до белого каления доходят.

— Сидит, такую мину состроит, а толку никакого, — звенел девичий голос. — Молнию на него надо, да такую, чтобы с позором! Если так будут все работать, газовую мы в будущем году не сделаем.

Опять «газовая»!

Неожиданно дверь открылась, вошел выскочкой, несколько сутулый черноглазый парень. «Может быть, это и есть Сергей?» — почему-то подумали мы.

Штаб продолжал заседать. Парень сел рядом с другими на диван.

— У кого претензии к инструментальному? Турбинный цех! У вас есть?

— Да. Они нам пятнадцать позиций не сдали.

— А вы проверяли? Повесили две молнии, и дело с концом? К сигналке целые простыни приложили. Вот и разбирайтесь в них сами. Надо же узнавать, сделано ли что по вашему заказу. Или нянек наймите, если сами не можете.

— Механосборочный цех! Володя! Почему блок регулятора держите? Целую неделю делаете. Почему не освободили площадь для малого стенда? Чего резину тянете? В фотогазету попасть хочется?

— Сделаем в два дня. Seriously, сделаем, — ответил черноглазый парень.

Его назвали Володей. Значит, не тот, которого мы ищем.

Горячий разговор комсомольцев продолжался.

— В сталечугунолитейном цехе на модельном участке оборудование разболтано. И это никого не волнует. Надо провести рейд. Там нужны новые станки.

— Так это же не относится к газовой турбине.

— А разве мы делаем только газовую? Разве только на сегодня работаем? Мы же семилетку строим.

Заседание штаба длилось долго. Мы все ждали, боялись, что комсомольцы от перепалки на словах перейдут врукопашную. Наконец оно окончилось.

Не сговариваясь, все вместе подошли к человеку, который руководил собранием. Так и есть, он начальник штаба, старший инженер Владимир Микрюков. У него серьезный, вдумчивый взгляд. Он молод и очень прост в обращении. Называем его Володей и просим рассказать о газовой турбине, о штабе. Мы уже решили написать о ней в нашем журнале.

— Помните, несколько месяцев назад было опубликовано Постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О дальнейшем развитии газовой промышленности Советского Союза в 1959—1965 годах»? В этом году должны быть выпущены несколько газовых турбин. Это же замечательная вещь, газовая турбина! На современных газопроводах нагнетатели, проталкивающие газ, работают от электропривода. Гораздо выгоднее, вместо электропривода, поставить газовую турбину. Не надо ни линий электропередач, ни электростанций. Питается она газом, передающимся по магистральному трубопроводу.

Раньше в Советском Союзе газовых турбин не строили. Недавно их стал выпускать Невский завод в Ленинграде. Первую турбину он делал ровно два года. А осенью 1958 года наш Свердловский турбомоторный получил задание изготовить газовую турбину за шесть месяцев. Это очень трудно. Комсомол решил взять шефство над производством турбины. Организовал штаб борьбы за газовую. В него входят люди из разных цехов. Этот штаб — своего рода разведывательный центр. Через своих членов он узнает, где какие неполадки. Да вы это, наверно, сами поняли сегодня. Виновному в неполадках даем сигнал. Не помогает — вывешиваем в цех, где работает, молнию; еще не помогает — человек рискует попасть в «Крокодил» на осмеяние всего завода. Трудно, действительно, очень трудно освоить новое дело в такой предельно сжатый срок. Надо было научиться делать такие операции, которые раньше никогда не делали. В первые месяцы приходилось работать и сверхурочно, и даже в обеденный перерыв.

— Правда, что вы решили назвать новую газовую турбину — Первая Комсомольская?

— Это надо еще заслужить, — ответил Володя.

— А рабочие не отказываются от дополнительной работы?

Володя удивленно посмотрел на нас, улыбнулся и сказал:

— Нет, никто и никогда.

Мы почувствовали, что задали просто неприличный вопрос.

— Что у вас, ни одной молнии не было за отказ от сверхурочной работы?

— Да, вот припомнил. Была на рабочего Ватолина. Дали работу, а он не выполнил ее.

Мы записываем фамилию Ватолина в записные книжки.

— Ну, и как он?

— Парень чуть со стыда не умер. На другой день сделал все, что надо. Он ведь накануне документы в техникум относил. Вот и не смог поработать.

Мы вычеркиваем фамилию Ватолина из своих записных книжек.

— Молнии ведь бьют главным образом за нерасторопность, плохую организацию дела, за то, что иногда творчества не хватает в работе, — говорит Володя.

Мы решили пойти в цехи, посмотреть, как работают люди, познакомиться с ними.

Маша Филенкова.

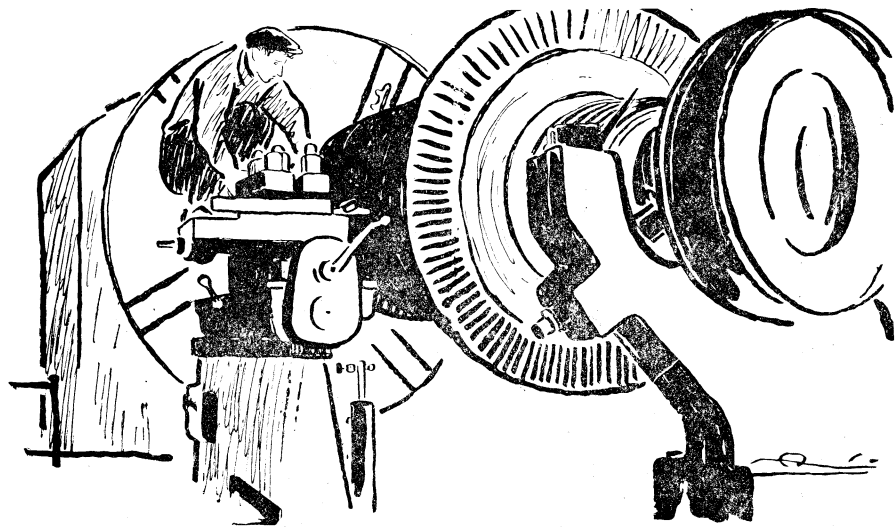
Да! И кроме того... Ведь нам надо передать письмо. Мы же совсем забыли про него!

Стали вспоминать содержание письма. Юра, Лида, — их, пожалуй, трудней найти... А вот директор?

— Скажите, Володя, — прощаясь, спрашиваем его, — в каком здании у вас кабинет директора? Она работает сейчас?

— Почему она? У нас директор мужчина. Он в здании около проходной.

Вот тебе раз! Что же это за директор в письме? Может быть, директор какого-нибудь магазина или столовой или еще чего? И наша М. просто с ней знакома. Наш художник Герман Перебатов имел право над нами подшучивать. Но куда же он пропал?

Обернулись, поблизости его нигде не было видно.

— Ладно, не потеряется, пошли.

Мы спустились вниз по лестнице, зашли в инструментальный цех — в этом же корпусе.

«Инструментальный цех первым начал штурм турбины», — вспомнили мы слова Володи. В два месяца он должен был сделать несколько тысяч приспособлений и специальных инструментов. Без них другие цехи были бы беспомощны. Сначала решили пять часов работать сверх положенного, потом решение изменили. Работали и в перерыв и после смены, столько, сколько нужно. Цеховой штаб выдавал комсомольские наряды. Работа по ним шла в нулевую очередь. Не в первую, а в нулевую, то есть требовалось выполнять ее немедленно. Штаб следил за ритмом напряженной работы. Прорыв на одном участке — завал деталей — детали передавались на другой. Сжимались сроки. Расточное приспособление для механосборочного цеха, вместо месяца, изготовили в двенадцать дней.

Нужно иметь верные, горячие сердца и золотые руки, чтоб победить, казалось, невероятные трудности, и все-таки выполнить задание в срок.

Наши размышления прервали оживленные возгласы:

— Маша! Держись гордо! На тебя весь мир смотреть будет!

— Маша, ты чего, как каменная? Деталь запорешь!

— Маш, а Маш!

— Да ты как называешь ее? Теперь только по имени-отчеству величать надо. А ты «Ма-а-ша!»

Подходим ближе и видим такую картину. Стоит наш художник, в одной руке альбом, в другой — карандаш. И при-

стально смотрит на какую-то девушку маленького роста. Обстреливаемая со всех сторон шутками и лукавыми взглядами, она стоит у станка, покраснела, пригнула голову, опустила ресницы, ни на кого не смотрит.

— Вот ты где пропадаешь! — обрадовались мы.

— Посмотрите, какие тут люди, — оправдывался Герман Перебатов. — Сами на бумагу просят. Пишите очерк, а я рисунки сделаю.

Девушка покраснела еще больше. Мы поспешили уйти, договорившись с Германом встретиться у проходной.

Когда выходили из цеха, увидели технолога Иру Коднер. Она тоже была на заседании заводского штаба. Смеется.

— Бедная Маша! Она у нас скромница, а тут такое испытание. Хорошая она девушка и работает хорошо. Безотказно работает, поручи любое дело — выполнит, как надо.

Александр Поздеев.

Выходим. Перед нами ряды заводских корпусов. Куда идти? Заходим в самый ближний.

Все огромное в этом цехе. Огромно само здание, огромны станки, огромны детали турбин. Маленький только человек. И кажется чудом, что все кругом подчиняется ему, смиряется перед ним. Человек похож на волшебника. Шевельнул рукой — и десятитонная глыба чугуна спокойно поднялась в воздух и поплыла. Шевельнул другой — и послушно заработал станок-великан.

Но волшебства никакого нет. Есть разум и воля обыкновенных наших людей. У них большие заботы. Об этом говорят лозунги и плакаты:

«Деталям газовой турбины — зеленую улицу!»

«Комсомолец! Молодой рабочий! Что ты сделал сегодня для ускорения газовой турбины?»

Что сделал, например, вот этот коренастый, невысокого роста человек, стоящий у токарного станка? Это Саша Поздеев. Он выточил елочные пазы ротора очень быстро и без брака. Раньше он никогда этим сложным делом не занимался. У него не было всех необходимых инструментов, какими располагали, например, ленинградцы.

Что сделал для газовой турбины вот тот паренек, забравшийся так высоко над своим станком?

Это Юрий Перевозчиков. Он произвел конусную расточку цилиндра компрессора. Без приспособлений. Задание выполнил точно в срок. Об этом рассказывает нам Володя Сорокин — тот черноглазый, улыбающийся молодой человек. Мы смотрим вверх и вдруг видим, как что-то очень быстро пролетело над нами. Раз, другой. Ласточки! Ну, конечно же, это они!

— Неужели тут и гнезда вьют? Их не пугает шум станков, двигающихся кранов?

— Не пугает. Здесь их дом. Они с нами встречают рассвет. И летают весь день. Смотрите, как стремительно они летают! Садятся тогда, когда мы уходим домой.

«Ласточки, ласточки...» Ну, конечно же. О них говорилось в найденном письме. В том письме, которое мы носили с

Валя Лешева.

собой вот уже столько времени. Мы совсем забыли, зачем пришли на завод.

— Володя, Юрий Перевозчиков учится в техникуме?

— Учится.

— А бывает так, что он поет, когда работает?

— Вполне возможно. А что?

Мы замялись:

— Да так. Слыхали.

Мы постояли в нерешительности.

— Ну, нам пора, Володя. Спасибо вам. До свидания.

Мы пошли дальше. Шли и думали. Наверно, этот Юра Перевозчиков и есть товарищ Сережи и его подруги. Может, подождать, когда он спустится вниз, и расспросить его. А как спрашивать? У него, наверно, есть и еще друзья с таким же именем Сережа, а девушку мы ведь так и не знаем, как зовут. Про любовь их Юра мог и не знать. Да и тот ли это Юра? И вообще нужно ли разыскивать адресата?

И вдруг слышим:

— Директор, почему до сих пор заготовок нет?

Какой-то рабочий подходил к черно-волосой девушке в красной шерстяной кофточке. Мы даже вздрогнули от неожиданности. Кто директор? Эта девушка? Она что-то ответила ему и пошла дальше.

Мы окликнули ее:

— Простите, пожалуйста, можно вас на минуточку?

Отрекомендовавшись, спросили:

— Скажите, почему вас директором зовут?

И она нам рассказала целую историю.

Зовут ее Валя Лещева. Она технолог котельно-сварочного цеха. Когда наалась горячка с газовой турбиной, то оказалось, что работа останавливалась иногда из-за неорганизованности. Рабочему надо дело делать, а у него заготовок нет, он стоит и ждет, пока подвезут. Или человек обрабатывал деталь, а кому ее передавать, не знает. Деталь лежит.

— Вот я и решила помочь,— говорит Валя.— Нет заготовок — иду к начальнику цеха, вместе добываем их. Некому везти — становлюсь на электрокару или несу на руках. Я знала, кем какая деталь обрабатывается, когда она должна быть готова. А потом собирала все детали на определенные узлы и сдавала их на сборку... Ну, раз я была в курсе всех дел в цехе, ко мне часто обращались и рабочие, и мастера, и технологи. Вот и получила кличку Директор!

* * *

Мы возвращались с завода домой, так и не отыскав адресата. Но мы узнали друзей автора письма. Мы узнали, каким большим делом занят турбомоторный завод. Не может эта девушка уехать, не может она чувствовать себя несчастной! Мы уверены в этом. А письмо? Ну, теперь же ее друг прочитал письмо в нашем журнале!

...Турбомоторный завод провожал нас словами плаката:

**«Коммунизм — это молодость мира,
и его возводить молодым!»**

ВСТРЕЧА

Загадка «снежного человека» волнует умы не только ученых-антропологов. Ею увлечены и рядовые любители науки — краеведы. Они старательно собирают слышанные когда-либо рассказы о неизвестных человекоподобных существах, чтобы помочь ученым в дальнейших поисках и обобщениях.

Этот рассказ, записанный ферганским краеведом П. Т. Коноплей, передан в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке» при Академии наук СССР.

* * *

В конце 1958 года, в ожидании автобуса Наманган — Фергана, я познакомился с пожилым киргизом Усеном Тохтасыновым. В автобусе наши места оказались рядом, и за длинную дорогу я услышал от него интересный рассказ. Вот он.

...У моего деда было три сына. Старший из них — мой отец. Дед занимался скотоводством, и большую часть года мы проводили на джай-

НА ДЖАЙЛЯУ

ляу — горных пастбищах. Как-то незадолго до революции мы погнали скот далеко в горы, к истокам горной речки Сусамыр (восточнее Кетменьтубе, ныне Тохтогульский район). На берегу облюбовали удобную террасу и поставили юрты.

Люди редко появлялись в этой местности, и она пользовалась дурной славой: иногда по ночам здесь слышались какие-то дикие звуки. Но терять хорошие пастбища не хотелось.

Отец любил дыни, каждое лето на пастбище любовно выращивал их и на Сусамыре тоже разыскал хороший участок. Скоро в километре от наших юрт зеленела бахча. Там отец соорудил шалаш и в жаркие часы отдыхал в нем.

Однажды утром, придя на бахчу, он обнаружил, что на участке кто-то побывал — исчезло несколько дынь. Где-то недалеко поселились скотоводы... Лакомятся чужими дынями! Отец решил выследить и проучить их...

Вечером он ушел, а мы легли спать. Вдруг послышались отвратительные крики, а вскоре прибежал отец. Лицо его побледнело, руки дрожали, он часто дышал и с дрожью в голосе повторял: «Яввои адам! Яввои адам!» (По-узбекски — дикие люди).

Мы все перепугались, жались друг к другу, ожидая появления неведомых людей.

Так прошла эта ночь. Утром, немного успокоившись, отец рассказал, как на бахчу пришли голые, заросшие шерстью люди и начали хозяйничать. Объяснялись они между собой рычанием и дикими выкриками. Отец думал, что до ухода ночных посетителей отлежится незамеченным, но вдруг один из них направился в шалаш. Отец от страха вскрикнул, а пришелец сделал скачок в сторону и исчез. Вслед за этим раздался дикий возглас, и послышался топот быстро удаляющихся нескольких пар ног.

Вечером дед вооружил своих сыновей ружьями и отправился с ними на бахчу. Первые две ночи прошли спокойно, и дед уже стал подсмеиваться над отцом, говоря, что это ему все приснилось.

На третий день, после ужина, они снова

ушли на бахчу. Ночью мы услышали три ружейных выстрела, а вскоре прибежали и наши караульщики.

По тому, как они влетели в юрту, мы поняли, что встреча произошла. В эту ночь мы не сомкнули глаз, не выпуская из рук ружей. Когда рассвело и тревога улеглась, отец и его братья, перебивая друг друга, рассказали о ночном приключении.

Только они на бахче начали укладываться спать, — за шатром послышались крики. Выскочив из шалаша, караульщики увидели две полусогнутые покрытые густой шерстью фигуры. Услышав шум, они убежали. Но братья успели заметить, что у одной из них (ростом пониже) фигура похожа на женскую. Они выстрелили — «женщина» издала резкий высокий звук и упала. Затем, поднявшись и припадая на левую ногу, побежала за своим партнером.

Утром, придя на бахчу, мы увидели темные пятна крови и отпечатки босых ног, похожие на людские, только с более плоской ступней и значительно оттопыренным большим пальцем.

Суеверно опасаясь вторичной встречи с «гостями», дед приказал разбирать юрты, и мы перекочевали в другое место.

Рисунки Ю. Полуктова.

1. Кишертский провал

28 августа 1949 года школьница села Усть-Кишерть Берсенева заметила, что на ровной прежде поверхности огорода образовался «прогиб». Он имел форму блюдца, 10—15 метров в поперечнике. Удивленная школьница подозвала соседа:

— Что такое? Почему земля прогнулась?

Но в это время в глубине раздался какой-то гул, и оба они поспешили оставить опасное место.

До вечера прогиб постепенно увеличивался — вширь и в глубину. Свидетели утверждают, что дно его опустилось на пять метров ниже краев. Вокруг появлялись и росли концентрические трещины.

В девять часов вечера края чаши стали с шумом обрушиваться, и впадина быстро увеличилась. Одновременно опускалось и дно; то в одном, то в другом месте выступала вода, исчезая затем под

обвалившейся землей. К двум часам ночи вода закрыла дно провальной впадины на площади около 20 квадратных метров. После временного затишья с двух часов ночи борта ее вновь стали обрушиваться. Сотрясения почвы уже не наблюдалось, но шум был слышен на расстоянии до ста метров.

Встревоженное село не спало. На месте провала еще с восьми часов вечера установили охрану, а жителей ближайших домов выселили. Вдоль главной улицы села выстроились автомашины для эвакуации людей и имущества в случае новых провалов.

На рассвете рядом с первой провальной впадиной можно было видеть вторую, поменьше. Дно ее заполнилось откуда-то взявшейся водой.

Днем в образовавшееся за ночь провальное озеро спустили лодку, и районный землеустроитель Л. П. Леонтьев измерил его глубину. В большинстве мест она была равна 6,5 метра. По инструментальному замеру общая глубина провальной впадины равнялась 15,45 метра.

Совсем как в сказке. Вечером — ровное место, наутро — озеро, и в нем лодка плавает!.. Только случилось это сказочное происшествие не в «некотором царстве, некотором государстве», а в старинном уральском селе Усть-Кишерть. Новоявленным озером может полюбоваться каждый, кто сойдет на станции Кишерть Свердловской железной дороги.

Что же было причиной такого сказочного чуда?

2. Загадка плато Карст

На берегу теплого Адриатического моря, в Югославии, на многие километры простирается ровная возвышенность. На картах она обозначена так: плато Карст.

Знакомое название! Слово «карст», уже как имя не собственное, а нарицательное, нередко приходится слышать у нас, на Урале, и в других местах. И неспроста! Совершим туристский поход на плато Карст. Предупреждаем: идти здесь не так-то легко. Чтобы продвинуться вперед на полкилометра, требуется «наплетлять» впятеро больше. То и дело путь преграждают большие и малые впадины, зияющие трещины.

А если сильный южный ливень обрушится на землю, то вся масса воды бесследно куда-то исчезает. Не видно даже кратковременных потоков, ручейков.

К тому же теплый приморский край, оказывается, малообитаем. Немногочисленные селения располагаются здесь в больших впадинах, так называемых «полях». Там выходят на поверхность источники и подземные речки, которые часто снова исчезают на противоположной стороне полей. В других местах селений нет — жители боятся чего-то. Чего же?..

А дело в том, что в недрах плато Карст есть много пещер. Их своды нередко не выдерживают собственной тяжести, и тогда происходят провалы. Плато сложено известняками — породой, способной растворяться в воде. Атмосферные воды, проникая по трещинам в толщу известняков, постепенно их растворяли и размывали. Таким путем в течение длительного времени на поверхности плато появились бесчисленные бороздки — карры, — различной формы и глубины впадины, а в

недрах земли — пропасти и пещеры с подземными речками и водопадами.

В этом и состояла тайна исчезающих рек, провалов и многих подобных им явлений на плато Карст и в других местностях земного шара. Причем, оказалось, что они свойственны не только известняковым породам, но и гипсам, ангидридам, солям.

На плато Карст такие явления выражены особенно ярко. Оттого в науке и стали звать их — карстовыми. А сам процесс разрушения растворимых в воде пород с образованием полостей в глубинах земли и впадин на ее поверхности принято называть карстовым процессом. Или коротко — карстом.

3. Куда девалось озеро?

С незапамятных времен существовало озеро на окраине деревни Вальнево, близ города Кунгура. О почтенном возрасте водоема свидетельствовало множество бесспорных примет. По берегам образовались густые заросли ив. Буйно разросся камыш. Над водой в жаркие летние дни резвились стрекозы, а в зеленоватой воде неторопливо плавали караси.

Но однажды утром случилось нечто совершенно неожиданное. Как обычно, гремя ведрами, направились колхозницы за водой. И вдруг остановились в изумлении. Озера как не бывало!

Оно исчезло вместе с рыбой и прочим водяным населением. Лишь на дне остался жидкий ил да чернело отверстие, из которого выходил поток холодного воздуха.

Внезапное исчезновение озер в Кунгурском и соседних районах наблюдается, впрочем, довольно часто. А некоторые озера, как например озеро Поваренное, — на южной окраине Кунгура, и озеро Омелино — поблизости от пригородного села Неволينو, — не раз исчезали и появлялись вновь.

Куда исчезли озера? На этот вопрос теперь нам ответить нетрудно. Они «ушли» в карстовую полость, созданную подземными водами в горной породе. Так вода лишила людей воды.

А вот еще следы карста. У подножия берегового склона на реке Уфе, близ села Красный Ключ, лежит обыкновенное с виду небольшое озеро. Но есть у него

особенности: непроглядная глубина, достигающая сорока метров, и голубовато-зеленый отлив поверхности. Две впадины на дне необычного озера местные жители назвали «котлами». И не зря! Сильные восходящие струи заставляют воду волноваться, «кипеть», как в котле.

Ученые заинтересовались этим удивительным озером. Вычислили количество воды, стекающее в реку Уфу. Результаты превзошли все ожидания. Источник, питающий озеро, дает в среднем более семи кубических метров воды в секунду! Значит, он один вполне мог питать водопровод крупного города. Сейчас эта подземная река используется частично для нужд бумажной фабрики и поселка при ней.

Разные сюрпризы приносят карстовые источники.

В северной части Пермской области течет полноводная Колва. Зимой ее прочно укрывает толстый ледяной панцирь: хоть рельсы прокладывай и поезда пускай — выдержит!

Но вот среди зимы в морозном январе мы оказались у Колвы ниже Дивьего Камня. И... словно в другой мир попали!

Куда исчез ледяной щит? На протяжении добрых пяти километров Колва свободна от оков. Совсем рядом, на береговых кручах, сосны-исполины сгибаются под тяжестью снега. Седым от инея стал огромный камень Ветлан. А на речных волнах, подернутых туманом, неторопливо плавают лодки: местные рыбаки, не знающие сезонного перерыва, ставят свои сети...

Причиной этому опять-таки карстовые источники. Их воды на Урале имеют температуру до 5—6 градусов по Цельсию. Не удивительно, что при таком «водяном отоплении» даже крупные реки не замерзают в течение всей зимы...

4. В безводном краю

Они шли уже более двух часов. Немилосердно жгло солнце. Даже ветер не спасал от зноя, тягучего, томительного.

Хотелось воды, свежей, прохладной. Но вблизи — ни озерца, ни ручейка...

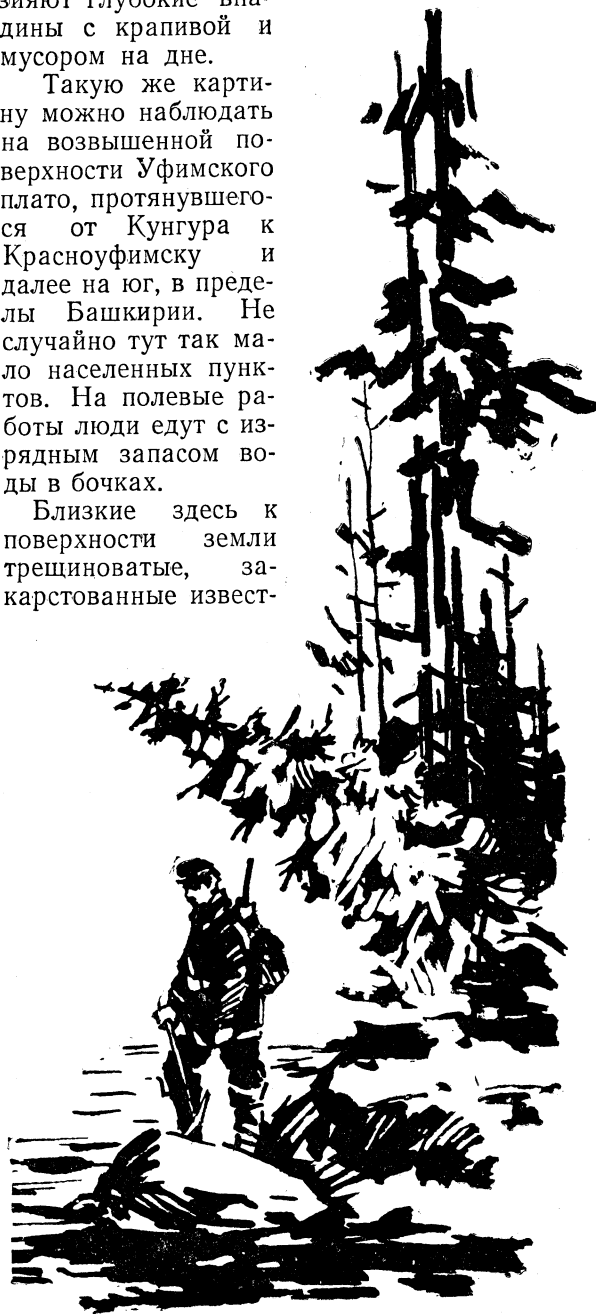
Где это происходило? «В пустыне чахлой и скупой»?

Нет! Такое бывает и на Среднем Урале.

Собираясь в поход по Уралу, немногие заботятся о фляжке, надеясь в каждой низине встретить источник или ручеек. Однако на Среднем Урале, точнее в Предуралье, есть обширные территории, где воду так же трудно найти, как и в пустыне. Даже в глубоких долинах каменистое русло поросает пожухлой травой и покрывается пылью. Местами же нет и признаков русла — зияют глубокие впадины с крапивой и мусором на дне.

Такую же картину можно наблюдать на возвышенной поверхности Уфимского плато, протянувшегося от Кунгура к Красноуфимску и далее на юг, в пределы Башкирии. Не случайно тут так мало населенных пунктов. На полевые работы люди едут с изрядным запасом воды в бочках.

Бликие здесь к поверхности земли трещиноватые, закарстованные извест-

няки, как губка, жадно поглощают дождевые и талые воды и отводят их на большую глубину, крадут у людей, у природы.

Как вернуть эти «украденные» воды? Разведочные работы показали, что на глубине 50—100 метров, в трещинах и полостях среди известняков встречаются обильные карстовые воды, вполне пригодные для питья. В недалеком будущем на пустынных пространствах Уфимского плато появятся сотни буровых скважин. Мощные насосы вернут похищенную воду.

5. Отвоєванные миллионы

Высокий человек с геологическим молотком в руке и ружьем за плечами медленно шел по берегу таежной реки. Часами осматривал он камни возле действующих и высохших источников. Делал пометки на карте.

С некоторого времени источники буквально не давали покоя научному сотруднику Уральского филиала Академии наук Дмитрию Васильевичу Рыжикову. Многолетний опыт исследователя подсказывал ученому, что появление каждого источника имеет свои причины. Часто, например, он возникает на стыке массивов легкопроницаемых и водоупорных пород. А геолог именно и искал пласты водоупорных пород.

И вот почему.

В этих когда-то глухих местах на восточном склоне Северного Урала советскими геологами были найдены богатые месторождения бокситов — сырья для получения алюминия. Однако разработка руды велась с большими трудностями. Помехой стал все тот же поистине вседуший карст. Тут он был врагом, и притом сильным и опасным.

Бокситы залегают среди закарстованных известняков. При углублении шахт горняки столкнулись с мощным, все возрастающим притоком воды. Оказалось, что наибольшая ее часть проникла сюда из поверхностных рек — по бесчисленным трещинам в известняках.

Как быть? Что сделать, чтобы исчезла постоянная угроза затопления шахт?

Приняли решение: в полосе известня-

ков шириной в 10—12 километров создать бетонные русла — каналы для всех рек. Для этого требовались колоссальные затраты, превышающие миллиард рублей. Проект был составлен. Работы начались.

Однако, геологи во главе с Д. В. Рыжиковым не оставили надежду отыскать в толще известняков пласты таких пород, которые сыграли бы роль перегородок (барражей) и заменили бы часть бетонных русел.

Путь такому открытию подсказали источники. Когда около них заложили буровые скважины, обнаружили в глубине пласты сланцев. Уж они-то воду не пропустят!

Проследили их расположение на междуречных участках и помогли строителям уточнить место сооружения только самых необходимых бетонных русел.

Для семилетки отвоєваны огромные средства.

По новому проекту бетонирование отдельных участков речных русел требует вчетверо меньше затрат рабочей силы и строительных материалов, чем намечалось раньше. А общая стоимость работ снизится до 250 миллионов рублей. Три четверти миллиарда рублей экономии!

...Можно было бы привести много других примеров успешной борьбы с пагубными последствиями карстовых явлений. Наши гидростроители научились возводить надежные плотины на закарстованных породах. Геофизики, вооруженные чувствительными приборами, обнаруживают крупные полости и разрушенные пласты в карстующихся породах. Они указывают, где можно и где нельзя строить здания, дороги и другие важные объекты.

Раньше, встречаясь с неведомыми, загадочными и поэтому вдвойне страшными проявлениями карста, люди старались уйти от них. Как говорили — «от греха подальше!»

А ныне, вооруженные знаниями и могучей техникой, свободные от предрассудков и суеверий строители коммунизма смело вступают в борьбу со стихийными силами природы и побеждают!

**В. ЛУКИН,
Н. ХАУНЕН**

ПЕРВЫЙ ШОВ

М. ДЕДИКОВ

Рисунки Н. Мооса

Рассказ

На междугородной автобусной станции было многолюдно. Гешка с трудом протиснулся к кассе. Ломающимся баском крикнул в маленькое оконце:

— Один до Новостройки!

Кто-то шумно вздохнул:

— Как только родители таких мальцов одних в дорогу отпускают?

Гешка поправил сбившуюся набок форменную фуражку, недовольно покосился на очередь и присел в углу на чемодан. Повертел в руках билет. Не верилось, что он, вчерашний ремесленник, без группы, без мастера, один едет работать на большую стройку.

Гешке Спирину только шестнадцать лет. Всего несколько дней назад он стоял перед государственной квалификационной комиссией, волнуясь, получал аттестат. И вот здравствуй, новая жизнь! И пусть в очереди вздыхают, сколько им захочется, думая, что если Гешка не выдался ростом и не широк в плечах, так он и на большие дела не способен. Ничего, Гешка еще покажет себя. Приедет на стройку и будет обязательно работать в бригаде сварщиков-верхолазов.

От нахлынувших чувств захотелось вскочить, швырнуть к потолку фуражку и, подбоченясь, пройтись козликом. Но он тут же спохватился: несолидно как-то... Рабочий все же, электросварщик.

Посадка шла шумно. Гешка одним из первых пробрался в автобус и занял место у окна. И хотя на улице был хмурый мартовский день, ему еще раз захотелось посмотреть на улицы города, ставшего для него теперь самым дорогим.

Как-то встретят его на новом месте?

А встретили необычно. Едва Гешка, шлепая по лужам, добрался до общежития, как вывернувшийся из-за угла грузовик обдал его грязью с ног до головы. Автомашина остановилась у крыльца, и двое рабочих в мокрых брезентовых куртках принялись набрасывать в кузов тюфяки.

— А ну, парень, помоги! — крикнул Гешке один из рабочих.

Подоткнув за ремень полы шинели, Гешка в один миг забрался в кузов и стал укладывать тюфяки.

Закончили погрузку быстро, и грузовик, рванувшись с места, помчался к лесу. Гешка прижался к тюфякам, крепко сцепившись в борт кузова. Он не сразу сообразил, что происходит. Один из рабочих, придвинувшись к нему, крикнул:

— Беда у нас, парень, плотину размыло! А ты, видать, новенький?

— Ага, — кивнул Гешка в ответ.

Река разбушевалась неожиданно. Подточив земляную дамбу, вода, бурля и пенясь, устремилась в промоину. Вначале мутный поток грозил затопить котлован будущей ТЭЦ. Его отстояли. Теперь вода устремилась к траншеям газопровода.

Выбиваясь из сил, люди старались перекрыть воду, не дать размыть всю дамбу. Пробовали подойти самосвалы с камнем — края дамбы у промоины не выдерживали, оплывали. Тогда в воду полетели мешки с землей, куски железа, перепутанные колючей проволокой, привезенные из общежития тюфяки. Река сдвинулась нехотя.

Некоторое время Гешка стоял, словно зачарованный, любуясь бурлящим потоком. Его толкали, ему наступали на ноги. Он не обращал внимания. Но вот кто-то сильный взял его за плечо. Охрипшим голосом сказал:

— Сбегай-ка, браток, до траншей, посмотри, как там дела.

Где проходят траншеи газопровода, Гешка не знал. Он хотел спросить, но рабочий и так понял его.

— Вон там, у деревянных навесов, — указал он в сторону.

Гешка бросился напрямик через грязь. Добежав до траншеи, он увидел в ней много воды. Решил заглянуть в насосную. Станция была еще не достроена: без окон, без дверей. Гешка вбежал в помещение. На дне широкого и глубокого

колодца по колено в воде работали двое. Тросами и монтажными ломиками они старались свести концы широких труб газопровода.

Трубы поддавались с трудом. Обвалившаяся земля придавила их. Требовалось много усилий, чтобы свести стыки. Рабочие спешили. Из траншеи в колодец с шумом стекали мутные потоки воды.

Только сейчас Гешка понял всю серьезность положения. Если трубы не будут сварены, вода зальет газопровод, и тогда... Раздумывать было некогда. Гешка прыгнул в колодец. Ледяная вода обожгла ноги, но он даже не почувствовал холода, всем телом навалился на край трубы.

Наконец стыки были сведены. Один из рабочих подтянул провод от электросварочного аппарата и, закрывшись щитком, стал быстрыми и точными движениями вести прихватку. Он нагнулся, чтобы прихватить трубы снизу. Провод зацепился за конец ломика, зажато между тросами. Электросварщик дернул провод на себя, пытаясь освободить. Неожиданно ломик со звоном выскользнул и с силой ударил электросварщика в живот. Он глухо охнул и медленно осел.

— Петрович! — бросился к нему другой рабочий. — Как же это ты, Петрович? Доктора надо, а?..

Петровичу помогли выбраться из колодца. Он сел прямо на грязный пол. Тыльной частью ладони стер со лба крупные капли пота.

— С доктором погоди, Алеша, — сквозь стиснутые зубы прошептал он. — Полегчало малость. А вот прораба найди, пусть сварщика пошлет.. Да побыстрей...

— Я заварю! — неожиданно звонко выпалил Гешка.

Петрович вскинул на него глаза. Смерил его щуплую фигуру с головы до ног.

— А сумеешь? — спросил он.

— Сумею, — твердо сказал Гешка. — Я из ремесленного, к вам на работу приехал.

— Давай, хлопчик, — одобрительно кивнул Петрович. — Подсоблю, коли что

Вода в колодце доставала Гешке почти до груди. Она огнем жгла тело, но он не обращал внимания. Ровно горела электрическая дуга, яркие блики металась по насосной.

Сверху и по бокам свариваемых труб шов лег хорошо, плотно. Такую сварку Гешка в училище выполнял быстрее и лучше всех. Но когда дело дошло до нижней части трубы, он растерялся. Пришлось опуститься в воду чуть ли не по горло. Раскаленные искры веером сыпались на голову. Шипя, в воду и на одежду падали крупные капли неприсывшегося металла. Запахло гарью.

— Покороче дугу, хлопчик, держи, покороче, — наставлял Петрович.

Гешка закорачивал дугу — электрод «примерзал» к металлу. Шов упорно не получался. Начингли дрожать руки, от усталости ныла поясница.

— Ты спокойней, хлопчик, спокойней, — советовал Петрович.

И от этих душевных слов и от сознания того, что рядом находится человек, который верит в твои силы, надеется на тебя, электрод у Гешки стал гореть ровнее, спокойнее...

Наконец трубы были сварены. И только тогда Гешка и Алексей заметили, что вода в колодец не прибывает.

— Петрович, наши промоину перекрыли! — радостно закричал Алексей.

Но Петрович не ответил. Он сидел у стены, упершись руками в пол, голова свисала на грудь...

Встретился с ним Гешка только через несколько дней. Петрович приехал из областной больницы окрепшим. Пришел на стройку, разрыскал Гешку, первым подал руку. А потом вдруг по-отцовски обнял Гешкины щуплые плечи, привлек к себе и сказал:

— Ну, вот, ты и наш... рабочий человек.

И. ТРОПП

Рисунки В. Васильева

1. Ни живого, ни мертвого

Всю ночь проливной дождь нещадно поливал дощатую крышу избы. К утру выглянуло солнце яркое, но не греющее. Порывистый ветер лихо гнал по засиневшему небу изодранные в клочья облака. Листья осин и берез, которые еще вчера не смог бы оторвать ураган, теперь легко порхали в воздухе, точно желтые и красные бабочки. Бахтияров постоял у порога, проводил долгим взглядом птиц, тянувших к югу.

— Ну, однако, пора в обход...

Старик поправил старенькую одностволку, висевшую на сыромятном ремне за плечом, и двинулся по нахоженной тропке к речке. Обычная медлительная, она сегодня взъерошилась, как будто хотела выступить из низких берегов.

Повернув по течению, сторож скоро вышел к цели. Перед ним открылось зеркало небольшого пруда, в конце которого виднелись плотина и бобровые хатки. Водяной народец усердно трудился, изменив обычный распорядок. Ночи дожидаться было нельзя. Вода прибывала и угрожала повредить плотинку.

Бобры приплавливали чурки, прутья, размещали их вдоль гребня плотинки, другие ныряли, подымая со дна ил, и заполняли отверстия.

Бахтияров, не шевелясь, внимательно рассматривал зверей.

Бобров привезли на Пелым год назад. Бахтияров — старый манси, как свои пять пальцев знал Пелым и его притоки. Он помогал отыскивать места для расселения бобров, вместе с научными работниками принимал привезенных на вертолете обитателей Воронежских лесов, выпускал их на волю.

А потом остался сторожем при бобрах. Ему полюбился мирный и смысленный зверь. Да и годы ушли, не позволяли, как прежде, без усталости промышлять по бескрайним просторам пельмской тайги.

Бахтияров прикидывал, где будет удобней всего спускать под лед подкормку: осиновые ветки, ивовые прутья. Соображая о кормах, сторож машинально подсчитывал зверей. Собственно, считать их нечего было — он знал их наперечет: шесть маток, шесть самцов, десять бобряток.

Что это? Бахтияров, беззвучно шевеля губами, начал снова считать.

Одного самца не хватало. Матерого, хозяина семьи, самого крупного, сильного, заметного. Работая вместе со всеми, он нет-нет да и вылезет на плотину или на хатку, станет столбом и вертит головой, осматривая — не грозит ли его семье опасность.

«Может, под воду ушел?.. За чуркой поплыл? — Бахтияров подождал. — Нет, не видать. Может быть, заболел?»

«Не может этого быть, — думал старик. — Перезимовали хорошо... Бобряток народили. Веселый зверь, здоровый... Может быть, теперь какой-нибудь мор на бобра напал? Но ведь все здоровы. Может, он один захворал?»

Бахтияров знал: большого бобры не оставят в хатке, выгонят, а большой далеко не уйдет. «Может, погубили Матерого хищники? Не должно быть... Их давно не видать во всей округе».

Сторож обошел запруды, внимательно осматривая берега.

Ни живого, ни мертвого Матерого нигде не было.

«Не уберег зверя!» — горько упрекал себя Бахтияров, подвигаясь к своей избушке,

Таня издали увидела деда и побежала навстречу. Но чем ближе подходила к старику, тем больше замедляла шаги и, наконец, остановилась. С дедом было неладно. Он как будто не замечал ее...

Таня подошла к старику и тихонько коснулась его руки:

— Что с тобой, бабушка?

Старик молча погладил Таню по голове.

— Пойдем в избу, писать надо инспектору...

— Что писать будем?

— Плохое!.. Очень плохое письмо...

Таня заспешила. Оставив деда, побежала в избу, расстегнула кирзовый портфельчик, вынула тетрадку, конверт, перо, непроливашку... Когда старик, повесив ружье и переодевшись, подошел к столу, Таня была готова.

— О чем, бабушка, писать будем?

Старик помолчал, собираясь с мыслями, а потом начал рассказ. Он говорил о том, что видел, по-мансийски. Девочка писала по-русски, иногда переспрашивая, морщила лобик, подбирая нужное слово.

Так бывало всегда в летние дни, когда Таня приходила проводить деда, бесстрашно преодолевая пять-шесть километров, отделявшие ее деревню от избушки сторожа. Она принесла старику гостинцы, писала с его слов донесение инспектору, а потом дед брался за сангультап. Глухо гудели струны, в такт им дребезжал тенорок старика, а Танины ноги и руки, казалось, сами собой начинали двигаться в танце...

Сегодня все было не так. Бабушка не приоткрыла к вкусной еде, принесенной внучкой. Он рассказывал печальные новости, которые так трудно написать русскими словами.

Старик попросил еще раз прочитать ему письмо.

— Все правильно написала...— Бахтияров одобрительно закивал головой.— А теперь соберайся в деревню. Письмо поскорей отправить надо.

Таня посмотрела на сангультап, висевший на стене, вдохнула и стала укладывать свой портфельчик. Последним в него она положила серый конверт, на котором детской рукой был выведен адрес: «г. Свердловск, ул. 8-го марта, Главному охотничьему инспектору».

2. Следы хищника

Порог скорняжной мастерской Райпромкомбината в Свердловске переступила дородная женщина.

— Я бы хотела заказать вам воротник для мужской шубы.

— Пожалуйста, покажите товар.

Когда на прилавок легла черная с сединой шкурка, мастер Игнатий Петрович оживился:

— Редкий зверь, редкий зверь!..

Он с видимым удовольствием взял шкурку, потрепал ее, поднес к свету, подул на мех. Но чем пристальнее рассматривал шкурку, тем мрачнее становился.

Заказчица посмотрела на часы:

— Когда сможете выполнить заказ?

Мастер, не отвечая на вопрос, продолжал исследовать мех, а потом неожиданно спросил:

— Где изволили приобрести товар, мадам?

Дама густо покраснела:

— А вы...— пролепетала она,— а вам это, собственно, зачем?

— А затем, что я бы тому человеку, который убил зверя, и тому, который ее принял на заготовку, не сказал спасибо за такую шкурку. Не вовремя убили его, мадам.

— Как не вовремя?

— Зверя прикончили в конце лета. Да разве в августе у бобра шкура добрая? Дрянная шкура, одним словом. Где изволили взять?

— Мне... мне,— растерянно произнесла женщина,— мне ее брат привез.

— Откуда, простите?

— Он... в Оренбургской области, на целине работает.

— И оттуда, значит, привез ее?

Дама, приободрившись, подтвердила:

— Да.

Проводив заказчицу, мастер задумался: по всему видать, шкурка свежая, не фабричная— клейма-то ведь нет... Не иначе, как браконьерское дело. Может быть, дохлый? Надо все это дело проверить.

Обернув шкурку холстиной, Игнатий Петрович отправился в охотничью инспекцию.

Посмотрев шкурку, главный охотничий инспектор уверенно сказал:

— Наша! По окрасу, по возрасту видать— бобер из тех, кого привезли из-под Воронежа и высадили у нас. Этот с Пельма...

— Вы заявляете это с такой уверенностью, будто при вас убивали бобра,— усомнился скорняк.

— Лично не присутствовал. Но есть сигнал. Познакомьтесь.— Главный охотинспектор раскрыл папку, вынул из нее исписанный лист бумаги и положил перед Игнатием Петровичем.— Читайте! Мы думали, что сдох бобер, а дело-то вот как обернулось.

Письмо, написанное детской рукой, было от сторожа Владимира Ивановича Бахтиярова, поставленного для охраны пельмской группы бобров. В письме сообщалось, что исчез бобер-самец.

— Спасибо за сообщение, Игнатий Петрович,—крепко пожал скорняку руку инспектор.—Теперь хищника будем выслеживать с двух концов.

3. Подозрение

Давно уж кончилось короткое лето Северного Урала. Пришла на Пельм осень. Скучно Бахтиярову без внучки. Не ходит теперь часто Таня к деду: идут занятия в школе. Только иногда выберется в воскресенье, и то, если свободна маленькая лодка. В большой лодке Тане не по силам. Можно, конечно,

идти лесом, но слишком длинная дорога.

Бахтияров скучал. Хотелось повидать внучку, узнать новости, побыть с людьми. Да и запас приходил к концу: мука, сахар, чай были на исходе... Надо было ехать. Да как оставить бобров? Ему казалось, что, едва он уйдет,— непременно стряется несчастье... Старик колебался, но все же решил ехать:

«Ненадолго... Туда-обратно... Полдня проезжу, авось, обойдется...»

Быстрая вода вытолкнула осинку в Пельм, еще два часа Бахтияров выгребался против стремительного течения, огибая большую петлю реки, и вот она — деревня...

Здесь ждали его и радость и горе. Радость — Таня, сын, сноха. Горе таилось в сером конверте. Письмо пришло из Свердловска. Оно положило конец тайной надежде, теплившейся в сердце старого манси: а может быть, ушел Матерый куда-нибудь вверх по реке, завел себе новую семью, построил плотину и хатку и, как всегда, хлопочет и сторожит свой выводок...

В письме к Бахтиярову сообщали, что бобер убит браконьером, что шкурка зверя обнаружена, а хищник до сих пор не разыскан. Может быть, он опять появится на Пельме, и надо смотреть в оба, чтобы не допустить новой потери, а если удастся, изловить преступника.

Бахтияров заторопился домой: а вдруг уже плывет, подкрадывается враг к хаткам... Старик не успел даже побывать у своего приятеля, охотника Фомы Тарманова. Только когда сел в осинку, перекинулся с ним словом. Расказал накоротке о письме, попросил постеречь бобров...

— Ты ведь охотничий инспектор, хищника ловить — и твое дело!..

Фома не отказывался. Вот только закончит отчет, сейчас же с братом придет к Бахтиярову,

поможет, чем надо. А пока Фома зорко будет следить за всеми, особенно за приезжими.

Бахтияров отправился домой. Вздувшийся замутневший Пельм за полчаса дотащил на своей бугристой спине легкую осинку до устья Бобровой речки. А там уж рукой подать до избы.

Не спит Бахтияров и ночь, и две, и три... Лишь под утро забудется на часок. Не дает ему покоя дума: кто же убил бобра? Десятки раз он перебирал в памяти всех окрестных жителей. Нет, не могли они, природные охотники и рыбаки, нарушить мудрый закон, охранявший зверя, не могли они пойти против интересов своей Советской власти.

А чужие? Их почти не было в этом глухом краю. Заезжали изредка заготовители пушнины, лектор приезжал, кино-механик... Все эти люди на глазах в маленьком поселке, каждый шаг их был известен.

А кто это брат Фомы? Бахтияров что-то немного знал о нем: служит в Свердловске на железной дороге, в прошлом году осенью приезжал поохотиться... Уж не он ли загубил бобра? И время сходится... Брат у Фомы гостил в сентябре... Ах, как неприятно!.. Такой хороший Фома, ай-ай, какой плохой у него брат!..

Незаметно Бахтияров убедил себя, что хищник не кто иной, как брат Фомы, и с тем большим нетерпением стал поджидать братьев.

4. Тревога!

Тармановы пришли рано утром. Старика не было — досматривал своих бобров. Братья присели на корточки. У стены избушки курили, перебрасывались словами, ждали хозяина.

А вот и он. Старик подошел, приставил ружье к стене и опустился на землю рядом с гостями: — Однако, долго не шли, я и ждать устал, — пошутил Бахтияров, раскуривая свою трубку.

— Вот познакомься, Владимир Иванович. Это мой брат Макар, тоже охотник, только не промысловик, а любитель. Приехал отдохнуть к нам...

Такой же большой и сильный, как Фома, Макар пожал руку Бахтиярова.

— Будем знакомы! Очень у вас тут хорошо, привольно, зверя и птицы много, непуганной... Ни на какой юг не променяю...

Бахтияров слушал восторженную речь Макара, и его предубеждение против этого человека поколебалось. Не мог человек так горячо говорить о красоте природы и осквернять ее, хищни-

чать! А когда Макар стал рассказывать о себе и упоминать, что он не только машинист, да еще и дружинник, охраняет порядок, борется против воров и хулиганов, Бахтияров понял, что был неправ. Бобра убил кто-то другой.

Но кто же все-таки? Где он — хищник, не дающий покоя старику?

Об этом речь зашла попозднее. Фома объяснил, почему именно сейчас пришли братья к Бахтиярову:

— Моторка привела третьего дня баржу с товаром для лавки. Заведующий сельпо рассказывал, что в пути они встретили какого-то неизвестного человека, плыл в осинке на север, в нашу сторону. Предложили ему перейти на баржу — отказался. Никто этого человека по приметам в деревне не знает... Ну, мы решили, что пора идти тебе помогать...

Прошло два дня. Все было спокойно. Наступило воскресенье. С вечера досматривать бобров отправился Фома. Макар спал. Бахтияров присел у порога с какой-то поделкой в руках и задумался, глядя на тропку, убегающую в лес. Он ожидал внука. Сегодня воскресенье, Таня должна прийти. Да и нужно ее: надо сообщить в Свердловск, что в окрестностях появился чужой человек.

Девочка опаздывала. Обеспокоенный старик уже собирался идти навстречу Тане, как вдруг мирно дремавший у ног Бахтиярова Макар в Атом вскочил на ноги и наострил уши. Лайка оглянулась на Бахтиярова. Старик кивнул ей, и собака быстро побежала по тропе к лесу и скрылась в подлеске. Через минуту собака вернулась. За ней бежала Таня. Ее платье было порвано и запачкано илом, на лбу под спутанными волосами выступили крупные капли пота.

— Что с тобой? — встревожился дед.

— В лесу встретила человека. Чужого. Недоброго. — И девочка рассказала, как было дело.

5. Урас, приносящий беду

Таня встретила чужого на полпути к избе деду. Человек пересекал гарь, заросшую шиповником и жимолостью.

Незнакомец увидел девочку на какую-то долю секунды позже, чем она увидела его. Инстинктивным движением он пригнулся к земле, чтобы спрятаться в кустарнике. Но тут же понял: замечен. Самое лучшее — сделать вид, что его нисколько не удивляет появление девочки. Смуглое лицо незнакомца расплылось в улыбке.

Первое движение чужого не ускользнуло от Тани. Это насторожило ее, как насторожило бы все неестественное.

— Здравствуй, девочка!

Прохожий приблизился, не переставая улыбаться.

— Здравствуйте! — Таня ждала, что ее о чем-нибудь спросят, но прохожий не задержался для разговора.

Пройдя с десяток шагов, Таня обернулась. Прохожий стоял и смотрел на нее тяжелым взглядом.

— Что же ты стоишь, девочка? — Он по-прежнему улыбался, но голос его звучал как угроза.

Таня испугалась. Ее маленькое сердечко сжалось от страха перед этим чужим человеком.

Она разом вспомнила рассказы бабушки о существах, непонятных и страшных, обитающих в лесах. Это, наверное, Урас, приносящий беду, повстречался ей здесь.

«Ему нужно, чтобы я ушла, — догадалась девочка. — Вот я возьму и спрячусь, стану для него невидимкой, как Эква-Пырищ делаться невидимкой умел.»

У Эква-Пырища, из тех же бабьих сказок, была волшебная шапка. Как шапку на лоб надвинет, так мгновенно с глаз скроется. У Тани волшебной шапки не было, но кругом столько кустов и деревьев!

На повороте тропки девочка шмыгнула в гущу леса. Оттуда она увидела, что незнакомец, немного постояв, пошел своим путем.

Чужой ушел, а с ним ушел и страх.

Снова вокруг было привычно и спокойно. Таня побежала дальше, но не по тропке, а в стороне от нее, по болоту, пробираясь через кустарник, чтобы Урас не увидел ее еще раз. Девочка торопилась. Надо скорее предупредить дедушку, что в окрестностях появился чужой, недобрый человек. Дедушка сильный. У него есть друзья. Они справятся даже с менком — лесным чудовищем из сказок!..

6. Атом пошел по следу

— Фома с запруды не уйдет, пока его не сменят. Мы с тобой пойдем в охват, я — по правому берегу, ты — по левому... А сначала поглядим то место, где Таня Ураса встретила, — сказал Бахтияров. — Может, Атом след возьмет...

— Возьмет, Владимир Иванович, — подтвердил Макар, — я его в городе приучал, не только след, но и жуликов, случалось, брал...

Все трое углубились в лес. Впереди бежал Атом, за ним семенила Таня.

А вот и место, где пересеклись пути незнакомца и девочки. Макар подозвал Атома, собака стояла у его левой ноги.

— Покажи, Таня, где стоял в последний раз чужой, куда пошел?

Девочка показала. Макар подвел Атома к отпечатку резинового сапога. Собака взяла след и быстро пошла вперед. Все двинулись за ней.

Через десять минут быстрого хода собака остановилась, покружилась на месте и кинулась в сторону... Макар отозвал ее и внимательно стал осматривать место. Владимир Иванович тоже смотрел. Вдруг он поднял с примятой травы тоненькую льняную ниточку.

— Видишь — переобулся, портянки перемотал... И вот куда вильнул, — Бахтияров показал на Атома, который в стороне медленно шел, не отрывая носа от земли.

Здесь друзья расстались. Таню отправили в деревню с наказом сообщить обо всем председателю рыболовечкой артели. Бахтияров отправился к устью бобровой реки, чтобы перехватить беглеца, а Макар с Атомом пошли по следу.

Через час они пришли к речке.

Атом пробежал по берегу вверх и вниз и, не найдя следа, виновато вернулся к хозяину...

Макар соображал: может быть, хищник побрел по воде? Едва ли, низкие травянистые берега круто уходили вглубь. Срезав прут, Макар измерил глубину — выше пояса. Значит, переплыл на ту сторону...

— Придется и нам с тобой, Атом, искупаться, — проговорил охотник и пошел резать тальник. Вскоре на берегу лежал маленький плотик, связанный из прутьев. Погрузив на него оружие и одежду, Тарманов вошел в воду. Через минуту Макар и Атом бесшумно плыли в быстрой обжигавшей тело весенней реке.

Напрасно Атом рыскал по берегу, по кустам. Следа не было.

— Действительно, — подумал Макар, — точно в воду канул! Ну, пойдем, Атом, по течению, авось, где-нибудь и вылез он из воды!

Сконфуженная неудачей собака уныло плелась позади Макара. И только когда хозяин ласково потрепал ее по спине и послал вперед, к Атому вернулась его обычная жизнерадостность. Снова в кустах замелькали крутой крючок его пушистого хвоста и белые «штаны».

7. Пролом в плотине

Под утро Фома озяб. Давала себя знать бессонная ночь в лесу, сыром и холодном, неподвижность, настороженность... Хищник мог дать знать о себе в любую минуту. Но вот и рассвело, а его не видать, не слышать: ни дымка, ни шороха... Только вода журчит в речке.

Фома поднялся с земли, расправил плечи и шагнул к бобровому пруду.

Но что это? Вчера, он точно помнил, вода была всего в каких-нибудь трех шагах. А сейчас... Кромка воды ушла от него на добрый десяток метров.

«Видно, прососало плотину...»

Фома взгляделся. Кучка бобров, еле различаемых из-за тумана, трудилась на плотине.

«Ишь ты, уже ремонтируют... Надо пойти посмотреть, а то и подсобить зверям...»

Фома двинулся в обход пруда по его правому берегу.

Запруда разлилась широко, затопив лес на большом пространстве. Когда Фома подошел к плотине, солнце уже стояло высоко, разгоняя туман. Бобры все еще суетились, заканчивая ремонт.

Фома притаился, дождался, пока последний зверь не ушел под воду, и осторожно вброд двинулся вперед, отыскивая промону. Плотина была сделана на совесть и нигде, больше чем следовало воды не пропускала. Только в одном месте, у левого берега, ясно виден был свежий пролом, который только что починили бобры. Вывороченные ветки, порубы... Фома поднял щепку. Она была не отгрызена, а отрублена топором.

Пролом сделал человек.

Зачем? Опытный охотник ни минуты не раздумывал о причине:

— Спустить пруд думал, варнак, чтобы бобров днем из хаток выманить... рассчитывал, пока будут работать на выбор бить...

Ни ночью, ни утром Фома не слышал выстрелов. Значит, еще не успел.

— А может, он сейчас, сию минуту вернется на свой злодейский промысел... Надо встретить, как полагается... Бахтияров на смену мне еще когда придет, а отлучаться нельзя, того и гляди, хищник зайвится...

Тарманов исчез в лесу.

8. Засада

Атом ничего не учуял вплоть до плотины. Когда сквозь стволы голых деревьев проблеснуло зеркало запруды, Макар тонким свистом подзвал к себе пса:

— Рядом, Атом!

Машинист не хотел подвергать себя и собаку ненужному риску на открытом месте. Медленно продвигаясь в кустах, он осматривал постепенно открывавшийся перед ним противоположный берег, бобровую плотину и хатки. Никакого признака человека не было.

Макар спустился ниже плотины и пошел вброд, осторожно нащупывая перед собою дно длинным шестиком.

Рядом с ним плыл Атом.

Собака первой выскочила на сухое место, отряхнулась и быстро подбежала к могучей сосне. Присев у ее подножия, Атом положил лапу на ствол и оглянулся на хозяина. Макар разувался, выливал воду из сапогов, отжимал портянки и не смотрел на собаку.

Атом тихонько заскулил и царапнул лапой по коре. Макар обернулся и схватился за ружье. Вскочив, он позвал Атома. Собака отбежала от

дерева и стала перед хозяином, не сводя глаз с верхушки.

— Однако, поймали, мы с тобой кого-то,— проговорил про себя машинист.

Макар пристально всматривался в разлапистую крону сосны. Но вот в просвете между сучьями показался болотный сапог, потом другой, нащупывавший ветку, а затем стал виден их обладатель.

— Фома! Вот так добыча...— засмеялся Макар, опуская ружье.

— А я сначала подумал, что это хищник идет, уж совсем было к бою приготовился, да потом вижу, Атом выскочил... Только почему вы с ним с той стороны пришли? — откликнулся Фома.

Макар рассказал брату об утреннем происшествии.

— А я про это и без вас узнал.— Фома в свою очередь поделился с братом своими наблюдениями за проломом в плотине

— Теперь одно остается, браток: ждать его, варнака, никуда он отсюда не уйдет...

— Как сказать,— протянул Макар.— Ему теперь уж не до жиру, быть бы живу... Уходить будет. К лодке своей будет пробиваться...

— А ведь верно,— спохватился Фома.— Он на лодке плыл. Надо лодку искать... Конечно, Бахтияров его из бобровой реки не выпустит, но ведь нас-то двое, да и Атом с нами... А старик один...

Макар с Атомом двинулись по правому берегу, Фома перешел на левый и тоже пустился вниз по течению. Не прошло и получаса, как Атом нашел осиновку, глубоко запрятанную в заливчике, забросанную ветвями ивы.

— Вот теперь уж он от нас не уйдет!— сказал Макар.— Ну, давай сюда, Фома...

Старший Тарманов по горло в ледяной воде перешел через реку вброд. Вместе они подошли к лодке.

В ней лежали широкое весло, рюкзак и длинный тонкий шест, похожий на копье, но без наконечника. Макар, указав на него, спросил брата:

— А это что? Для удилища, вроде, толстовата жердина, для шеста — тонка...

— Копье это,— ответил Фома.— Знает варначина, как зверя добывать. Это старое мансийское оружие, бросают его... метров за двадцать человека убить можно, не только бобра... И без шума... Вишь, он хоронится, наконечник снял...

— Понятно,— ответил Макар.— А теперь, брат, давай в засаду.

Через десять минут все стихло у заливчика.

9. Я не боюсь тебя, Урас!

Фома заснул. Макар с Атомом, не смыкая глаз, следили за берегами. День клонился к вечеру, и уже потемнела вода в реке, прикрытая от косых лучей плотной стеной леса.

Чужой появился внезапно. Он шел быстро, не оглядываясь, прямо к осиновке.

Макар толкнул Фому и прикрыл ему рот рукой. Охотник взялся за ружье.

— Атом, возьми!— Макар пустил собаку. Братья вышли из засады.

Собака молча пулей кинулась к хищнику и, подпрыгнув, с ходу впилась ему в правую руку.

В ту же секунду человек выхватил из-за пазухи клинок и с силой ударил собаку в спину. Но Атом тоже не терял времени, в тот же момент он мертвой хваткой вцепился в левую руку чужака. Клинок, тускло сверкнув, упал на землю.

Макар быстро схватил его и сунул в карман.

— Атом, назад!.. Руки вверх!..

Хищник медленно приподнял руки. Из равных ран на кистях капала кровь... Смуглое лицо его искажилось, сквозь трясущиеся губы выщежились слова:

— Что вы делаете... Бандиты вы...

— Бандиты не мы а ты... Кто бобровую плотину рубил? А это у тебя зачем?— Макар вынул наконечник копья, измазанный кровью.— А кто осенью зверя загубил? Разлакомился, снова пришел... А мы не дадим!

Осиновка быстро бежала вниз по бобровой реке. На дне ее лежал связанный хищник с забинтованными кистями рук, рядом с ним — тоже перевязанный Атом. Макар гнал лодку сильными ударами весла. В устье, в густых сумерках, на берегу зашевелились кусты, и Бахтияров подошел к воде.

— Ну, что у вас там...

— Взяли, Владимир Иванович, везем...

— Езжайте, я в деревню пойду, народу скажу, встречать будем...

В густых сумерках лодка подошла к деревне. На берегу стояла небольшая толпа — все население. Впереди — Владимир Иванович. Он помог вытащить осиновку, поднял Атома и вынес его на берег. Фома и Макар взяли под руки хищника и поставили на ноги.

Спутанные волосы падали ему на лоб. Угрюмо уперся он взглядом себе под ноги и двинулся вперед, прямо на толпу. Люди расступились перед ним, как перед чумным. И только маленькая фигурка в цветастом платье стояла неподвижно, сжав кулачки, и в упор смотрела на приближавшегося к ней чужака. Он увидел ее босые, смуглые ножки и стал, точно наткнувшись на невидимое препятствие. Голова его ушла в плечи, а зрачки, налитые лютой ненавистью, уперлись в черные, как смородина, глаза Тани.

Девочка бесстрашно выдержала этот тяжелый, свинцовый, тусклый взгляд, так испугавший ее сегодняшним утром. Она вся подалась вперед и бросила ему в лицо, звонко и смело:

— Мы сильнее тебя! Я не боюсь тебя, Урас!

ДОРОГОЙ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»!

Jeunes Amis lecteurs
du «*Trappeur de l'Oural*»

Voire revue va publier quel-
de la vie d'un grand Patriote Fran.
dans la lutte contre l'envahisseur h... je
que les jeunes de France connus ne la decadence,
sous le nom du Colonel sont au fond, la
nom: Pierre Gr... mer des souvenirs de ces
obstait
volante: s'fin que vive toujours en nous notre
de defendre la liberte et la Paix.

J. S. Mor

Paris, le 10 janvier 1959.

Дорогие друзья, читатели „Траппера Урала“!
Молодежь Франции чтит память бесстрашного Пьера Жоржа, известного больше под именем капитана Анри. Это он один из первых подал сигнал к отпору в Париже, выстрелив в нацистского офицера на станции метро. Пьер организовал в провинции Франш-Конте, родине Виктора Гюго, Руже де Лиля, написавшего „Марсельезу“, и талантливого живописца Гюстава Курбэ, первую партизанскую группу в нашей стране. Это были известные потом всему миру „маки“...

Во Франции нет такого журнала, как „Траппер Урала“¹, в котором в романтической форме рассказывается о героях своего края, о бывалых людях. Поэтому я решил несколько глав из своей книги направить в редакцию „Траппера“. Мне хочется, чтобы и уральские читатели узнали, как Пьер Жорж и его товарищи боролись в тяжелом сорок втором году—еще до победы под Сталинградом. Крестьяне, рабочие, шахтеры—все простые люди помогали партизанам бить врага.

В сорок третьем году сопротивление во Франш-Конте достигло небывалого размаха. Пьер Жорж воодушевил и поднял на борьбу две тысячи четыреста добровольцев. Вместе с французами сражались и русские солдаты, бежавшие из фашистского плена. Они показали прекрасный пример мужества, дружбы и братства.

Так пусть живет в нас стремление защищать мир и свободу!

Жан Гюи Моден,
Париж.

Выстрелы в метро

23 августа 1941 года. Над крышами всплывает малиновое солнце. Париж неохотно просыпается. Но утро не радует парижан. Выходя из домов, они мрачно смотрят вверх. Ветер яростно рвет с Эйфелевой башни флаг с черным изломанным крестом. Люди понуро спускаются в метро.

Все держатся на почтительном расстоянии от чужеземного офицера в сверкающей каске. Надменный «тевтон» не замечает штатских. Какое ему дело. Он же победитель!

Неподалеку от него останавливаются четыре молодых человека. Они с любопытством поглядывают на сверкающий головной убор. Каска вспыхивает огнем под лучом прожектора подходящего к платформе поезда.

Один из юношей, с задорным взглядом, крутым подбородком и чуть оттопыренными ушами, легонько трогает офицера за плечо. Тот резко оборачивается... и его бесцветные глаза расширяются от ужаса. К мундиру приставлено дуло револьвера.

— Зачем ты явился к нам в Париж?— спрашивают глаза юноши.

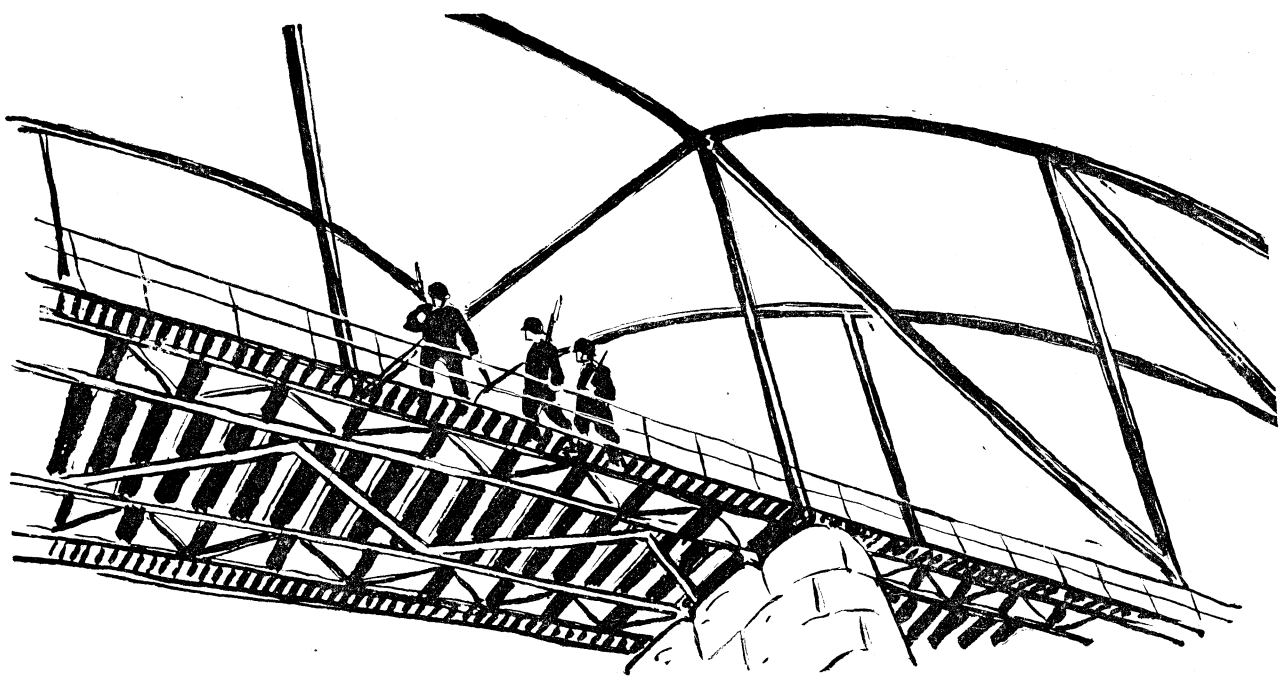
Это — Пьер Жорж. Ему двадцать два. Четыре года назад он воевал за Республику в Испа-

¹ Так Жан Гюи Моден называет «Уральский следопыт».

нии. Был ранен. Теперь враг пришел сюда, схватил Францию за горло...

Два выстрела гремят один за другим. Фашист валится на бок. Блестящая каска летит на платформу.

Пьер устремляется прочь. Он кричит во все горло: «Держи! Держи!» Трое друзей бегут за ним следом.

Они отомстили за расправу над заложниками, взятыми неделю тому назад, но это только начало. Сигнал к действию.

Арсенал под водой

Счастливо избежав плена после разгрома французской армии в Эльзасе, Пьер Виллемино, тезка Жоржа, возвратился в родной Клерваль на реке Ду. Как видно, ему безразлично, что делается во Франции. Торгует винцом, похаживает возле своей лавки. Высокий, сухопарый, сильный, с глубоко запрятанными глазами, в белой блузе на широких плечах спортсмена, в сапогах на каучуке, он пытит себе трубкой и почти не выпускает ее из плотно сжатого рта.

Вечерами, отвязав быстроходный ялик, Пьер Виллемино с невестой Ивонной на корме часто отплывает к мосту, раскинутому два пролета над плавным течением реки.

Вот и мост. Пьер перестает грести. Наверху топает патруль. Обычные звуки кажутся под

мостом ударами грома. На этот раз шаги вдруг стихают. Жандармы заметили лодку. Свет фонаря скользит по воде.

Пьер не теряется.

— Эй, Буссар! — кричит он, выплывая из-под моста.

— Ах, это вы, господин Виллемино... — жандарм ухмыляется. — Поздненько возвращаетесь с рыбной ловли. Желаю удачи, господин Виллемино!

Патруль уходит. Пьер считает, что сейчас самый подходящий момент выкупаться. Он погружается в реку, ныряет и вскоре появляется на поверхности.

Ивонна подъезжает к нему, перегибается через борт ялика и берет из рук пловца какой-то странный продолговатый предмет. Да это же винтовка!

Пьер снова ныряет. Он достает оружие, которое побросали в воду отступавшие через мост французские солдаты.

На сегодня, пожалуй, хватит. Ялик полон. Дрожа от холода, Пьер завертывается в толстое одеяло, Ивонна гребет к берегу. Причалив, они переносят оружие в сарай и прячут между ящиками с пустыми винными бутылками.

Пьер с Ивонной совершают ночные прогулки до тех пор, пока не опустошают арсенал под водой.

Взрыв

Однажды Пьер Жорж напоролся на эсэсовцев с черепами на фуражках. Ударив одного ногой в живот, юноша вскочил на ходу в трамвай и спасся. В Париже оставаться больше нельзя. Пьер переезжает из города в город, попадает в Клерваль и встречается с Виллемино.

Оба Пьера с полуслова понимают друг друга. К ним присоединяется Эдуард Грисбаум, рослый, смуглый, добродушно улыбающийся. «Три

мушкетера» возглавляют партизанский отряд и начинают боевые действия.

Как-то ночью Пьер Жорж и Эдуард Грисбаум покидают Клерваль и на велосипедах едут на завод, работающий на войну. Завод надо остановить во что бы то ни стало!

Через час они у места назначения. Пьер взбирается на плечи Эдуарда, потом на каменную стену и подает руку товарищу. Оба спрыгивают вниз. Перед ними высокая железная решетка. Друзья преодолевают ее без особого труда. Вот и дверца трансформатора. Эдуард взламывает дверь большим складным ножом, а Пьер закладывает взрывчатку и тянет наружу шнурок от ботинка. Шелк зажигалкой — шнурок загорается. Прикрыв дверцу трансформатора, смельчаки карабкаются по решетке и... замирают наверху.

К решетке, не торопясь, приближается громадный черный пес.

Что делать? Вот-вот грянет взрыв. Пьер морщит брови в тягостном раздумье.

— Дай нож,— говорит он Грисбауму и решительно спускается вниз.

Выставив лезвие перед собой, надвигается на волкодава. Пес поджимает хвост, пятится и беззвучно удирает.

Еле сдерживая смех, друзья выбирают из западни и вскакивают на велосипеды. Вдогонку грохочет взрыв.

Да здравствует Франция!

Повсюду расклеены объявления: «100 тысяч франков за голову Пьера Жоржа...»

Что и говорить, кругленькая сумма! У зажиточного крестьянина Курти загораются подслеповатые глаза, когда к его ферме подходят Пьер Жорж, Эдуард Грисбаум, Жорж Рюэль и еще два партизана.

Франтиреры располагаются на отдых.

Предатель незаметно зовет жандармов. Они врываются в дом с воплем: «Руки вверх!», беспорядочно стреляют и сразу же наваливаются на здоровяка Эдуарда. Тот яростно отбивается.

Пьер, раненный в голову, в суматохе удирает. Эдуард отбрасывает нападающих. Один из них успевает надеть на него наручники. Но Эдуард стреляет из револьвера, выскакивает в окно, бросается в ручей, перебирается на ту сторону и уходит в лес.

Жандармы, боясь упустить остальных, не преследуют его, лишь открывают огонь из винтовок.

Острая боль заставляет Эдуарда согнуться пополам. Пуля попала в живот. Внутри жжет, жжет... «Иди, иди вперед!» — приказывает самому себе Эдуард. Прижимая руки к животу, он идет, то и дело останавливаясь, прислоняясь к стволам деревьев. На землю падают капли воды с вымокшей одежды, падают капли крови... Холодно... Очень холодно...

Наступает ночь. Полежав часок в траве, Эдуард ковыляет дальше. На рассвете он спускается с холма к дому под черепицей, к которому пристроен хлев.

Эдуард тащится через двор, уставленный сельскохозяйственными орудиями. С кудахтаньем бегут от него куры. Ворота хлева приоткрыты. Изнемогая, Эдуард проскальзывает туда.

...В середине дня возвращается с поля хозяин дома. Распрягает лошадей. Идет в хлев — там наверху сложено сено. Крестьянин не замечает чужую фуражку, втопанную в грязь. Поднимается по лестнице на сеновал. Что это? Он останавливается. Чьи-то длинные ноги в подбитых гвоздями сапогах. Спустившись на две ступеньки, крестьянин видит всего человека, который лежит ничком на земле, сжимая в руке револьвер.

«Ага,— соображает крестьянин.— Этот парень из тех...»

С охапкой сена он подходил к Эдуарду.

— Ты спишь?

Ответа нет.

Крестьянин склоняется над неизвестным.

«Да... здравствует... Франция!» — слышит он горячий шепот.

И больше ни звука. Человек не дышит.

Крестьянин стаскивает с головы свой выцветший берет, медленно поднимает над головой крепко сжатый кулак.

Смерть позади

Жорж Рюэль, тяжело раненный в схватке с жандармами, брошен за колючую проволоку лагеря смерти. По натуре весельчак, он и здесь не унывает, подбадривает товарищей.

— Спокойной ночи, клервальцы! — провозглашает он каждый вечер. — Мы еще отведаем бургундского сыра!

Даже самые мрачные не могут удержаться от улыбки. Многие узники подумывают о победе, а Жорж Рюэль действует.

Утром заключенных выгоняют строить дорогу. Истощенные люди возят тяжелые тачки, нагруженные шлаком. То один, то другой падает на дорогу.

Жорж ждет темноты. Пригибается за кучей

Сторожевая вышка в лагере смерти.

шлака, зарывается в него и сидит, сдерживая дыхание, пока узников не уведут в лагерь.

Там их пересчитывают. Одного нет! Взывает сирена. Эсэсовцы с собаками прочесывают дорогу и вскоре обнаруживают Рюэля.

«Я думал лишь о том, как защитить голову и шею от псов,— вспомнил он.— Я кричал и брыкался. Псы рвали мое тело, а эсэсовцы улюлюкали...»

Беглеца ожидала виселица на лагерной площади. Но комендант точно следовал инструкции. Смертника предссывалось подлечить. Однако истерзанный овчарками Рюэль не выздоравливал. Его перевели в другой лагерь. Казнь не состоялась. Но рано или поздно приговор приведут в исполнение.

Так и так смерть. Рюэль решает на второй побег. Проволока вокруг лагеря заряжена током. Посередине — линия электрической дороги. Восстановив свои силы, Рюэль запасается с помощью товарищей кусачками, веревкой и куском голого провода. Он сооружает нечто вроде метательного снаряда. С одной стороны привязывает к проволоке камень, с другой — веревку с камнем.

В конце августа сорок четвертого года Рюэль прощается с друзьями и ночью выходит из барака. Он кладет конец проволоки на рельсу электрической дороги. Размахивается и ловко закидывает веревку на провод, проходящий над головой, а потом тянет веревку вниз. Проскакивает длинная искра. Короткое замыкание! Фонари в лагере гаснут.

Рюэль мчится к ограде, теперь безопасной,— в ней нет тока,— проделывает кусачками дыру и вылезает на волю...

Смерть позади. Переодевшись в штатское, Рюэль благополучно пробирается в нейтральную Швейцарию.

Перед восходом солнца

Подобно Жоржу Рюэлю и сотням других борцов Сопротивления, Пьер Виллемино попал за колючую проволоку.

Сперва его допросили в гестапо.

— Зачем ты вытащил оружие из реки? — задали ему вопрос.

— Чтобы выпроводить вас, господа фашисты, из Франции,— отвечал Пьер с улыбкой.

Гитлеровцы побагровели.

Пьер продолжал говорить:

— Ни один честный француз не останется в стороне от борьбы! — воскликнул он. — Посмотрите на меня. Вы видите патриота. Такие, как я, вот колошматить вас, пока не издохнете...

Гестаповцы готовы его растерзать. Но молчат, пораженные смелостью арестованного.

Виллемино вернули в камеру. Оттуда он ухитрился послать записочки:

«Дорогая Ивонна!

«У нас нет никакой связи с внешним миром. Мы не знаем, что происходит в стране. Это меня беспокоит. Иногда я даже отчаиваюсь, но снова возвращается надежда. Сил у меня хоть отбавляй. Я горжусь тем, что сижу здесь. Ни о чем не жалею. Если придется умереть, горько одно — оставлять тебя и маму. Но я выдержу это последнее испытание. Если бы ты знала, какое у нас боевое настроение!

28 марта 1943 года,

Твой Пьер».

Виллемино прошел через ужасы лагерей уничтожения: Штутгоф, Дахау, Флессенбург, наконец, лагерь близ чешской границы.

...Весна сорок пятого года. Узники ждут освобождения. Ближе и ближе канонада победы. Но убийцы задумали гнусное преступление. — Ауфштеен! (Поднимайтесь!) — орут они ночью.

Заклоченных вталкивают в грузовики, накрытые брезентом, и привозят в каменоломню. — Раус! (Вон!)

Пьер догадывается, что произойдет. Он не хочет умирать за несколько часов до освобождения. Пятится к скалистой стене, карабкается вверх. Лезет и лезет вверх, расцарапывая руки и колени. Гудят моторы грузовиков, подъезжающих с заключенными. Залпы не могут заглушить крики и стоны расстреливаемых.

Пьер почти у цели. Рука ухватилась за греть скалы. Спасен!

Когда над землей встает пламенеющее солнце, Советская Армия прогоняет банду эссовцев. Освободители входят в лагерь. Он пуст.

Франция помнит...

В то время, как бедняга Грисбаум замолчал навсегда, а Виллемино и Рюэль за колючей проволокой, Пьер Жорж продолжал борьбу. Он был неуловим. В самом деле, кто будет искать под сутаной священника «опасного террориста»?

«Аббат» шествует по улице, важно отвечая на поклоны гитлеровцев. В руках у него «молитвенник» — коробка, внутри которой спрятан револьвер.

Вот «аббат» едет в грузовике, набитом германскими солдатами. «Готт мит унс!» («С нами бог!») написано у них на пряхках черных ремней. Как не подвезти святого человека!

На повороте дороги «аббат» покидает грузовик. Подобрал сутану, прыгает через канаву и скрывается в густом лесу. Как поразилась бы «тевтоны», если бы последовали за «священником»! Он встречается в лесу с русскими, бежавшими из фашистских лагерей. Они создали небольшой отряд. У них винтовки, гранаты, два пулемета. Русские вырвались на волю и помогают французским друзьям бить общего врага. Но об этом мы расскажем как-нибудь в другой раз.

Франция помнит своих защитников. Помнит замечательных парней, француза Пьера Жоржа и русского Федора Меньшикова.

На каменной стене вспыхивает светлое пятно от карманного фонаря. Пятно прыгает туда-сюда и натывается на ногу Пьера. Тра-та-та-та-та!!! Одну секунду человек еще висит на стене, потом падает вниз...

Перевод с французского М. ИСКРИНА

Рисунки С. Киприна

Когда и как люди научились изготавливать стекло, кто первый придумал его?

В разных местах земного шара—в Индии и Китае, в Финикии и Египте и многих других странах, среди многочисленных находок

древности ученые обнаруживают стеклянные изделия.

Археологу Петри посчастливилось в одной из египетских гробниц найти даже стеклянный человеческий глаз. Еще пять с половиной тысяч лет назад люди были знакомы с производством стекла.

Немало тысячелетий прошло, прежде чем люди научились изготавливать гладкое оконное стекло. Еще совсем недавно, в 15 веке, окна заклеивались промасленной бумагой. А теперь заводы выпускают даже стеклянную ткань. «Нитка этой ткани длиной в километр весит меньше одного грамма. И при такой легкости она очень прочна: на бечевке толщиной в полсантиметра можно подвесить груз в полторы-две тонны».

А что такое пеностекло? Его можно пилить, сверлить, склеивать с гипсом, металлом, оно не про-

пускает ни холод, ни тепло, ни звук. Это строительный материал завтрашнего дня.

Обо всем этом можно прочитать, как бы увлекательно путешествуя по странам и векам, в книге «Стекло» уральской писательницы Беллы Дижур.

Эта книга отмечена третьей премией на Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу о науке и технике для школьников. Конкурс проводился Министерством просвещения РСФСР.

Ранее эта книга была издана в Свердловске под названием «Чудесные превращения».

Г. СТОРОЖЕНКО

Редакция сердечно поздравляет Беллу Абрамовну Дижур—нашего постоянного автора—с присуждением премии.

„С РУЖЬЕМ И УДОЧКОЙ по Южному Уралу“

Две громадных собаки-лайки выгнали на лед озера косулю. Животное, утомленное преследователями, поскользнулось и упало. Черные копытца беспомощно ищут точку опоры, а злые собаки уже совсем рядом. Рыбачившие на озере ребята, схватив лопаты, бросаются на помощь косуле. Они спасают ее от острых собачьих клыков и от ножа браконьера...

В 1913 году рыбовод В. И. Кучин завез на Южный Урал форель-пеструшку. Долгое время считалось, что эта замечательная

рыбка не прижилась в местных водоемах. Но она прижилась...

О повадках многих зверей и птиц, о способах охоты на них, о людях, любящих и охраняющих природу, рассказывает книжка Устинова «С ружьем и удочкой по Южному Уралу», выпущенная Челябинским книжным издательством. Герои многих рассказов—ребята, живые, наблюдательные и очень любознательные.

Прочтите эту книгу.

Г. БАБАКОВ.

— Как-то во время своего отпуска я пошел поохотиться в окрестности долины реки Пышмы. Утки утками, а камешки тоже не забываю — это моя особая охота. На небольшой горке встретил я особенно много обломков интересных горных пород. И среди них — блестящий камень. Выковырнул его, оказалось, что это кристалл горного хрусталя, прозрачный, как слеза. Возвратился с охоты, а находка не дает покоя. Недели через две уже вдвоем с товарищем опять пошел туда. Но не всегда счастье сразу приходит в руки.

Весь день искали, и все напрасно. Вечером, уставшие от безуспешных поисков, решили переночевать на вершине горки. Развели костер. Прилегли. Неожиданно почувствовал я под рукой что-то твердое и холодное. Разгреб мох и не верю глазам: из-под мха показались прекрасные кристаллы того самого горного хрусталя.

Так старый уральский горщик Илья Александрович Вагин рассказывает о широко известном сейчас месторождении прозрачного кварца «Резчик» в Белоярском районе Свердловской области, которое он открыл.

В июле исполнилось 80 лет со дня рождения этого замечательного камнелюба.

Двенадцатилетним мальчонкой, подсобным рабочим на толчейной фабрике одного из старательских промыслов Урала, Илья Александрович впервые познакомился с минералами и рудами. С тех пор неиссякаема его любовь к камню.

Много тропок и дорог исходил старый горщик в поисках ценных минералов и руд. Много редких образцов собрал он для уральских музеев, много вырастил любителей камня.

При его участии открыто не одно ценное месторождение.

М. Г. ИСАКОВ, И. А. ЮДИН

УРАЛЬСКИЕ ГОРКИ

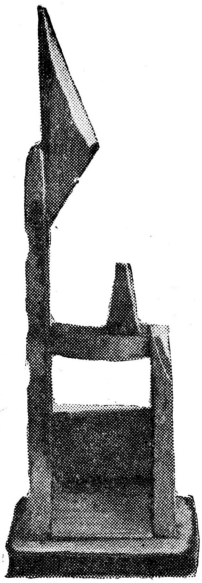
Есть в Свердловске небольшая мастерская. В ней изготавливаются минералогические коллекции для школ, вузов, техникумов всего Советского Союза. Там же делаются каменные горки.

Уральская горка — это своеобразная коллекция минералов. Если ее внимательно изучить, она, как увлекательная книга, может рассказывать о прошлом и настоящем нашего края, об огромных его богатствах.

Впервые такие горки появились лет сто назад. Делали их екатеринбургские кустики. Они умели со вкусом, со знанием уральских камней выявлять их красоту.

Однажды екатеринбургский богач Баричев приобрел в Париже такую каменную горку и привез ее обратно на Урал. Оказывается, в горку, вместо отходов изумруда, были вставлены драгоценные кристаллы. Когда изумруды покрыты породой — изумрудным сланцем — и не огранены, трудно определить, ценны ли они. А Баричев понимал толк в камнях, он и разбогател на скупке уральских самоцветов. В Париже он заплатил за горку 350 франков, вынул из нее изумруды, отделал их, продал за несколько тысяч франков, а горку затем сбыв на Урале за 100 рублей.

Как попала та уральская горка в Париж — неизвестно. Выяснено только, что собирала ее в Екатеринбурге сестра известного художника А. К. Денисова-

Уральского — Старцева, большая любительница самоцветов.

Другая горка и сейчас находится во Франции. Она была изготовлена мастером Дмитрием Кузьмичом Кубиным для Всемирной Парижской выставки 1936 года. В эту горку Д. К. Кубин вложил весь свой многолетний опыт горочника, всю свою богатую фантазию. Он показал в ней не только богатства нашего края, но и труд людей.

На глыбе из каменного угля висится гора из разноцветных камней. В середине горы — штрек, в котором стоит шахтер с отбойным молотком. Над головой шахтера нависла руда. Сто семнадцать различных минералов и пород вложил Д. К. Кубин в эту горку.

В прежние времена горочники хранили втайне секрет своего мастерства, боясь конкуренции, боясь потерять заработок. Сбивались уральские горки большей частью на железнодорожной станции Екатеринбург. Проезжие приобретали эти творения уральских умельцев, как красивые безделушки, не всегда задумываясь над тем, что в них отражены богатства нашего края.

Теперь в минералогической мастерской Свердловска трудятся десятки людей над изготовлением уральских горок, большинство из них — молодежь. Но, к сожалению, за последние годы многие горки, появляющиеся в продаже, собраны по нескольким определенным шаблонам, без фантазии, без души. Они невыразительные, серые, скучные. Надо бы

оживить и возродить это самобытное дело — изготовление уральских горок, искать и создавать новые формы их, чтобы каждая горка отличалась от другой, была цветистой, яркой, радостной.

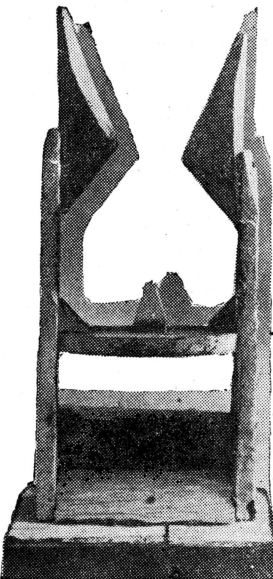
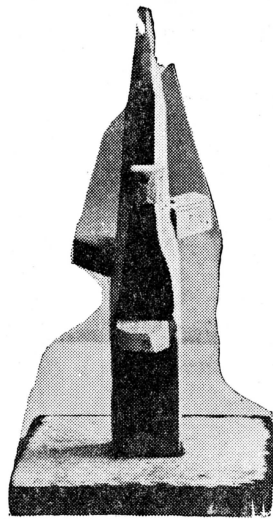
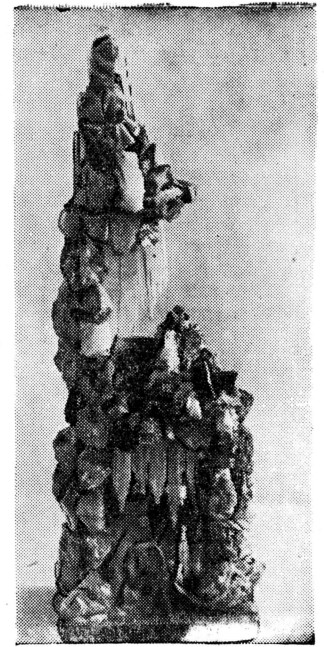
Если увлечешься этим искусством, сделать уральскую горку нетрудно, секреты тут невелики.

Подготовьте имеющиеся в вашем распоряжении минералы. Некоторые следует разбить молотком на мелкие куски, чтобы получить наиболее подходящую их форму и величину. Из малахита и галенита сделайте осыпку: кусочки малахита и галенита (отдельно) растолките до величины макового зерна, просейте сквозь редкое ситечко, промойте, просушите и ссыпьте в коробочки.

Затем строится каркас, на который приклеиваются камни. Каркас, из сухого дерева, состоит из основания (прямоугольная дощечка), боковых стенок, конусов и полочек. От величины и формы горки зависят, естественно, размеры и число конусов и полочек. Столярным клеем и мелкими гвоздями боковые стенки и конусы прикрепляются к основанию, а к ним — полочки.

На снимках приводятся каркасы трех различных горок. Можно придумать и свою особую конструкцию каркаса.

Минералы к каркасу прикрепляются мастикой. В жестяную банку налить литр воды, опустить 200 граммов столярного клея и поставить кипятить так, чтобы клей не подгорел. Когда он разоидется, подсыпайте в него понемногу ржаную муку (другая не годится) и размешивайте, чтобы не было комков. Когда мука заварит-

ся, получится густая масса. К ней добавляется немного сажи или другого темного красителя, а речной песок и лак предохранят мастику от покусения грызунов. Лак способствует и более быстрому засыханию мастики. Во время работы ее следует подогревать.

Самое главное — как собрать горку. На основание каркаса наносится слой мастики (3—4 мм), и в него вдавливаются камни — сначала покрупнее, затем помельче. Обкладываются кристаллами боковые стенки, полочки, конусы. Собирают снизу вверх.

Каждый минерал в горке должен лежать так, чтобы лучше были видны его особенности — кристаллизация, строение, рисунок. Кристаллы следует вплотную подгонять друг к другу, избегать пустот, иногда и подтесать. Стыки меж ними замазываются мастикой (сделайте узенькую лопаточку из лучины), лишняя мастика удаляется. Затем места стыков смазываются столярным клеем и покрываются осыпкой — зеленой малахитовой или серой галенитовой, какая придется ближе в том или ином месте по тону и цвету.

Готовую горку просушивают в теплом

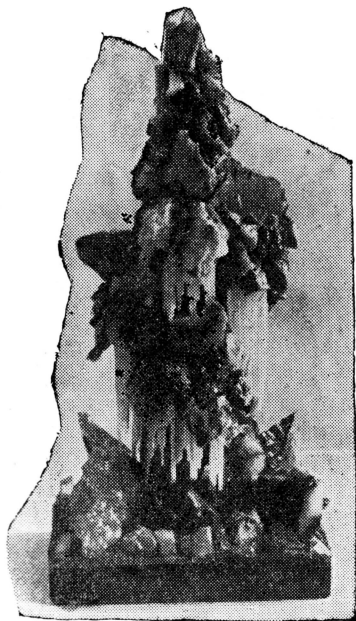

месте, возле печи или на солнце, в течение нескольких часов. Некоторые минералы можно покрыть прозрачным лаком, чтобы они заблестели.

На каждый минерал наклеивают крошечный номерок (вырезать из таблицы умножения с обложки ученической тетради), а затем составляется их описание: номер, название и место, где найден.

Например: «№ 14 — Лиственит. Урал, Березовский район».

Горки можно делать самые разнообразные. Интересно собрать горку «Бриллиантовый грот» — из различных видов горного хрусталя, или горку «Шахта», или подставку для часов. Можно придумать и построить сказочный дворец. Все будет зависеть от фантазии и художественного вкуса. По содержанию минералов горки делают и тематическими: ископаемые одного района, руды Урала, поделочные камни, любимые минералы и тому подобное. Работа эта поможет глубже проникать в «душу» камня, понимать его красоту и ценность, чем всегда славилась уральцы.

В. КИЛИН.

Довесы о камне

Профессор А. А. МАЛАХОВ

8. Жемчуг с пашни...

Обычно я редко кому рассказываю эту историю. Неловко говорить о том, как мы однажды сбились с дороги, то есть попросту говоря, заблудились.

Мы — это два профессора, четыре аспиранта и шофер. На грузовой автомашине — вездеходе мы ехали по заранее намеченному маршруту, пробираясь к городу Орску на Южном Урале. На какое-то мгновение было утеряно чувство ориентировки, пропущен нужный поворот, и мы уже ехали в неизвестном направлении. Ориентироваться по старым картам было невозможно. Здесь, в зоне целинных земель, возникли многочисленные новые поселки, исчезли старые деревни и хутора. Облик этой части Урала стал неузнаваемым.

Ночь нас застала вблизи не отмеченного на карте хутора. Нас встретил дряхлый старик с молоденькой внучкой и предложил переночевать на сеновале. К сожалению, он ничего не мог сказать о дороге — он давно никуда не выезжал.

Готовя ужин, мы разговорились. Узнав, что мы геологи, старик — его звали Рим Явдательевич — с воодушевлением стал рассказывать о сокровищах Южного Урала.

Рассказы старых людей обычно изобилуют деталями, взятыми из легенд и преданий. Но здесь было иное. Наш собеседник подкрепил свой рассказ показом

удивительных образцов. Не будь их, рассказ можно было бы принять за сказку.

Это были жемчужины удивительной красоты. Одна из них переливалась всеми цветами радуги; другая была нежно-розовая. Обе — идеально округлые, такие же, как знаменитая жемчужина Пеллегрини из алмазного фонда СССР.

Рим Явдательевич уверял нас, что он никогда не был у моря, но жемчужные раковины нашел однажды... на пашне. Кто их подбросил ему? Он не знает, но считает, что здесь не обошлось без Хозяйки.

Слово «Хозяйка» старик произносил с почтением. Глаза его искрились и молодели, когда он рассказывал о различных случаях вмешательства Хозяйки в жизнь удалых и бойких людей. Одному из них она подбросила самородок золота, другого навела на драгоценные камни, а вот ему «выдала» жемчуг.

Мы никак не могли уточнить место находки жемчужин. Сначала Рим Явдательевич уверял, что он разыскал клад где-то здесь, на Урале. Немного погодя вспомнил, что в молодости был и в Архангельской губернии, и на Дальнем Востоке. И вдруг он совсем замолчал и, кряхтя, залег на печку.

Утром мы распрошались с хозяином и его внучкой, ничего не выяснив. Проклевсив почти весь день, мы, наконец, к вечеру выбрались к известным нам местам и только тут вспомнили, что забыли узнать название поселка, где встретили старика. Никто из местных жителей не смог нам помочь — новых поселков окрест появилось много.

Продолжение. Начало см. в № 2 и 4 за 1959 г.

Вот и сейчас, досадуя на себя и своих спутников, я вновь переживаю то состояние неудовлетворенности, которое бывает при неудачах.

Можно ли доверять рассказам Рима Явдатьяевича? Конечно, не исключено, что жемчужины попали старику какими-либо иными путями. Может быть, это была подделка под настоящий жемчуг. Но имеются и научные данные, которые как-то подтверждают правдивость его рассказа.

Известно, что на Атлантическом побережье Северной Америки, в Северной Каролине и во Флориде нашли более пятидесяти жемчужин из ископаемых раковин. Две из них крупные, свыше 10 миллиметров в диаметре, остальные — мелкие. Возраст горных пород, в которых найдены жемчужины, — 10—25 миллионов лет. Это третичный период.

Ювелиры уверяют, что жемчуг «живет» не более 150 лет. Они говорят, что качество жемчуга улучшается, если его носить на теле. В прошлом бытовала легенда о том, что для «оживления» жемчуга надо заставить молодую девушку выкупаться с жемчужиной в руке ранним утром...

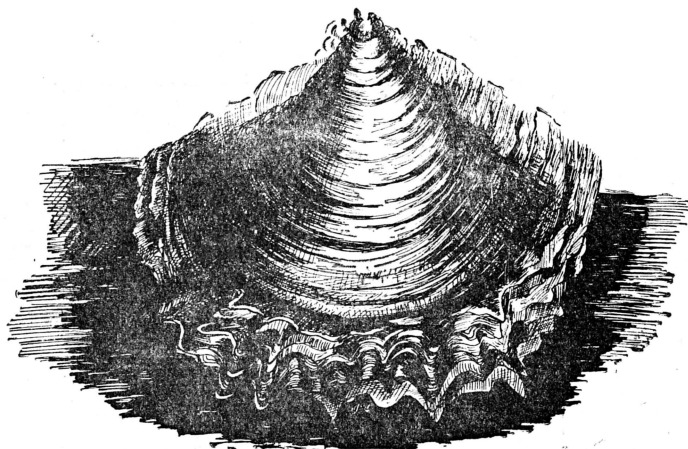
Жемчуг, найденный в Америке, пролежал в земле миллионы лет и все-таки был красивым, «молодым».

В составе жемчуга имеется много извести, есть вода. Но, кроме того, в нем до шести процентов так называемых аминокислот — сложных органических соединений. А они хорошо сохраняются. Их находили даже в панцирях девонских рыб, пролежавших в земных слоях около трехсот миллионов лет.

Моря третичного периода покрывали значительные по размерам площади нашей страны. Обширный морской водоем располагался на месте нынешней Западно-Сибирской низменности. Через так называемый Тургайский пролив это море соединялось со Средиземноморским бассейном. Лишь во второй половине третичного периода море покинуло пределы Западно-Сибирской низменности, и то, что было дном моря, стало равнинной сушей.

Если жемчужины найдены в пределах южной оконечности Урала, то действительно здесь могли жить раковины-жемчужницы, и любой исследователь может сейчас совершить увлекательное путешествие. Для этого нужны туристское снаряжение и геологический молоток.

Если жемчуг был найден в Архангельской области или на Дальнем Востоке,

Морская жемчужница.

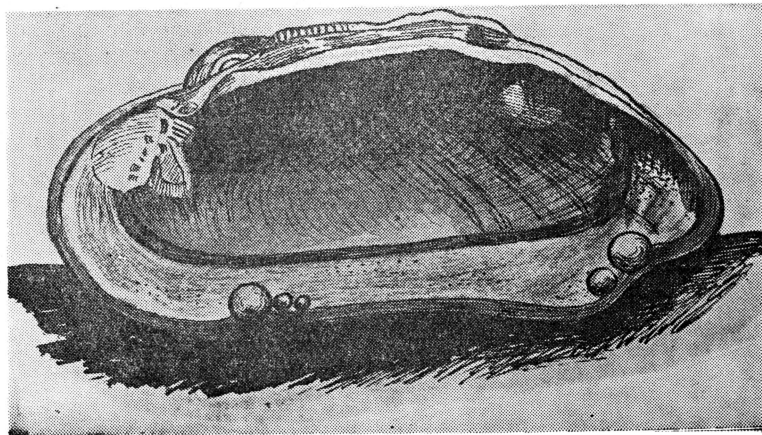
то надо изучать осадки, отложенные рекой.

В «Истории Государства Российского» Карамзина есть упоминание о том, что в 1488 году царь Иван III подарил Венгерскому королю черных соболей с новгородским жемчугом. Жемчуг этот добывался в прошлом на многих реках Архангельской области — вотчине Новгородских ушквйников.

Пресноводные раковины-жемчужницы встречаются почти на всей территории Европы и Азии, от Ледовитого океана до широты города Астрахани. Лучший жемчуг в России добывался в XVII—XIX столетиях в бассейнах рек: Онеги (Архангельская губерния), Варзуги и Умбы (Кольский полуостров) и на Амуре. Промысел заглох в 70-х годах прошлого столетия. В СССР, в некоторых районах, продолжается добыча жемчуга и в наши дни. Так, в 1939 году на реке Кереть в Карелии добыли 6800 жемчужин.

Жемчуг некогда доставали очень просто. В берестяную трубу просматривали с лодки или с плота дно реки. Расщепленным на конце шестом поднимали раковину-жемчужницу. Некоторые из раковин достигали 12 сантиметров в длину, а в реках Дальнего Востока такие раковины были до 18 сантиметров.

Пресноводная жемчужница.

В речных отложениях севера Европейской части СССР и на Дальнем Востоке могли остаться раковины-жемчужницы. Эти раковины и сейчас встречаются в массе на пашнях, на заливных лугах и в обрывах рек.

Важно определить возраст жемчуга. До размеров горошины он вырастает за двенадцать лет; для того чтобы жемчужина достигла диаметра восьми миллиметров, требуется около 30—40 лет. А ископаемые раковины встречаются всех возрастов.

Надо искать! Ведь может так случиться, что счастливец найдет жемчужину еще более крупную, чем величайшая в мире жемчужина — длиной 50 миллиметров, весом 455 карат, которая хранится в Лондонском музее. Или вдруг кто-то отыщет очень ценную черную или голубую жемчужину!

9. Сигналы недр

Медленный путь совершает движок самопишущей части аэрорадиометра. На ленте прибора остается странной формы кривая линия. Специалисты легко расшифровывают эту кривую и рассказывают нам, в какой части маршрута встретились урановые, ториевые, радиевые руды. Оказывается, там, где имеются скопления радиоактивных элементов, кривая линия дает резкий «пик».

Совершая обычный облет местности, группа инженеров одного из Среднеазиатских геофизических трестов обнаружила странное явление: вместо привычных «пиков» самописец стал вычерчивать замысловатый «обратный пик», — свидетельство почти полного отсутствия радиоактивности. Такую картину прибор отметил на всех маршрутах, проведенных в этот день. Вечером, при обработке материалов, выявился довольно большой район пониженной радиоактивности. Было много споров о том, что означает этот сигнал.

Утром инженеры приступили к новым исследованиям. Постепенно сгладилось неприятное чувство, оставшееся после нерешенной задачи... Его заслонили новые впечатления от интересной работы.

А спустя два года нефтяники-геологи открыли нефтяную залежь там, где инженеры-радиометристы не сумели расшифровать сигналы, полученные при аэрорадиосъемке. Оказалось, что загадочные зоны

повсюду в этом районе совпадали с контурами нефтяных залежей. Если бы своевременно прочли сигналы съемки, то открыли бы на два года раньше крупное месторождение нефти.

Долго не замечали исследователи Сибири сигналов, посылаемых алмазом, а потом обнаружили, что вместе с алмазами в речных песках встречаются пиропы — кроваво-красного цвета гранаты. Когда это установили, алмазоносные россыпи стали находить по такому сигналу Земли.

Часто над месторождениями цинка растут своеобразные виды фиалок. Они сигнализируют геологу — здесь цинк! Но расшифровывать такие сигналы тоже надо умело. Эта же фиалка вырастет и над закопанным в землю старым оцинкованным ведром.

Часто сигналы улавливает стрелка компаса. Группа топографов в 1929 году составляла карту одного из районов Южного Урала. Неожиданно стали отказывать магнитные приборы. Стрелка компаса резко отклонялась от линии север — юг. Вечером у костра топографы обсудили причины магнитной аномалии. Все единодушно решили: наверное, на глубине есть железные руды. Решили... успокоились... и забыли!..

Прошло около двадцати пяти лет. Такой же сигнал Земли заметил летчик М. Сургутанов. О найденной им аномалии он доложил в Уральское геологическое управление. Отряды геологов и геофизиков, посланные в этот район, подтвердили предположения летчика. Под руководством крупного инженера С. Д. Батищева-Тарасова здесь обнаружили столько железных руд, что для характеристики их надо сложить все запасы железных руд, найденных на Урале за последние двести лет, и учетверить эту цифру!

Наградой тем, кто уловил и расшифровал сигналы Земли, была Ленинская премия. Государство получило новый крупнейший железорудный район.

А сколько еще имеется в природе таких незамеченных пока сигналов Земли!

10. Скульптуры минувшего

Еще со студенческих дней мне запомнилось «выражение лица» трилобита. Смотреть это диковинное произведение природы я приходил к начальнику нашей геологоразведочной партии, с которым мы

много дней потратили на обработку и сортировку окаменелостей.

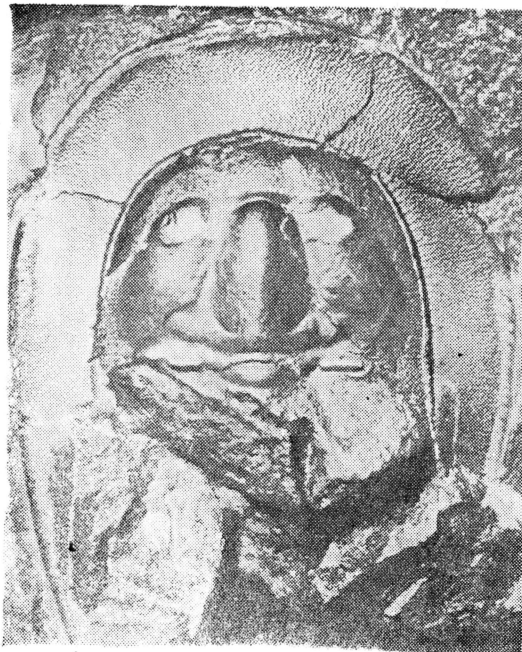
Однажды, разбив большую глыбу известняка, мы увидели на поверхности излома очертания какой-то скульптуры. Тщательно очистили ее от породы и обнаружили крупный головной щиток трилобита. Он имел сходство с лицом какого-то человека. Начали даже спорить и высказывать предположения, какую историческую личность напоминает этот портрет: одного из египетских фараонов, ассирийского вождя, предводителя древних армян? Кто-то в шутку нашел что-то общее с портретом нашего управляющего трестом.

По строгой научной терминологии у трилобита, жившего 350—400 миллионов лет тому назад, конечно, не было лица. Это мокрицеподобное существо жило в илистом дне моря, располагавшемся на месте Европейской части СССР. Возможно, что оно принадлежало к илоядным животным из типа членистоногих. На окаменелостях отчетливо видно трехчленное деление трилобитов; головной и хвостовой щитки соединены эластичной срединной частью. Щитки и срединная часть обнаруживают трехчленность и в продольном направлении. Как раз эта расчлененность и придает некоторым видам трилобитов фантастический облик.

Недавно я снова вспомнил наши споры о трилобитах, увидев в роскошно изданной книге двух чехословацких профессоров доктора Йозефа Свобода и доктора Фердинанда Прантль — портрет точно такого же существа (см. фото). Глядя на снимок, каждый может убедиться в поразительном сходстве головного щитка трилобита с лицом человека. Сходство случайное, но в природных условиях можно увидеть и другие редкости.

Вот на рисунке фигура собаки. Это гипсовый слепок с того существа, которое погибло в 79 году нашей эры при извержении Везувия. Когда раскапывали древний город Помпею, в породе встречали странные пустоты. На них долго никто не обращал внимания. Позднее одному исследователю пришла мысль наполнить пустоты гипсом и получить своеобразные скульптуры. Так появилась на свет и эта.

Разнообразны скульптуры минувшего. 265—270 миллионов лет тому назад, в море, располагавшемся на месте штата Канзас, в Северной Америке, жили рыбы до 4,5 метра длиной. Какая-то из них проглотила двухметровую рыбу, но, видно,

Мумия фараона? Нет, это щиток трилобита.

такой кусочек оказался для нее великоватым — она погибла. С жертвой в желудке рыба попала на дно моря, там была занесена илом и окаменела. Недавно ее нашли в одной из каменоломен.

Трилобит, слепок собаки, рыба в рыбе — это незначительная часть того, что мы встречаем в земных слоях различных геологических эпох. Геологи ведут специальные поиски окаменелостей. По ним можно узнать относительный возраст горных пород, а это очень важно при геолого-разведочных работах.

На привале.

Фото И. Тюфякова

Л. ДЯТЛОВА

Рисунки Ю. Ефимова

РАССКАЗ СТАРОГО ГОРЩИКА

В прошлом году мне пришлось часто встречаться и беседовать с Михаилом Дмитриевичем Лобачевым, старым уральским горщиком. Я записала, как сумела, его интересные воспоминания. Из них и родился этот „Рассказ старого горщика“.

Все мы, Лобачевы, потомственные горщики. И начинается наша горная история с тех незапамятных времен, как поселился мой прадедушка у реки Миасс. Не было в ту пору города, лишь глушь стояла вокруг непролазная. Как начали люди дома ставить — золотой песок обнаружили, в лесную чащобу сунулись — на самоцветы натакались. Ну, и стал народ кто чем для жизни промышлять: кто землю перелопачивал, золото мыл, а кто пошел камня искать.

Искали самоцветы и прадеды мои, но таких горщиков, как дед Иван Сафонович, да брат Андрей, мне встречать не доводилось.

Сам я родился в городе Миассе в 1877 году. Семья у нас была большая, одних ребят восемь человек. Избушка маленькая. Отец служил охранником на

золотых приисках. Помню, худой был, с впалой грудью и часто кашлял.

Известно, в те времена рабочего человеком не считали. Спецовку никто не выдавал. Своя лопотина у отца была плохонькая, морозы на Урале стояли трескучие, ну, видно, и простыл, охраняя хоззяйское добро. Да так лет семь до самой смерти и болел.

Дедушка мой, Иван Сафонович, дома только гостем бывал. Неделю, вторую, а то и месяц в отлучке. Но зато без добычи не приходил. Все какие-нибудь диковинные камешки в своем мешочке принесет.

Однажды пришел под вечер усталый, грязный, но с лица, видать, довольный. Разделся, умылся, не торопясь, как полагается. А когда поужинали, высыпал на стол целую горку небольших темных ка-

мешков. В сумерках запоблескивали они фиолетовым светом.

— А ну-ка, мать, зажги свет!— приказал дедушка. Зажгла бабка лучинку. И увидели мы, что уже не темные камешки, а раскаленные угольки на столе лежат. Будто кто костер раздувает.

А когда дед положил на ладонь камень и стал его рассматривать, я не выдержал и спросил:

— А он не жжется?!

— Нет, мил-человек, не жжется! — ответил дедушка.— Камень этот — дорогой самоцвет, аметист называется. А хороится он среди Темного царства, на высоких горах, в узких щелях. И открываётся он только тому, кто знает для него слово. Подрастай — научу тебя этому слову.

Долго не мог я уснуть. А как уснул, приснилось мне, будто идем мы с дедом по лесу, глухому и непроходимому. Впереди, меж деревьев, гора виднеется, а на ней подмигивают мне, будто дразнятся, разноцветные огоньки.

Не знал я тогда, что дедушкины слова скоро бедой обернутся, и будет учить он меня слову заветному, перешагнув через большое горе.

С группой рабочих добывал дедушка корунд близ деревни Селянкиной. Копь была глубокая. Чтобы облегчить себе работу, горщики в камышовые палочки набили порошу, заложили в щель. Взял дед длинный шест с горящей на конце берестой, поднес к камышу с порохом. Не раз случилось Ивану Сафоновичу заниматься этим делом, да сплеховал он на этот раз. Не то камень какой помешал, не то годы старые подвели — не успел отбежать. Обожгло глаза, и отбросило в сторону. С тех пор дед потерял зрение.

Почти шестьдесят лет жизни отдал Иван Сафонович горному делу, во многих изыскательных партиях участвовал, со многими горными инженерами работал: и с Блюмом, и с Редикорцевым, и с Габсбергом. А сколько богатых месторождений самоцветов разыскал! И если по совести судить, то не Блюмовскими, Габсберскими должны называться многие копи, а Лобачевскими. Потому как он первый заложил их.

Пока был жив-здоров Иван Сафонович, дельцы наперебой зазывали его к себе работать, а как ослеп, так никому не нужен стал.

Помню, сидит дед на завалинке, обе

руки на костыле держит, а из слепых глаз слезинки быстро-быстро капаят и на седую бороду стекают. Почитай, года полтора никуда из дому не хаживал. Потом меня за поводыря взял. И стали мы с ним в гости к Романовскому гулять. Романовский в ту пору в Миассе горным инженером был.

Угостит меня хозяин пряниками да конфетами, а сам с дедушкой за стол сядет. Романовский что-то в тетрадочку записывает, а дедушка все рассказывает и рассказывает. И хоть мал я был, а те беседы не уставал слушать. Рассказывал дедушка, где какие самоцветы хоронятся, куда какая жила идет. Говорят, когда после составлял Романовский карту Ильменских копей, очень ему эти беседы помогли.

Однажды осенним утром шли мы с дедом по тропинке, что у самого бора. Листья кружатся в воздухе, к нашим ногам ложатся, будто ковром дорожку устилают. Деревья ветками, как старому знакомому, кланяются. Вдруг остановился дедушка, прижал мою голову к своей груди и говорит:

— Пойдем, внучек, по лесу прогуляемся!

Не стал я ему перечить, повел в лес. Долго мы шли с ним горной тропинкой. И чем дальше шли, тем словно моложе мой дед становился. И шаг тверже, и спина прямее. Он даже руку мою бросил. Шел один. Видно, ноги его сами, без глаз, узнавали с детства знакомую, много раз исхоженную дорогу.

Перешли мы реку Черемшанку и, поднявшись по каменным ступеням, вышли к копи. Много лет прошло с тех пор, но и сейчас будто наяву вижу я, как слепой дед опустился в глубокую штольню. Там стал он ощупывать горные породы с такой жадной радостью, будто друга дорогого встретил и узнать торопился, таков ли он теперь, как в старые годы. Успокоившись, сел дед на глыбу каменную, посадил меня рядом и стал рассказывать. Возьмет камень, ощупает его руками и мне покажет. Не все из его слов разобрал я тогда, но, помню, удивился больше всего тому, что камни даже по цвету точно соответствовали дедушкиному описанию.

«Наверное, прозрел он!» — подумал я и с надеждой посмотрел на деда, но глаза его, мутные и слезящиеся, были по-прежнему безжизненны.

— Вот эти камни, розовые скрасна,—

шпат,— поучал меня дедушка.— А это вот — черное пластинчатое, как чешуя — слюда. В ней драгоценные камешки бьются желтые и прозрачные, как сок березовый весной. В этой копи нашел я много лет назад самоцвет на семь фунтов веса — большущий, как штоф с вином. Где-то, говорят, в Питер увезли его, в музей!

В этот день мы очень устали и не смогли дойти до дома. Ночь пришла быстро. От земли сыростью повеяло. Зажгли мы костерок, чтобы согреться. И тут дедушка мне еще одну диковинку показал. Невдалеке от костра камень лежал. Постучал дед по нему костыльком, потом пощупал, что-то отколупнул и подает мне.

— На,— говорит,— Мишенька, брось в костер!

Ну, я и бросил. Только вижу — растет мой комочек, все больше и больше делается. Я испугался. А дедушка гладит меня по голове и приговаривает:

— Не бойся. Это слюдка, «пушик» называется. Видишь, как она от огня растет, пушится. А угаснет костер, и снова она маленькая делается!

С тех пор зачастую мы с дедушкой в лес. То в одну сторону ходим, то в другую. И будто уж не я его, а он меня водит. И столько он мне всего показал, что в один раз не перескажешь. И про топазы объяснял, и про аметисты, и про Барботин Глаз — слюда есть такая, серая, выпуклая. Был, говорят, в миасских горах, начальник, не из русских. Глаза имел большие, серые, навывкате с красноватыми белками, точь-в-точь как эта слюда в белом шпату. Вот и прозвали ту слюду горщики Барботин Глаз.

Недолго только наши прогулки продолжались. Заболел дедушка и умер. Стал я старшему брату Андрею помогать, камешки в горах добывать, самоцветы искать. Спервоначально трудно мне было. Андрей намного старше меня, ходил круто, и я на своих жидких ногах едва поспевал за ним. Потом по привычке. Нраву Андрей был сурового, говорить не любил, не то что дедушка. Стану я, бывало, его спрашивать, что да к чему, а он взглянет на меня взглядом своим цыганским и промолчит. А то буркнет сердито:

— Сам гляди, да молчи. Камень тишину любит!

И казалось мне иногда, что сам он глыба каменная, а то пень лесной. Невысокий, коренастый, с густой черной бородой. Но

в душе любовь к камню имел необыкновенную. Не раз я диву давался, как он самоцветы находил. Чутье у него на них было удивительное. Каменные повадки знал не хуже дедушки.

Лет сорок работал он горщиком, и так же, как Иван Сафонович, много самоцветов нашел, во многих изыскательных партиях участвовал. Несколько раз ходил по горам вместе с Ферсманом. И Ферсман, хоть и сам до камня большой знаток, очень Андрея уважал. «Вот,— говорил он,— совсем человек неграмотный, а лучше академика камни знает!»

Была в сердце Андрея какая-то червоточина — все он будто чем недоволен ходил. Говорили люди, оттого это, что один по лесу бродяжил, а я так думаю — от жизни это. Находил Андрей в горах богатства несметные, а жили мы по-старому — из кулька в рогожку перебивались. Видел Андрей: наживаются купцы на золоте, да на самоцветах уральских, дворцы строят, с жиру бесятся, а простой народ, сколько ни старается — все в нищете живет. Стремилось Андреево сердце к правде, а как найти ее, эту правду, он не знал.

Очень не любил Андрей, чтоб дорогие камни заграничным торгашам доставались. Принесет, бывало, свою находку, выложит перед скупщиком и попросит:

— Вот тебе топазы чистой воды. Только попрошу я тебя, не отдавай ты их, пожалуйста, купчишкам иноземным. Пусть эти камешки в России останутся! — Скажет и рукой махнет, будто не верит, что по его сделают. Уйдет в кабак. Там неделю-другую пьет, потом снова в лесу исчезнет.

Много дорогих камней мы вместе с ним нашли. Вернее, он находил, а я помогал. Однажды в голубом амазоните занорыш нашли. На красноватой глине с серебристыми слюдяными чешуйками — фенокиды, прозрачные, как застывшие водяные капли. Тридцать штук! А то гнездо аквамаринов выискали. Тоже в занорыше. Переливались они прозрачной зеленью среди разбежавшихся, как лучи, иголочек черного шерла. Красота удивительная!

Десять лет я вместе с Андреем работал. Кое-какие повадки каменные изучил, приметы узнал и сам стал неплохо камешки находить. Но тут разошлись наши пути-дорожки. В 1901 году забрали меня в солдатчину. Служил я в Саратове, потом на заводе там же работал. А когда вернулся домой, на Урал, по кузнечному делу пошел.

А брат Андрей до самой смерти горщиком был. Умер он в 1916 году, и в смерти его, как и в дедушкиной, корунд повинен. Было это ранней весной. Снег еще не таял, а только чуть-чуть отяжелел. На горе, близ озера Тургояк, Андрей искал корунд. За день вырыл небольшой шурф. Вечером не захотелось уходить домой. Залез он в шурф, лег, развел маленький костерок и заснул. Ночью от костра земля оттаяла и упала Андрею на голову. Жив остался, но голову сильно поранило. Отлежался Андрей и пришел домой. Там еще к кому-то на свадьбу попал, а на следующий день и не встал.

Так на мне наша «династия» горщиков Лобачевых и кончается. Не пошли наши дети по горному делу. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь. Да любителей горного дела сейчас много среди молодежи. И учиться им есть по чему — в книгах многое написано; и искать камни легче — различные приборы имеются. Однако, чтоб тайные кладовухи в Уральских горах раскрывать, надо слово заветное знать. Только тому, кто не одну подметку износит и камень, как свою душу, полюбит, слово это откроется.

Э тот скромный задумчивый парнишка работал у нас в типографии «Уральского рабочего». Среди наших типографских ребят, задорных и бойких, он выглядел как-то необычно. Все мы видели — восемь часов в типографии находились только его руки, глаза, но не сердце. Чувства его были где-то далеко от этой простенькой работы, которой он, казалось, занимается по недоразумению.

Однажды я не выдержал и спросил в шутку:

— Ты что, Виктор, самолет изобретаешь?

Он серьезно посмотрел в мою сторону:

— Да, самолет.

Я рассмеялся. Но откуда мне было знать, что вечером я буду трогать этот самолет руками, залезать в кабину и бегать за своей кепкой, которую сдует ветром от винта...

Витя Зуев «заболел воздухом» года четыре назад. Тогда он заканчивал городское художественное училище и готовился стать краснодеревщиком. Кое-кто из его товарищей-спортсменов занимался в аэроклубе. Когда Виктор узнал, что за год там можно стать летчиком-любителем, не выдержал и пошел с ребятами.

дала мать Серафима Степановна.— Чужие для Вити не жалеют, вон соседка уютю отдала, а родная мать разве пожалеет...»

Из аэроклуба Виктор пришел под вечер, мокрый и измученный. На санках, крепко привязанный шарфом, лежал мотор. Витя начал конструировать обыкновенный вертолет. Вернее, не совсем обыкновенный, а упрощенного типа, на одного че-

Ж Р Ы Л Ь Я

Очерк

Г. УСТИНОВ

В аэроклуб его записали, но... врачи запретили летать. Четыре «захода» делал Зуев на медицинские комиссии, и четыре раза ему отказывали.

«Конечно, небольшое отклонение от нормы у щитовидной железы на земле не так уж важно, но в воздухе... В воздухе никаких случайностей быть не должно.— Так сказали ему в последний раз. И посоветовали: — Закаляйтесь. Ведите спортивный образ жизни. Через годик посмотрим.»

Виктор с весны до первых морозов обливался на улице холодной водой, бегал, прыгал, часами занимался гимнастикой. Обветренный и возмужавший, пришел он через год на комиссию. Ему отказали опять.

Кончился штурм врачей. Начался штурм учебников. Весь 1957 год Виктор Зуев строил планер. Длинное, сигарообразное тело машины заняло чердак. Но мысли обгоняли руки. Витя прятал от самого себя свою мечту:

— Эх, мне бы мотор,— вздыхал он временами.

Как-то зашел в аэроклуб, увидел объявление: в обмен на металлолом можно получить спиланный мотор.

Обе кровати были, конечно, старенькие, хотя вполне приличные. «Но что поделаешь,— рассуж-

ловека. Схему составлял сам, выбрав из десяти своих же вариантов. Может быть, потому и ошибся — поместил мотор слишком высоко. Но проконсультироваться было не с кем — в Свердловском аэроклубе учат летать, а не строить летательные аппараты. А учебники рассчитаны на изготовление самолетов и вертолетов в заводских условиях...

Через каких-нибудь шесть месяцев вертолет был готов. Летом 1958 года уже проводились испытания. «Аэродром» находился на огороде. Когда взревел мотор и начал вращаться винт, вихрь с корнем вырвал из грядки кусты картошки, а ребяташек-зрителей со страху отнесло к ближайшему забору. Мотор ревел, с улицы бежали соседи: «Витька полететь хочет!» Осмелели и подошли поближе ребяташки. Стараясь перекричать шум, Виктор нагнулся из кабины:

— Ну, мать, взлетаю!

Еще сильнее заревел мотор. Вертолет оторвался от земли и медленно пополз вверх. 20... 40... 80... 100 сантиметров. Поднявшись до полуметра, он медленно начал крениться вперед и вниз — это перетягивал высоко подвешенный мотор.

«Друзей воздуха» становится все больше...

вместе с этим ясно понял: чтобы полететь, надо еще крепко поломать голову и намозолить руки.

...На крыше сарая стоит парень. У него в руках около десятка самолетиков из газетной бумаги. Друг за другом они планируют вниз. Самолетики издали похожи на детские. Но как летят Витины! Даже при тихом ветре эти легкие птицы висят в воздухе минутами. Каждый из «летательных аппаратов» имеет свою конструкцию. Решив строить настоящий самолет, Виктор взялся за дело серьезнее, чем в прошлый раз.

— Серьезней? Да разве бумажные самолетики — это серьезно? — с горечью спрашивает в который уж раз отец Павел Александрович. — Сделал бы что-нибудь в дом. В семью. Для чего нам твой самолет, если он не кормит, не поит?

В большой рабочей семье растет Виктор Зуев. Много лет уж трудится отец. Мать не работает: ведь в семье пять детей, и все мал-мала меньше. Думали, подрастут старшие — будет отцу опора. И вот, дождалась! Ну, дочка, та хоть в институте учится. А этот, — хочу летать, — и все! Из-за этого и со строительства в типографию ушел. Из-за этого и сейчас чуть с работы — на кухню! Мастерскую себе нашел! Нет чтобы для дома что-нибудь сделать. Ведь руки золотые. Вон стулья расшатались, стол бы круглый надо, шифоньер. А то — ребятам бы лучше машину сделал. Все-таки забава...

Это верно. Когда Виктор разобрал вертолет, мелькнула у него такая мысль — сделать ребятам автомобиль. Но призвание взяло свое — через месяц у него были готовы аэросани. В это время

— Садись, Витька, — надсаживались ребята.

— Падает! — со знанием дела говорили соседи.

Виктор видел сверху, как отчаянно жестикулирует мать. «Надо садиться!» — пронеслось в голове.

...Затихла взлетная площадка. Умолк мотор. В тишине последние усталые круги делает винт. Виктор вытер кепкой разгоряченное, потное лицо и, не глядя на зрителей, покинул площадку. Взрослые и дети с уважением расступались перед ним...

Что это? Поражение? Нет, даже в первые минуты Виктор не думал так. В голове радостно билась мысль: «Взлетел, взлетел, взлетел!..»

дома было особенно трудно. Поизносились у младших старенькие пальтишки, перешитые из отцовых и братниных. Да и лыжный костюм Виктора как-то не подходил под понятие «выходное платье». Сообща решили искать покупателя на аэросани. Через неделю Виктор внес в семейную кассу 1500 рублей.

А теперь за дело. Самолет, самолет... Каким ему быть? И вновь Виктор штурмует учебники. Вот они, схемы — ими завален весь стол. Найден мотор. Он от небольшой электрической подстанции. Потянет! Уж готов фюзеляж. Вернее, скелет фюзеляжа. Дело за перкалем, но деньги, деньги... В типографии Виктор зарабатывал мало.

Как-то встретился с учителями из родной 3-й школы. Спросили: «Как жизнь?» Волнуясь, рассказал Витя все свои беды и радости. Учителя переглянулись:

— Ну, самолет — это все хорошо. А специальность имеешь?

— Как же, столяр. Краснодарцевик.

— М-да... Ладно, приходи завтра к директору. Там поговорим.

— Поможете? — с надеждой в голосе спросил Виктор.

— Пожалуй что да.

На другой день директор предложил:

— Ну, вот что, Зуев. Долго разговаривать мне с тобой некогда. Забирай-ка ты из типографии свои документы. Будешь работать у нас. Преподавать столярное дело. Но...

Виктор настороженно посмотрел.

— Чтобы авиамodelный кружок был у нас на высоте! Идет?

— Согласен! — радостно вырвалось у Виктора. — Будет на высоте!

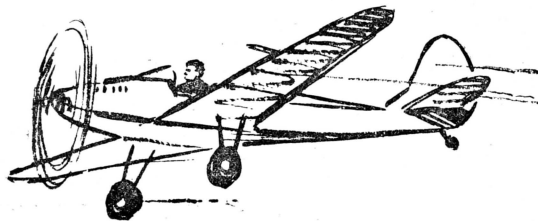
Теперь уже идея Виктора стала коллективной. Ведь сколько ему доверили учеников, столько стало в школе «друзей воздуха»! Кабинет труда превратился в громадный ангар, с той лишь разницей, что бесчисленные «самолеты» не стояли в рядах на полу, а были подвешены к потолку.

Но детищем школьного авиамodelного кружка стал «настоящий» самолет Виктора Павловича. Не только дети, но и старшие с интересом осматривали тело самолета, подвешенное в центре комнаты. «Неужели полетит?» Этот вопрос с тревогой задавал сам себе и Виктор. Полететь очень хотелось. Надо было. Чтобы до конца поверить в свое призвание.

Промелькнули апрель, май. Уже обтянуты фюзеляж и крылья перкалем. Уже на собственные «ноги» (колеса от инвалидной коляски) поставлен самолет. На месте винт. Последняя операция на чистом воздухе — крылья. Бережно ребята поддерживают их, пока Витя завертывает последние гайки.

Самолет готов!

Скоро на старт! Первый старт в жизни Виктора Зуева.

Проверь того, кто хвастает своими рыбацкими познаниями.

Составил
Бор. САВИЦКИЙ

1. Какие две породы рыб были в Демьяновой ухе?

2. В названии каких трех басен И. А. Крылова фигурирует щука?

3. Сколько у щуки зубов?

4. Какая распространенная рыба размножается не икрой, а живородящимися мальками?

5. Назовите пять пород рыб, название которых состоит из одного слога.

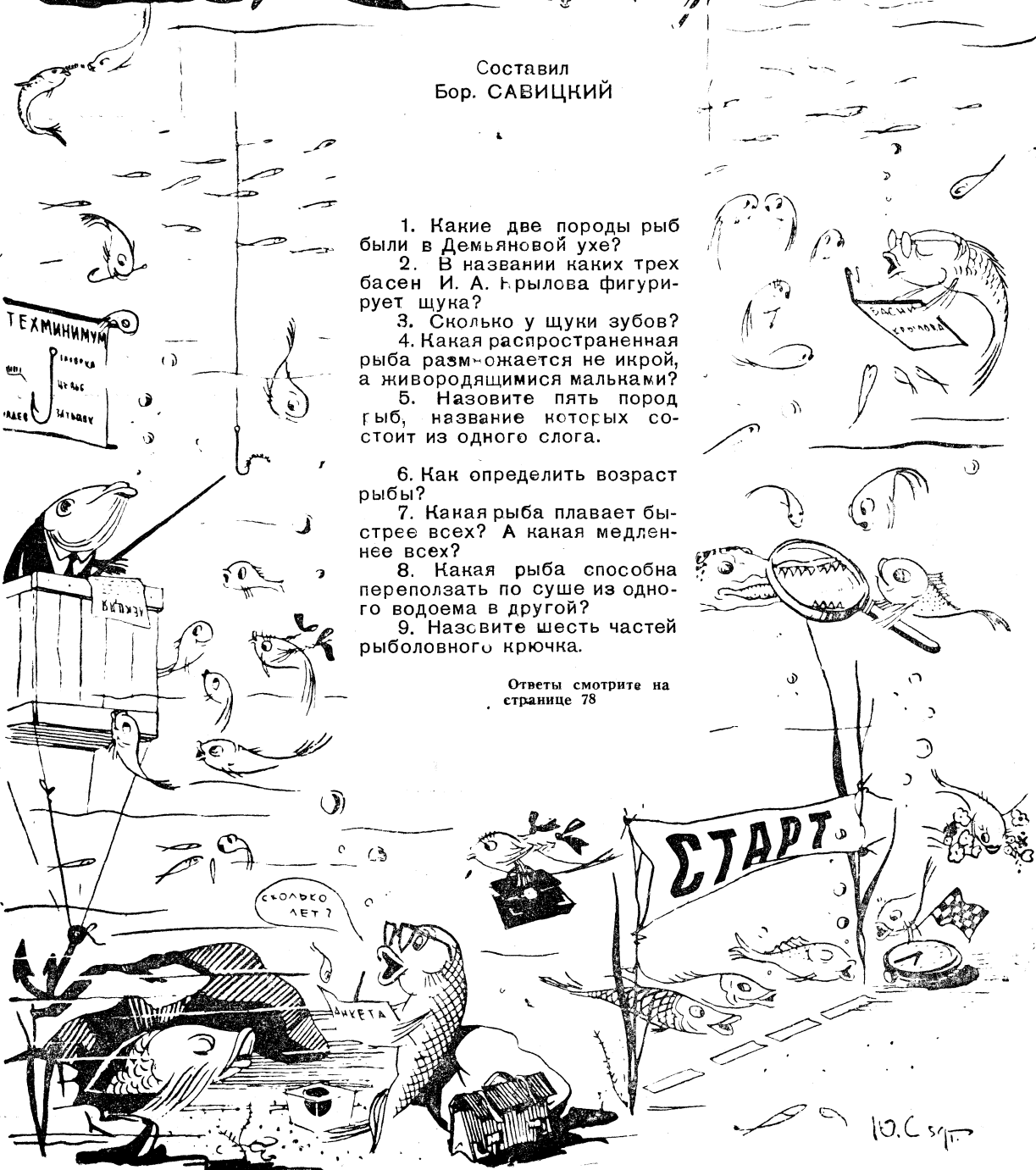
6. Как определить возраст рыбы?

7. Какая рыба плавает быстрее всех? А какая медленнее всех?

8. Какая рыба способна переползти по суше из одного водоема в другой?

9. Назовите шесть частей рыболовного крючка.

Ответы смотрите на
странице 78

Выдбы портреты

Н. ЛОВЦОВ

Рисунки Ю. Ефимова

ЛЕЩ

Плывет поутру на заре косяк лещей, а впереди — самый дородный лещ, будто столбовой боярин при рыбном дворе Его Величества короля Сомы. Надменный такой, спесивый. А как ни глядите на него, какой-никакой — вожак. В табуне, что за ним, все рядовые лещи, лещихи и лещата не хуже его напыжились — прямо гвардейцы. Плывут важно, неторопливо и на мелочь не смотрят, словно плотва, ерши, окуни да уклейки с пескарями и не рыба.

Привел предводитель свое стадо к вязкому месту, вытянули лещи губы, покопались в тине, закусили алым мотылем и опять закачались своим подводным путем, давно ими проторенным, оплыванным, — пошли на отдых.

Если какой мудрый рыбак вызнает лещиную дорогу и подкинет на крючке посреди их пути ароматного навозного червяка, — сразу у лещей происходит заминка. Уважают они такую закуску

и подолгу смакуют ее. В рот забирают медленно. И ежели какой сладкоежка попадет на крючок, особенно не волнуется. Дернет такой растяпа раза два-три поплавок и успокоится. Наверное, покажется, что так и должно быть, что неприятность недолгая. А потянет рыбак снасть, ляжет лещ плашмя — вези, куда хочешь: хоть прямо в пирог, хоть на залитую сметаной сковороду — ему уж все равно.

САЗАН

Сазан знает себе толк — отрастил усы, обрядился в бронзовую кольчугу, на спину посадил острую пилу — прямо витязь речной. Попадет на удильщика, норовит сразу же накрепчайшую капроновую леску изорвать в клочья. Если рыбак оробеет, ослабит леску — быть ему без поплавка и крючка, без лески и добычи. Случается, и доброе удилище из человеческих рук вырывает и увлакивает в камышовые заросли. Попробуй найти.

Не каждому ловцу и дается сазан в руки. Строптивая это рыба, хитрая и сильная, а в поджарке прекрасная.

Но однажды очень не повезло сазану со всем его многочисленным сазаньим и карповым семейством. Ведь карпы с сазанами родственники. Дело это произошло в старые времена в Китайском государстве, когда царствовали в той стране жестокие императоры.

Сазана в Китае называют ли. В VII веке Китаем правил очень самолюбивый и довольно преглупый император Ли Шинь-минь. И вдруг император узнает, что первые две буквы его божественного имени пишутся такими же иероглифами, как и название презренной рыбы сазана — Ли. Гневу императора не было предела. Не медля ни минуты, оскорбленный повелитель тут же приказал начертать указ, предписывающий во всех землях, подвластных Китаю, уничтожить дерзкую рыбу сазана. Неповиновение каралось смертью. Но кто же хотел умирать? Пришлось бедным китайцам подчиниться глупой воле властелина: очи-

щать от сазанов реки и озера, пруды и заводи.

С той поры и перевелся в Китае сазан, нектати кем-то названный императорским именем Ли.

И только в наше время советские рыболовы послали своим друзьям-китайцам несколько миллионов мальков сазана и его кровного брата карпа. Разводите, товарищи, кушайте на здоровье — время теперь другое: сазанов разводят, а императоров переводят.

ПЛОТВА

Словно эстрадная артистка, оделась плотвица в платье с блестками. Куда ни повернется — и под водой радужными огнями играет на ней зеркальная чешуя. Одна красота!

Но вытянет рыбак плотвичку, начнет чистить, дождем разлетится рыбий наряд, а потом обмоют рыбку, выпотрошат да кинут в котел — невзначай получается уха: горчит, и сама рыба очень костлява, гляди, как бы не подавиться.

Но чтобы показать себя, в воде плотва вертится и тут и там, лезет во все заливы, заводи, прудишки и озера, крутится подле камышей и осок, свай и мостков. Закинешь удочку, она — сходу на насадку и тянет неведомо куда, только поплавок ныряет.

Из-за своего скверного и любопытного характера плотва чаще других рыб попадаетея удильщикам. Но больше мелкая. Крупная плотва осторожнее, насадку берет не каждую. Разборчива. Ее и удить труднее.

ОКУНЬ

Горбат, как лесной рогатый зверь лось, а кровожаден, словно полосатый хищник Уссурийской тайги тигр. Таков в воде окунь. К этому еще нахален и дерзок. Обитает окунь во всех озерах, во всех прудах, всех речках и первым лезет во все новые водоемы — большие, малые. О его прожорливости много написано, а рассказов ходит еще больше. И на самом деле, окунишка ради одного озорства иной раз может заглотить и своего родного брата.

Да чего брата! Вот какой случай произошел на уральском озере Таватуй. Ловил однажды зимой один рыбак на мормышку окуней. Почувствовал поклевку, только странную. Очень рвануло по леске один раз, да так здорово, что чуть удильщик из рук не вылетело. Рыбак сделал подсечку, вытащил крючок, а на нем один окуневый глаз в свежей крови. Выходит, что рыба невзначай зацепилась глазом за крючок, да, освобождаясь, оставила его рыбаку. Не стал рыбак сбрасывать глаз с крючка, подправил да так и спустил в прорубь. Не успела его насадка дойти до дна, как опять поклевка — дернул лесу, а там на крючке заходила какая-то рыбина. Выбросил рыбак добычу на лед и дивуется — на свой собственный глаз клюнул кривой окунь. Вот ведь до чего жадность доводит!

ЕРШ

Когда мы были маленькие, бабка нам рассказывала:

— Однажды собрались мы с девками на берегу, венки из цветов лазоревых плетем. Вдруг подплыли к нам ерши, выглянули из воды и хвастают: «Поглядите, красавицы, на нас, чем не жемчужины, а глазки у нас очень хороши, мы ведь настоящие ерши».

Надолго запомнилась нам эта сказка, подросли, стали удить, а на ершинные глаза не обращали внимания. Как-то решили все же рассмотреть. Накопали червей, взяли березовые удочки с пиявными лесками и пошли к ершовому месту. Насаживали червей, закинули — сразу с братом по ершу и вытащили. Рассматриваем, а глаза у ершей белые, препротивные. Бьются ерши на ладонях, пыжатася, жабры раздули, на спине колючки задрали — думают, испугают, вырвутся и в воду обратно. Вот чудачки!

Про ершей еще сам писатель Ершов, когда писал книгу «Конец-Горбунок», очень верно сказал:

Ох ты, вечная гуляка,
И крикун, и забияка,
Все бы, дрянь, тебе гулять,
Все бы драться да кричать.
Дома — нет, ведь не сидится!

Куда бы ни попали ерши, обязательно стаями по всем заводям разбредутся. Куда только ни заплываю. Всегда ходят табунами, наткнутся на тихое рыбацкое место — замучают рыбака. Нет от них отбоя. Люди наладились ловить лещей, расставили удочки, сами пригостились на мягких дерюжинах, а на крючки виснут одни ерши — да колючие, слизкие да грязные, не хочется и в руки брать.

Правда, уха из них бывает толковая — зря нечего хаять. А вот в поджарке ерш невкусный. Если подсушить его, чтобы он между пальцами, как сухарь рассыпался, — тогда еще можно вместо семечек жевать.

КАРАСЬ

Хорош карасик на сковородке, поджаренный в сметане, залитый яйцом, — пальчики оближешь. Добрая рыба.

У Антона Павловича Чехова в его собственных прудах на подмосковной даче в Мелихово, водились караси, «лично знакомые ему». Его ча-

стый спутник по рыбной ловле, писатель Иван Алексеевич Белоусов, так обрисовал в своей книжке «Писательские гнезда» уженье карасей в Мелиховских прудах:

«Антон Павлович знал всех карасей в своих прудах и даже называл по имени: «Вот это Васька берет,—вон как поплавок-то тянет,—его я привычку знаю... А это Гришка подошел...»

Там, где карасей порядочно, берут они верно. Часто к леске приходится подвязывать на отдельных поводках два, а то и три крючка. И порой на всех трех бывает по карасю.

У карася, как и всех рыб, есть свой вкус на наживку. То ему по нраву рубиновые кисточки мотылей, а то подавай, да еще зацепленного за головку, навозного червяка. Или вдруг караси начинают клевать только на опарышей, личинок мясных мух.

Зацепился карась за крючок — не рвется, не бьется, а сразу покоряется своей карасиной судьбе и идет прямо в руки рыбака. Скучная ловля. Впрочем, иным она нравится.

В мелких озерах водятся каплюшечные караси, а в больших озерах, зарастающих торфяными сплавидами, попадаются карасиши весом до трех килограммов, черные, как головешки.

НАЛИМ

В городе Новгороде в 1951 году при археологических раскопках ученые нашли старую, почерневшую от времени крышку от бочки. Когда эту многовековую крышку высушили, на дереве неожиданно выплыла надпись:

МНЬ

Эту надпись тут же прочли. Слово — старославянское и читается как *мень*.

Менем в старину называли обыкновенного налима, единственного представителя семейства тресковых рыб в наших пресных водах.

Когда ученые стали подробнее изучать находку, строя разные догадки, то пришли к выводу, что какая-то новгородская хозяйка-стряпуха, притом грамотная, жившая 800 лет назад, чтобы не перепутать бочки с соленой рыбой, вывела на одной из них древнеславянской вязью слово *мень*.

Коротенькая надпись на бочке подтвердила еще одно — грамотность русского люда тех времен, притом, люда простого. Как нам известно, в Новгороде в те годы бояре и князья не селились. Они избегали этого бунтарского и свободного русского города. Новгород заселялся русскими ремесленниками, земледельцами, рыбаками и торговыми людьми.

Мы, рыбаки, берем на себя смелость тоже сделать выводы из этой находки — раз появилась бочка из-под налима, значит, в реке Волхов и в озере Ильмень эта рыба водилась в достаточном количестве.

Налим — рыба донная, теплую воду не любит, летом впадает в спячку, прячется в норы, под коряги, под камни, под топляки. Сетями налима очень трудно ловить. Нерестится налим в самые лютые морозы подо льдом, в январе. Ловить зимой сетями несподручно. Обычно ловят налима на крючки — донными удочками или переметами.

Насадкой на налима служат куски мяса или рыбы, живцы. А коли рыбак запасливый, да летом в корчаге с землей сберег навозных червей — зимой лучшей насадки для этого дальнего родственника трески и не сыщешь. Налим клюет по ночам, заглатывает глубоко и почти никогда не срывается. Изучив эту налимию привычку, в Сибири и Зауралье налима ловят даже на деревянные крючки. Не удивляйтесь, и с такого налим не сходит.

ОТВЕТЫ К «РЫБНОЙ ВИКТОРИНЕ»

1. Лещ и стерлядь.
2. «Щука и кот», «Лебедь. щука и рак», «Щука».
3. Более двухсот.
4. Морской окунь.
5. Сом, сиг, линь, ерш и язь.
6. По количеству колец на чешуе, при помощи луны.
7. Форель — 35—40 км в час. Линь, карп — 12—13 км в час.
8. Угорь.
9. Жало, борода, поддев, затылок, цевь и головка.

ЧУДО

По деревне разнесся слух: в реке видели «чудо». «Видно, жизни конец, антихрист явился», — толковали между собой взбудораженные люди.

Поп, узнав о «чуде», позвал церковного сторожа и велел ему вечером бить в колокол. Народу набралась полная церковь. Поп вышел на амвон:

— Братья и сестры! Неусердно мы молимся господу богу, дьявол обитает в нашей реке, потому у нас столь бед и несчастий приключается. Люди животом скорбят, скот мрет. Поднимем святые иконы и проведем ночь на реке в горячем молении. Принесите от своих трудов праведных щедрое подаяние на украшение храма господня, и за это наградит вас бог долголетием и сохранит от бед всяких...

Вечером люди собрали свои копейки, да еще прихватили яиц, масла и другой домашней снеди и все это принесли на берег, попу. Там подняли иконы и начали молиться, изгоняя из реки «нечистую силу».

Опустела деревня, только в одной избе светился огонек. Жил в ней бобыль Игоньша. Татарин был, в церковь не ходил, в бога не верил. Жил тем, что работал у богатых на поденщине да рыбачил.

Прошло несколько дней. Как-то утром проснулся он от крика: «Антихрист! Анти-и-христ!»

Игоньша выглянул в окно. Видит: несутся по дороге ребяташки с рыбалки. Сзади соседский Мишка, бледный, испуганный. Вскочил на крыльцо и забарабанил в дверь:

— Маманька, маманька! В реке-то опять антихрист явился!

Через час мужики и бабы, собираясь на работу, встревоженно переговаривались о грозивших им несчастьях. К реке идти боялись.

Игоньшу разобрало любопытство: что за чудо такое? Расскажам о нем не очень верил. Решил посмотреть сам. В реке еще накануне у него была поставлена сеть.

«Пойду за уловом, да зараз и на чудо посмотрю», — подумал он. Поел хлеба с молоком, взял ведро и пошел из дому.

— Ты что, Игоньша, никак антихриста ловить собрался? — спросил его сосед, выходящий со двора.

— А что? Пошли вместе, подсобишь! — лукаво усмехнулся татарин.

— Тьфу! — сплюнул сосед. — Я еще жить хочу. Тебе-то, безбожник, как раз и водиться с нечистой силой. Что тебе сделается.

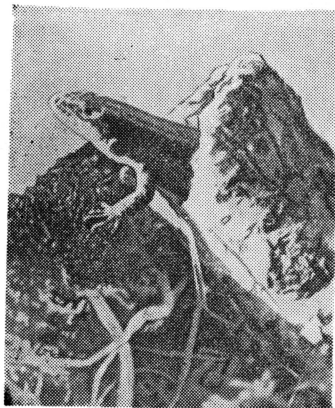
Подошел Игоньша к берегу, поставил ведро, начал выволакивать сеть. И вдруг... спина похолодела. Видит: в сети бьется что-то живое, покрытое шерстью. Хотел было опустить сеть, но любопытство пересилило страх.

...Идет Игоньша по деревне. В одной руке ведро, в другой веревочку держит, а сзади висит на ней... неизвестно что. Рыба не рыба, птица не птица, что такое? Собрался народ. Остановили Игоньшу и стали разглядывать диковину. Так ведь это щука! А на ней беркут.

— Эх вы! «Антихрист явился!» — смеется Игоньша. — Грелась, видно, эта рыбина в заводи на солнце, да и задремала, а беркут заметил ее, бросился камнем с высоты и запустил ей когти в спину. Но щука-то оказалась сильнее, метнулась вглубь и утопила беркута. Вот вам и чудеса!

И. ЗАЙЦЕВ

ЗА ЯЩЕРКОЙ

За этой юркой маленькой ящерицей «охотился» весенним апрельским днем на окраине Свердловска. Она неожиданно скользнула мимо моей ноги и скрылась в дупле.

«Обязательно сфотографирую ее», — решил я и замер недалеко от укрытия ящерицы.

Прошло много времени, прежде чем ящерица осторожно высунулась из дупла. Убедившись, что ей ничто не угрожает, она взобралась на ствол дерева и стала греться на солнышке.

Несколько дней спустя я навещал свою «знакомую». Она немного подросла, но места жительства не сменила. Я опять заснял ее.

В. КАУШАНОВ

ГОРОДА НА СПИЧКАХ

В Московском Кремле возле экскурсантов постоянно крутятся стайки ребят. Увидев человека, прикуривающего папиросу, они мигом бросаются к нему:

— Дяденька, покажите коробок!

И какой радостью загораются глаза того, кто получил коробку спичек с новой, не виданной доселе этикеткой.

Все дороги нашей Родины сходятся в Москве. Сюда приезжают люди из Прибалтики и Дальнего Востока, из Мурманска и Тбилиси, из Средней Азии и с Урала. И многие из них привозят в карманах спички с видами тех мест, откуда они прибыли. За ними-то и охотятся юные филоменисты.

Десятки серий, сотни этикеток выпущены нашими хромолитографиями и типографиями для спичечных фабрик. Рассматривая их, можно, не выходя из комнаты, ознакомиться с достопримечательностями многих городов страны.

Выпущены, например, спичечные наборы «Союз Советских Социалистических Республик», «Москва», «Ленинград». Есть серия видов Благовещенска, посвященная столетию города, серия видов городов Литвы (61 этикетка!) и другие.

Интересна серия видов Киева, выпущенная спичечной фабрикой «Ревпуть» Брянского совнархоза. На этикетках изображены Государственный университет имени Т. Г. Шевченко, улица Крещатик, Музей украинского искусства, памятник князю Владимиру, Богдану Хмельницкому, Шевченко, Щорсу.

Не так давно коллекционеры нашей области получили от Свердловской хромолитографии и Туринской спичечной фабрики хороший подарок — серию из 9 этикеток с видами Свердловска. На миниатюрных фотографиях запечатлены различные уголки Свердловска: здание городского Совета, Уральский политехнический институт имени С. М. Кирова, памятник Я. М. Свердлову, театр оперы и балета имени А. В. Луначарского, здание филармонии, улица В. И. Ленина, Дворец пионеров и уголок его парка, фонтан в Дендрологическом парке.

Б. КОЗУЛИН.

Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (зам. главного редактора), Ю. Койнов, Ю. Курочкин (редактор отдела науки, техники и краеведения), Л. Сорокин, Л. Неверов (редактор отдела прозы и поэзии), Г. Перебатов, К. Рощественская, В. Шустов.

Обложка художника Г. Перебатова.

Адрес редакции: г. Свердловск, улица Малышева, 24. Тел. Д1-22-40.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор Я. Черников.

Технический редактор Т. Меньщикова.

Корректор Г. Стороженов.

Подписано к печати 14/VIII 1959 г. Бумага 84×108 $\frac{1}{16}$ =2,5 бум. л. — 8,2 печ. л. Уч.-изд. л. 10
Тираж 50000. Заказ 208. Цена 3 руб. НС 13609.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны в Свердловской Хромолитографии.

ETHEP
VOLC

Красная площадь.

ГЛАВАНСПИ

Ленинград
1959

Памятник Юрию Долгорукому.

Памятник Минину и Пожарскому.

R.S.S. D'UKRAINE • KIEV • UKRAINE
THEATRE D'OPERA ET DE BALLET

ГЛАВАНСПИ
1959

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ
Киев
Украина

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ
KALINE K. POZHYA Y. M.
1920-36
V.S.
VIDAS PSR
ANAS RUP
V.S.
F.KAS
„LIEPINA“
75 ST.
V.S.

R.S.S. DE BIÉLORUSSIE
MINSK • R.S.
СТАЛИН

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ

МИНСК
СТАЛИН

СТАЛИНГРАД

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ
Киев
Украина
Памятник Нащору

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ
МАКЕЛАС

R.S.S. D'ESTONIE
TALLIN • THEATRE ESTONIEN

R.S.S. DE TADJIKIE
DUMBA • MAIS

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ
Свердловский СХУ

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ
F.KAS
„LIEPINA“
75 ST.
V.S.

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ
СТАЛИНГРАД

Свердловский СХУ
СНУ. Ф.КА. Г.Т.И.

Свердловский СХУ
СНУ. Ф.КА. Г.Т.И.

R.S.S. DE LETTONIE
RIGA • ACADEMIE DES BEAUX-ARTS

R.S.S. DE GEORGIE
GOVERNEMENT

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ
Экспериментальная
фабрика

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ
F.KAS
„LIEPINA“
75 ST.
V.S.

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ
F.KAS
„LIEPINA“
75 ST.
V.S.

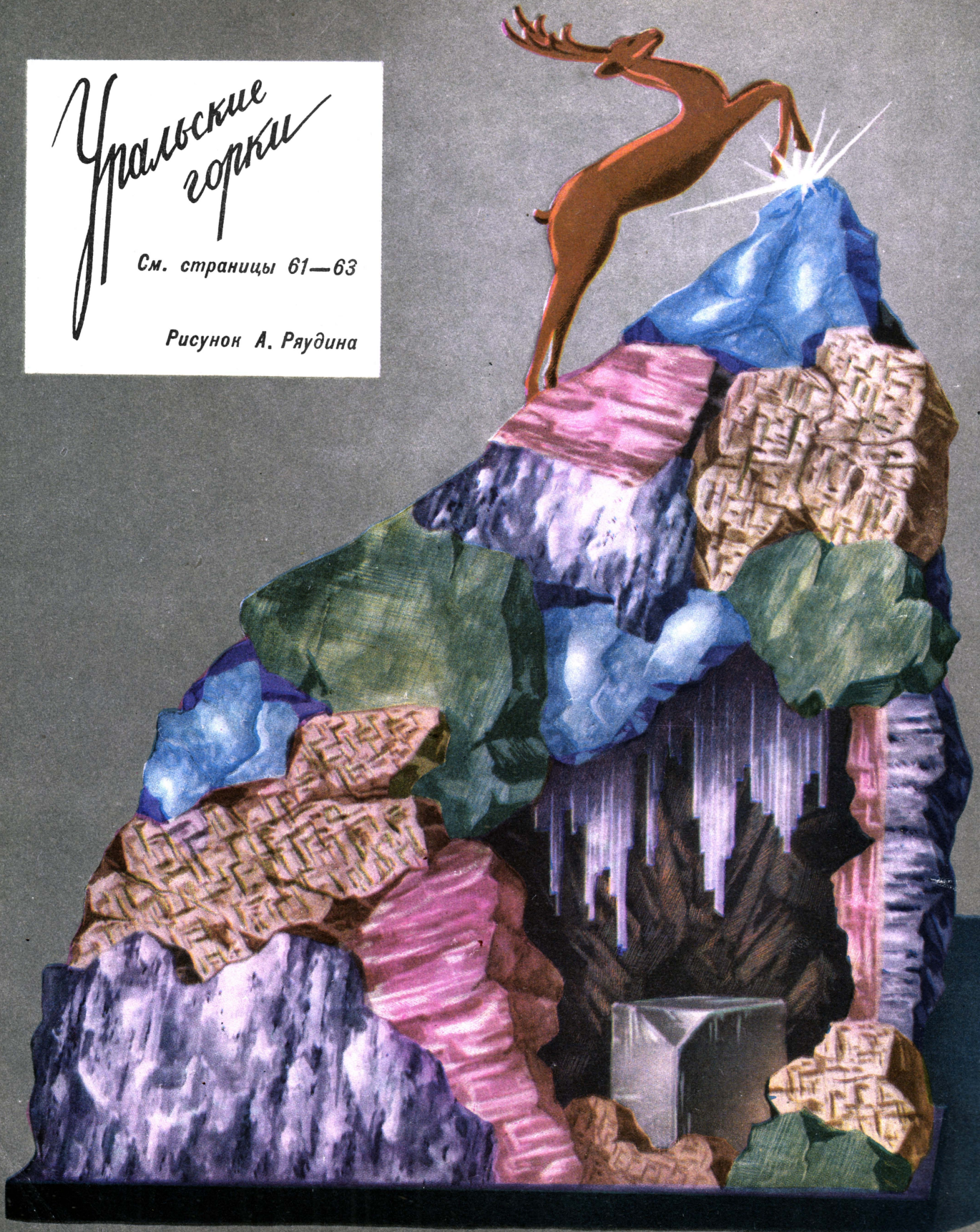
Свердловский СХУ
СНУ. Ф.КА. Г.Т.И.

1959 г.
50 ШТ
1959 г.
50 ШТ
Свердловский СХУ
СНУ. Ф.КА. Г.Т.И.

*Уральские
горки*

См. страницы 61—63

Рисунок А. Ряудина

3 руб.